

Михаил Петрович Арцыбашев

**Женщина, стоящая
посреди**

Михаил Петрович Арцыбашев

Женщина, стоящая посреди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2827875

Аннотация

«Ночь была лунная, светлая. На горе трава казалась белой, а деревья серебряными и курчавыми от росы. За крутым обрывом, далеко внизу, освещенные луною, стояли седые туманы в лугах. В черном небе висели крупные горящие звезды. От невидимой реки тянуло сыростью и болотными травами. Лягушки неумолчно, на тысячу голосов, кричали в болотах, и казалось, что все они там сошли с ума от радости.

Нина подошла к самому краю обрыва и перегнулась над ним, высоко подобрав платье. В лунном свете, окруженная звездным пространством, девушка казалась легкой, как птица перед полетом...»

Содержание

I	5
II	18
III	23
IV	26
V	39
VI	44
VII	48
VIII	51
IX	56
X	65
XI	74
XII	78
XIII	86
XIV	97
XV	105
XVI	113
XVII	120
XVIII	129
XIX	148
XX	155
XXI	163
XXII	171
XXIII	183

Михаил Петрович

Арцыбашев

Женщина, стоящая посреди

*Тут книжники и фарисеи привели
к Нему женщину, взятую в
прелюбодеянии.*

.....

*Они же, услышавши то, и будучи
уличаемы совестью, стали уходить
один за другим, начиная от старших
до последних, и остался один Иисус и
женщина, стоящая посреди.*

*Иисус, восклонившись и не видя
никого, кроме женщины, сказал ей:
Женщина! где твои обвинители?*

Иоанн VIII

I

Ночь была лунная, светлая. На горе трава казалась белой, а деревья серебряными и курчавыми от росы. За крутым обрывом, далеко внизу, освещенные луною, стояли седые туманы в лугах. В черном небе висели крупные горящие звезды. От невидимой реки тянуло сыростью и болотными травами. Лягушки неумолчно, на тысячу голосов, кричали в бо-

лотах, и казалось, что все они там сошли с ума от радости.

Нина подошла к самому краю обрыва и перегнулась над ним, высоко подобрав платье. В лунном свете, окруженная звездным пространством, девушка казалась легкой, как птица перед полетом.

– Ух, как высоко! – сказала она, засмеялась и пугливо отошла подальше от предательской бездны, круто уходящей вниз среди повисших кустов.

Луганович посмотрел на ее бледное от луны лицо, с чересчур большими, точно нарисованными, глазами, и досадливо пожал плечами.

– Вы еще совсем ребенок, Нина! С вами нельзя говорить серьезно! – сказал он, и по голосу было слышно, что он злится той особенной нервной злостью, которую вызывает неудовлетворенное желание.

Нина чутко уловила сердитую нотку, сделала серьезное лицо и смиренно уселась рядом на широкий пень давно срубленного старого дерева.

– Прежде тут был большой дубовый лес... Сколько было птиц, цветов, если бы вы знали!.. Его мужики вырубали, и в прошлом году одни кусты оставались, а теперь уже опять целые деревья... Как быстро растет все!.. – проговорила девушка, засунув руки в кармашки своей светлой кофточки и глядя кругом такими глазами, точно для нее и невесть какая радость была в том, что все так быстро растет.

Луганович с досадой отшвырнул папиросу. Красный ого-

нек описал в воздухе блестящую дугу, ударился об ветки куста и, рассыпавшись золотыми искорками, тихо погас за обрывом.

Нина робко оглянулась.

– Вы на меня сердитесь?.. – тихо спросила она.

Голосок ее прозвучал так по-детски чисто, что студенту стало стыдно. Он начал придумывать, что бы такое хорошее, нежное сказать ей, но ничего не придумал. Назойливо и мучительно было в нем одно желание, сводившее его с ума. Уже давно Луганович не мог ни о чем другом говорить с нею. Немеркнувшее представление о ее теле, таком близком и недоступном, неотвязно стояло у него в мозгу, и порою он готов был силой взять девушку. Это было невыносимо, и временами Луганович просто ненавидел Нину. Каждое ее слово раздражало его.

Лягушки, не умолкая, звенели на реке, как будто наперебой спешили рассказать всему свету о чем-то чрезвычайно важном, случившемся этой светлой теплой ночью.

– И когда они спят?.. – как бы про себя, задумчиво прошептала Нина, и глаза у нее стали грустными.

– А черт их знает!.. – внезапно сорвался Луганович, который как раз собрался с духом заговорить о том, что его мучило.

Прерванный на полуслове, он с досадой выдернул молодой побег, проросший из старого пня, злобно скрутил его и бросил.

Нина опять удивленно и даже испуганно оглянулась на него. При луне ее глаза странно и загадочно блестели. Ей было не столько обидно, сколько непонятно: бессознательно девушка чувствовала причину его раздражения, но душа ее оставалась чуждой этому темному чувству.

Луганович смотрел в сторону и судорожно потирал пальцы.

С минуту Нина неподвижно искоса наблюдала за ним, потом что-то нежно-лукавое мелькнуло у нее в глазах.

– Ну, не сердитесь!.. – сказала она и дотронулась до его локтя своими тонкими осторожными пальцами.

– Не могу я не сердиться!.. – хрипло, еле сдерживая безумное раздражение, возразил Луганович.

– Но чего же вы хотите от меня?.. – спросила Нина, и тоска прозвучала в ее голосе. – Ну, хорошо... я...

Она хотела сказать, что согласна на все, и на одно мгновение ей показалось, что это действительно так просто и легко. Ему это нужно, ну и пусть делает с нею, что хочет!.. Но сейчас же все существо ее содрогнулось от стыда и отвращения, сердце упало и голос сорвался.

Луганович быстро оглянулся. Мимо, прямо на луну, широко открытые и печальные, с покорной тоской смотрели большие темные глаза. Нина молчала и не мигая глядела на круглый светлый диск, стоявший посреди озаренного неба.

Лягушки звенели, как зачарованные. Луна, большая и холодная, торчала прямо над соседней горой, и длинные поло-

сы света тянулись от нее вниз, в чашу оврага. Туманы на лугах ткались колдовски и призрачно. Внизу, в глубокой балке, настойчиво пищала какая-то злая ночная птица, должно быть, маленькая совка.

Не дождавшись последнего слова, в ожидании которого замерло все тело и пересохло во рту, Луганович тяжело вздохнул и закурил новую папиросу. Ощущение тягостного бессилия и даже уныние какое-то охватили его.

Вдруг послышался дрожащий от сдержанных слез голос:

– Я знаю!.. – проговорила Нина.

– Что?.. – вздрогнув, как пойманный, спросил Луганович.

Но девушка опять не договорила и по-прежнему смотрела мимо него, на луну. Лугановичу показалось, что глаза ее полны слез.

– Что вы знаете?.. – переспросил он, испугавшись, что девушка опять замолчит.

– Чего вы хотите... – упавшим голосом, неподвижно глядя перед собою, но вряд ли видя даже эту светлую луну, закончила Нина.

– Знаете?..

– Знаю... – повторила девушка без всякого выражения, словно неживая.

– А если знаете, так зачем же мучаете и себя и меня?

– Чем я вас мучаю?.. – еще тише, с непонятым укором, спросила Нина.

И как будто все – и луна, и звенящие голоса ночи, и белые

деревья – все отступило, исчезло куда-то. Остались только два голоса: один робкий, печальный, как у страдающего ребенка, другой – жестокий, неверный и требовательный.

– Чем?.. Вы прекрасно знаете... Я больше не могу так, Нина. Вы еще ребенок, вы и не жили вовсе, а я уже не мальчик, я не могу удовлетворяться поэтическими разговорами и прогулками при лунном свете!

– Почему же прежде вы не говорили этого...

– Прежде я еще не любил вас так!

– Вы меня и теперь не любите!.. – утвердительно и печально возразила девушка.

Для нее это действительно было так: разве недостаточно радости и счастья в том, что они вместе, что луна светит так ярко, ночь так светла и тиха, сколько есть такого, о чем хочется рассказать только друг другу?.. А то грубое, грязное, пошлое, зачем?.. Разве любовь в этом?.. Конечно, для него она готова на все, но как это опоганит их светлое чувство, как будет стыдно и гадко потом!.. Теперь весь день проходит в ожидании встречи, а тогда нельзя будет думать о нем, потому что эта мысль соединится с грязным воспоминанием и вызовет только стыд и отвращение к самой себе. Это не любовь!..

– Не любите!.. – повторила девушка и вся сжалась от внутреннего холода.

Луганович даже зубами скрипнул.

– Любите, не любите!.. Не понимаю, что же тогда значит

любовь?.. Нет, я люблю, но я не умею любить наполовину!.. Да и почему я знаю, любовь это или не любовь... Я знаю только, что когда вижу вас, вижу ваше тело...

Нина чуть вздрогнула, и Луганович невольно загнулся, но овладел собою и продолжал упрямо, с нарочитой грубостью.

– Ну, да... тело!.. Отчего вы так боитесь этого слова?.. Ведь вы же умная, развитая девушка, а не кисейная барышня, которая думает, что любить это значит фиалки на лугах собирать!.. Удивительное дело: почему вы все так смелы на словах, а сами пугаетесь малейшего намека на себя как на женщину?.. Не понимаю, что это – трусость или игра какая-то?.. Надо смотреть на вещи проще, смелее!.. Жизнь есть жизнь, и мы не можем ее изменить!.. И чего вы так боитесь?.. Ведь вы же любите меня?.. Да?.. Так чего же вам нужно? Законного брака, что ли!..

– Зачем вы это говорите?.. Ведь вы же знаете, что это неправда!.. – зазвеневшим от обиды голосом проговорила Нина.

– Выходит, что правда!.. – окончательно не владея собою, возразил Луганович даже с некоторым злорадством. – А иначе, что же вам мешает быть счастливой?

– Разве счастье только в этом?.. – бледно и невыразительно сказала девушка.

– Счастье в том, чтобы жить полной жизнью, без преград и запретов!.. – твердо выговорил Луганович, и в эту минуту ему искренно казалось, что все возможное на земле счастье

заключается в том, чтобы она отдалась ему тут же, сейчас, ни минуты не медля. Главное – сейчас же. Он помолчал и прибавил вкрадчиво: – И ведь это же неизбежно, Нина!.. Вы женщина...

– Только женщина?.. – переспросила Нина.

Именно потому, что в это мгновение она и была для него только женщиной в самом узком смысле этого слова, Луганович обозлился.

– Ах, оставьте вы это!.. Ну, и человек!.. Что ж из этого? Разве это мешает быть женщиной?.. Как будто женщина, ставши женщиной, будет менее человеком... Этим вы больше оскорбляете женщину, чем можно оскорблять ее самыми грубыми желаниями!.. Любите как женщина, мыслите и работайте как человек!.. Не бойтесь вы этих громких слов!..

Луганович воодушевился, но тут же почувствовал, что как раз и выходит слишком много громких слов. И чем их больше, тем он дальше от цели. Студент даже удивился: как будто и слова те самые, какие необходимы в данном случае, а между тем чем больше он говорит, тем холоднее в душе, тем слабее ощущение в себе мужчины, в ней – женщины. Он даже увидел, что Нина, несмотря на грубую обнаженность этих слов, мало-помалу успокаивается и начинает слушать с тем детским интересом, с каким слушала всякие умные разговоры. Девушка как будто чувствовала, что, пока он говорит такие страшные и серьезные вещи, он не может коснуться ее. Луганович круто оборвал свою речь и стал просить унижен-

но и страстно:

– Ниночка, не мучьте меня!.. Будьте моею!.. Ведь вы же любите меня?.. Ниночка!..

И сейчас же вновь выросла таинственная тяга их тел, зажигая кровь, туманя ненужное сознание. Луганович тихо обвил рукою ее мягкое гибкое тело и потянул к себе, заглядывая в глаза и губами отыскивая ее губы.

Нина не сопротивлялась, как будто ослабев, и вся стала какая-то мягкая, гибкая. Глаза ее закрылись, щеки потемнели, от губ повеяло сухим жаром. Они были горячи и влажны, а дыхание как вино. У Лугановича все поплыло в голове. Он уже ничего не соображал.

Луна закружилась, подпрыгнула, на мгновение исчезла с неба и вдруг стала на самом краю обрыва, большая, светлая, с белым, что-то говорящим лицом. Лягушки замолкли. Все сдвинулось и замерло кругом. Стало душно и жарко. Руки сами собою скользили по краю платья, по жестковатой ткани тонкого обтянутого чулка. Оглушительной трелью залились лягушки, точно все разом перессорились между собою. Холодными призраками отошли и стали вдали белые от росы деревья.

Что-то произошло, чего Луганович даже не понял. Луна отскочила и повисла в небе, далекая и равнодушная.

Луганович сидел на траве оглушенный. В ушах у него звенело, руки и ноги дрожали, во всем теле была бесконечная слабость. Он все еще тянулся к Нине, но девушка стояла уже

в двух шагах, закрыв лицо руками и повернувшись к нему спиной.

Злоба обманутого порыва охватила Лугановича до помрачения. Ему было бешено стыдно, и казалось, что ничего на свете не может быть комичнее его позы, с протянутыми руками, на коленях, с бессмысленным лицом. Он почувствовал, что из уголка рта вытекала на подбородок струйка горячей слюны, и кто знает, если бы Нина увидела это, возможно, что Луганович убежал бы и застрелился за первым кустом.

Но Нина стояла, закрыв лицо руками, полумертвая от стыда и страха, что обидела его.

Луганович опомнился.

– Так, – сквозь зубы проговорил он, – прекрасно... Ну, как вам угодно!.. Очевидно, мы не понимаем друг друга!.. Ну и хорошо!.. Желаю вам счастья в законном браке!..

Студент встал, неловко отряхивая пыль и листья с колен и чувствуя, что говорит совсем не то, что хочет.

Нина отвела руки от лица и взглянула на него с удивлением.

– Н-да, – холодно и бессмысленно, страдая сам и в то же время наслаждаясь мстительной грубостью своих слов, продолжал Луганович, – мы с вами, Нина Сергеевна, разные люди!.. Я не признаю половины ни в чем!.. Вздыхать и мечтать я не хочу и не умею!.. Слуга покорный! Это может делать ваш Коля Вязовкин, но не я!..

«И при чем тут Коля?.; Как это пошло и глупо!» – мель-

кало у него в голове, но он уже не мог остановиться.

– Ведь это же ваш нежный рыцарь?.. Вот вам достойный жених!.. Уж он-то, конечно, до свадьбы не посмеет руки вашей поцеловать!.. Правда, немножко на барана смахивает, но зато чувствовать... о!

Нина смотрела на него во все глаза, точно не узнавая.

– Что вы так на меня смотрите?.. Разве не правда, что он на барана похож?..

Луганович ломался, был жалок и смешон, и сам отлично сознавал это.

– Мне пора... идемте, – вдруг быстро, видимо страдая за него, проговорила Нина.

– О, пожалуйста!.. Прикажете проводить вас?.. – насмешливо, но с полным отчаянием в душе подхватил Луганович.

Нина, не отвечая, быстро пошла прочь. Луганович, неизвестно для кого делая презрительную улыбку, последовал за нею. На душе у него было совсем скверно. Он презирал себя, ненавидел Нину, готов был заплакать и сразу обнаружить, что еще очень и очень молод.

– Итак, мы расстаемся?.. Жаль!.. Если бы вы не были так трусливы!..

Нина молча и поспешно шла по тропинке между высокими редкими деревьями. Обрыв остался далеко позади, луна стала меньше и бледнее, все тише доносилось неумолчное кваканье лягушек. Скоро уже казалось, что только какая-то бесконечная трель, замирая, звенит в воздухе.

Луганович наконец замолчал и шел вне себя, сжимая кулаки. Он то усмехался, то пытался беспечно насвистывать, то окидывал Нину, идущую впереди, циничными взглядами, но неизменно чувствовал, что все, что бы он теперь ни сделал, фатально обращается в мальчишество и глупость.

У калитки своей дачи Нина остановилась.

Здесь начинался сплошной сосновый бор, который жуткой стеной стоял за белыми домиками дач. Луна светила прямо на него, и передние стволы сосен белели, как колонны, а за ними был черный глубокий мрак. На соседней даче лаяла собака.

– Ну вот вы и дома!.. – сказал Луганович каким-то дурацким тоном.

Он развязно приподнял фуражку и поклонился. Нина протянула маленькую белую руку, на которой синеватым огоньком вспыхнул при луне узенький ободок колечка. Но рука осталась в воздухе. Девушка с тоскливым недоумением и мольбой о прощении взглянула в лицо Лугановичу, и губы ее страдальчески дрогнули. Она не могла понять, что произошло между ними.

Луганович видел, что она страдает, и сам готов был удариться головой о ближайшую сосну, но в то же время ощущал и жгучую сладость мести.

«Ага, – мысленно говорил он, – сама виновата!..»

Рука Нины медленно опустилась и повисла. Она, видимо, что-то хотела сказать и не могла. Студент стоял, небрежно

пощелкивая хлыстом по сапогам и беззаботно оглядываясь кругом.

– Зачем... зачем так грубо?.. – вырвалось у девушки.

– Что – грубо?.. – с великолепным удивлением переспросил Луганович, высоко подымая брови.

Но Нина быстро повернулась и торопливо пошла к дому.

Светлая кофточка замелькала между молодыми сосенками, которыми была обсажена дачная аллея, исчезла за ними, еще раз ярким пятном вспыхнула на темном крыльце и пропала совсем.

Луганович долго стоял на месте, весь с головы до ног облитый лунным светом, и не знал, что теперь делать. Все вышло так неожиданно и глупо, он вел себя как мальчишка. Ему было жаль Нину и хотелось просить у нее прощения, но снова вспыхнуло в мозгу представление о ее недоступном теле и новый приступ животной злобы охватил его.

– Хорошо же!..

С размаху студент треснул хлыстом по сосне, сломал ее и, крупно шагая, пошел прочь.

II

Жара была невыносимая. По стволам сосен крупными каплями стекала смола, и липкий запах ее густо и душно стоял в воздухе. Сухостью и жаром веяло от прошлогодней хвои, толстым пыльным слоем лежавшей на земле, среди тонких острых иголок жесткой лесной травы. Вверху, над соснами, таяло белесое небо. По насыпи гудя проехала пустая дачная конка, и мул, везший ее, бежал так, точно ежеминутно был готов свалиться под дерево, протянув все четыре ноги. Его длинные уши беспомощно висели над унылой мордой.

Нина лежала в гамаке, подвешенном меж двух сосен, и, заложив руки под голову, смотрела вверх, туда, где верхушки замерли в высоте, каждой иголочкой отчетливо вырисовываясь в густой синеве.

Какие-то липкие жучки всползали на шею и руки, горячие солнечные пятна тихо двигались по всему телу, от покрасневшего влажного лица до маленьких туфелек, высушившихся из-под легкой юбки.

Нина смотрела не отрываясь, но видела не сосны и небо, а свои мысли. Мысли же были только о Лугановиче, которого она не встречала после той ссоры. Она ясно представляла себе его красивое тонкое лицо, высокую гибкую фигуру и большие белые руки, которые возбуждали в ней волну-

щее представление о мужской силе и нравились Нине больше всего. Девушка не отдавала себе отчета в этом, но всегда ей хотелось смотреть на эти руки и тихонько дотрагиваться до них.

Возле гамака, прямо на земле, поджав одну ногу и опершись рукой на горячие жесткие иголки, сидел студент Коля Вязовкин. У него было круглое, как-то все книзу, действительно баранье лицо, с выпуклым лбом и глупыми влюбленными глазами. Сидеть ему было жарко и неудобно, и он жестоко страдал от любви.

Боже, какой прелестной казалась ему Нина, висящая в тонкой сетке гамака, сквозь которую ему были видны все линии ее молодого тела и нежный профиль, золотившийся мягким солнечным загаром.

Коля Вязовкин сильно потел в своей черной кургузой тулупке с инженерными наплечниками и терзался невыносимо, но ничего путного о своей любви сказать не мог. Во-первых, он страшно боялся Нины, а во-вторых, не выговаривал буквы «л». Вместо «люблю» у него вышло бы «вубью», и это лишало его последней энергии. Но все-таки он изо всех сил старался занять девушку и говорил почти не умолкая:

– Я так понимаю, Нина Сергеевна, что вубовь довжна быть повная. Есви бы я повубив, я бы всю жизнь отдав бы!.. Потому что иначе – подвость, и бойше ничего!.. Вубовь это такое чувство, которое на всю жизнь... Я не понимаю так называемой свободной вубви. По-моему, это просто разврат, и

бойше ничего. И всегда это обман!..

– Почему – обман?.. – спросила Нина и тоскливо переложив голову на руках, которые резала узловатая тонкая бечевка гамака.

– Конечно, обман. Всегда это обман, Нина Сергеевна!.. Это тойко красивые фразы, а на самом деле одна подлость!.. Просто та сторона, которая товкуется о страсти без всяких обязательств, не чувствует никакой вубви, а потому и говорит, что ее вовсе не нужно!.. И никогда из этого ничего, кроме гадости, не выходит. Одна подлость и грязь. А вы как смотрите на вубовь, Нина Сергеевна?..

Нина закрыла глаза и задышала неровно и быстро.

– Я тоже, Коля, думаю, что о свободе страсти говорят только тогда, когда никакой страсти и нет... Кто любит, тот ни о чем не говорит и ни в чем не уславливается!.. – тихо, со странным выражением, точно желая убедить самое себя, сказала Нина.

Легкая краска проступила сквозь прозрачный янтарный загар ее щек.

– Вот, вот... – радостно заблеял Коля Вязовкин. Девушка открыла полные тоски глаза и продолжала, немного задыхавшись:

– Я могла бы... принадлежать человеку только тогда, когда знала бы, что для него это так же важно и громадно, как и для меня... Это должно быть такое чувство, чтобы совсем раствориться в нем, чтобы жить одной жизнью... Если бы

я была уверена в таком чувстве, я бы ни на минуту не задумалась бы... Я бы ни перед чем не остановилась!.. Неужели кто-нибудь может думать, что для меня важно выйти замуж?.. Это глупо и оскорбительно, Коля!.. – не ему, бедному, потеющему от жары и любви, а кому-то другому бросила Нина. Губы у нее задрожали, а на нежных до прозрачности щеках выступили зловещие пятна. – Не могу же я... ну, быть близкой... человеку, которому нужно только мое... тело... – краснея до слез и неподвижно глядя вверх перед собою, продолжала девушка. – Это грубо и гадко!.. Я понимаю, что когда два человека любят друг друга, то у них даже тело становится общим... Тогда это понятно и не... гадко... А так!.. Да неужели же это так важно, Коля?.. Вот вы мужчина, скажите?..

Такая тоска и такое недоумение прозвучали в этом неожиданном вопросе, что бедный мужчина засопел и его крутое лицо стало смущенным, возмущенным и окончательно глупым. Он понял, что Нина с кем-то спорит, догадался, что кто-то предлагал ей отдаться, и ревность жгучим пламенем разлилась под его узкой тужуркой.

– Есть люди, для которых это – самое важное, Нина Сергеевна... Но я их не уважаю, Нина Сергеевна!.. – важно ответил он.

– Ах, все вы такие, должно быть!.. – с неожиданным раздражением возразила девушка и задумалась.

Коля Вязовкин, уязвленный в самое сердце, сидел на го-

рячей хвое и глупо, исподлобья смотрел на нее. Ему было жарко и обидно.

А Нина лежала в гамаке, смотрела, как тихо покачиваются верхушки сосен, и думала о том, что, должно быть, она не такая, как все другие девушки. Почему другие выходят замуж, живут с мужчинами и совершенно спокойны, веселы и счастливы, а у нее при одной мысли об этом содрогается стыдом и отвращением все тело?.. В груди у нее такое восторженное, светлое, полное радости и нежности чувство, и готова она на какую угодно самую беззаветную жертву, а между тем без ужаса не может даже подумать об «этом»...

А как они могли бы быть счастливы!.. Нине грезилась какая-то необыкновенная жизнь: всегда и во всем вместе, все друг для друга, общие мысли и чувства!.. Девушка ощущала, как растут в сердце тоска и нежность, и слезы подступали у нее к глазам.

Коля Вязовкин смотрел на нее и готов был немедленно положить живот свой тут же, на горячей хвое, чтобы только оградить ее от всего дурного, темного и грязного. Рыцарем гордым и великодушным чувствовал он себя, но лицо у него по-прежнему было глупое.

III

Вечером, гуляя в дачном парке, Нина встретила Лугановича.

Он шел с какой-то полной, очень красивой, но уже немолодой дамой.

У нее были большие, искусно подрисованные глаза и улыбающиеся яркие губы. Черное платье, с прошивками на тяжелых плечах и груди, ловко перехвачено шелковым поясом, и вся она какая-то особенная, вызывающе смелая, откровенная и ловкая. Маленькие ноги на высоких каблуках выступали отчетливо и крепко, а сквозь кружево прошивок просвечивало неуловимо-нежное и бархатисто-розовое тело.

Нина сразу возненавидела эту даму и за ее прошивки, и за походку, и за подведенные глаза, и за наглый, как ей показалось, торжествующий смех. Девушка окинула ее прищуренными глазами и подумала с злой радостью, что если снять с нее это облитое ловкое платье и расшнуровать корсет, то вся она распустится и расплывется в безобразную массу жирного и потного тела.

Луганович выступал рядом, самодовольно и самоуверенно улыбаясь, низко наклоняясь над плечом своей дамы и глядя ей не в лицо, а на подрагивающую на ходу выпуклую грудь. Дама ласкала его затененными глазами и смеялась так, словно между ними все было уже сказано и она только под-

дразнивала его.

Когда они прошли и Луганович намеренно холодно поклонился Нине, дама сказала тихо, но внятно, с расчетом быть услышанной:

– Хорошенькая!..

В ее устах эта похвала почему-то оскорбила Нину.

Луганович что-то ответил, и дама засмеялась так, точно ее пощекотали.

И сразу Нина почувствовала себя такой простенькой и жалкой, что едва не заплакала. Но вместо того она расхохоталась, неестественно закинула голову и прошла, будто не заметив поклона.

Коля Вязовкин что-то проблеял, но Нина не расслышала. Лицо ее горело, глаза потемнели и смотрели прямо перед собой, полные такой жгучей ненависти, что казались чужими на ее нежном молодом лице.

– Что за странная фантазия в деревне одеваться точно на каком-нибудь модном курорте!.. – презрительно сказала она, вся дрожа от злобы и отвращения. – Терпеть не могу этих толстых, старых, грязных баб!..

Она произнесла эту фразу так неожиданно грубо, что Коля даже сконфузился.

Нина заметила и мучительно покраснела.

– Мне сегодня удивительно весело, Коля, – сказала она, судорожно хватая его под руку, и вдруг слезы выступили у нее на глазах.

– Нина Сергеевна, Нина Сергеевна, что с вами?.. – засуетился Коля, почему-то изо всех сил вырывая у нее свою руку и сам того не замечая.

Нина мокрыми глазами, с беспредельным отчаянием взглянула на него, увидела его растерянное, испуганное, страдающее, но все-таки баранье лицо, истерически захохотала и стала тормозить его.

– Какой вы смешной, Коля!.. У меня просто нервы расстроились! Это пустяки... Ну чего же вы надулись, как мышь на крупу?.. Побежим!.. Догоняйте меня... ну!..

Она побежала, чтобы скрыть слезы, которых уже не могла удержать, а Коля Вязовкин растерянно и неуклюже бежал за ней вприпрыжку, и лицо у него было глупое, как у барана, неожиданно наткнувшегося на новые ворота.

IV

Верстах в трех от дачи строили железную дорогу, и по вечерам из-за леса были слышны пронзительные свистки паровоза и короткое уханье паровых баб, заколачивающих сваи. Инженеры, которые строили дорогу, жили на дачах.

Их было трое: один – старый, женатый и скучный человек, другой – совсем мальчик, похожий на студента, и третий – щеголеватый, весьма красивый и самоуверенный господин, который часто бывал в дачном парке, ухаживал за всеми дамами, ужинал на веранде ресторана и при этом всегда выпивал бутылку шампанского какой-то особенной марки.

Старый инженер ни на кого не обращал внимания и говорил только о постройке, молодой – ходил в косоворотке, увлекаясь пропагандой среди своих рабочих, а тот, который ужинал с шампанским, очень быстро перезнакомился со всеми дачниками, играл в лаун-теннис и думал, казалось, только о женщинах. Поговаривали, что он живет с той красивой артисткой, которая ни с кем не знакомится, играет в лаун-теннис с голыми ногами и у которой сестра гимназистка. Однако передавали друг другу и еще несколько пикантных историй в связи с самыми разнообразными именами, вплоть до какой-то горничной земского начальника. Но все эти толки только придавали господину Высоцкому особое обаяние в глазах дачных дам.

Когда Луганович так обидел Нину и она бежала по лесу с Колей Вязовкиным, заплаканная, сверкающая гневом и обидой, инженер встретил ее и проводил глазами.

«Красивая девка!..» – сказал он себе, когда женская фигурка, с развевающимся за плечами легким шарфом, скрылась в лесу. Потом прищурился, подумал и медленно направился в парк, где встретился с Лугановичем и его дамой.

Несмотря на явное неудовольствие и даже какую-то тревогу дамы, он сейчас же присоединился к ним, познакомился с Лугановичем и стал ядовито подшучивать над его дамой.

Она злилась, Луганович петушился, но Высоцкий смотрел на него спокойными, наглыми, предостерегающими глазами, и ей не оставалось ничего другого, как притвориться, что принимает все это за милые шутки. В конце концов она, однако, не выдержала и ушла, сославшись на головную боль.

– Раиса Владимировна, – крикнул ей вдогонку инженер, – я к вам зайду вечером... можно?..

Досада и страх выразились на ее красивом лице, но она все-таки успела обжечь Лугановича таинственным взглядом, ясно говорившим: до другого раза!..

Инженер сразу изменился. Он дружески подхватил Лугановича под руку и заговорил таким тоном, точно они были старыми приятелями, превосходно понимающими друг друга.

Сначала студент был настороже, но инженер был так мил, так остроумно высмеивал дачные нравы и дачных дам, что

Луганович, которому немного льстило внимание эlegantного инженера, не выдержал и развеселился.

В конце концов они очутились на веранде ресторана, и перед ними появилась обычная бутылка шампанского.

Было уже поздно, и тихо наплывала теплая летняя ночь. Над вершинами сосен засверкали звезды. В аллеях парка только кое-где, под неяркими электрическими фонариками, еще виднелись группы дачников. Доносились мужские голоса и женский смех. На балконах дач, сквозь темную листву, заблестели огоньки. Лес потемнел и сдвинулся кругом.

Инженер и Луганович говорили, конечно, о женщинах.

Это так обычно, что когда собираются мужчины, то они говорят о женщинах. Они могут говорить о чем угодно – об искусстве, о политике, о науке и религии – но их беседа никогда не будет так напряженна и остра, как тогда, когда слово «женщина» не сходит с языка. Она как будто стоит перед ними – непременно нагая, непременно молодая и красивая, непременно любовница. Где-то, забытые, теряются матери, жены и сестры – скучные женщины будней, и поперек всего фона пестрой жизни распростерто обнаженное женское тело. И на это желанное тело, с той странной злобой, которую рождает неудовлетворенность, летят плевки, похожие на поцелуи, и поцелуи, похожие на плевки.

– Мы все прекрасно знаем, – говорил инженер, – что никто из нас не питает ни малейшего уважения к женщине... Мы все считаем их развратными, лживыми и доступными.

Мужчина презирует женщину, но преследует ее как совершеннейшее орудие наслаждения, пока она молода и хороша. Когда же она состарилась, ее вид не возбуждает ничего, кроме скуки, в лучшем случае – какого-то забавного почтения, как к отставной любовнице. Это уже – пенсия инвалиду!.. Все те прекрасные слова о женщине, которые мы читаем на страницах либеральных газет и поэтических произведений, ни для кого не обязательны в личной жизни!..

Когда мы восхищаемся тургеневским ароматом чистых девушек, мы, в действительности, только вдыхаем запах свежего женского тела. Женщина-товарищ нам не только не нужна, но даже враждебна, ибо конечная мечта мужчины – женщина-раба, покорная ласкам и не стесняющая его свободу ни в чем. Чистые девушки дороги нам только тем, что их еще можно лишить невинности. Первое наше стремление при соприкосновении с невинной девушкой – развратить ее. Ничто так не увлекает мужчину, как физическое и моральное насилие над женщиной, борьба с ее стыдом, дикарская грубость захвата. И кто знает, не это ли, в конце концов, и нравится женщине. Пока мы молоды и наивны, мы часто боимся оскорбить женщину, играем в благородство, а она фатально ускользает от нас в руки более грубого и смелого.

Луганович быстро посмотрел на инженера. Ему показалось, что Высоцкий намекает на него и Нину. Не было ни малейшего основания подозревать это, потому что девушка даже не была знакома с инженером, но смутная ревность

сейчас же шевельнулась в Лугановиче, и вдруг с поразительной убедительностью студент почувствовал, как был глуп тогда, на обрыве, уступив сопротивлению Нины. Он немедленно дал себе слово в другой раз быть настойчивее и не отступать даже перед насилием.

Инженер не заметил ничего и продолжал, видимо сам увлекаясь пряным содержанием своей речи. Слово «женщина» он произносил как-то особенно, с таким оттенком, точно из всех человеческих слов только это одно было ему понятно до конца.

– Беспомощность женщины, которую насилуют, вовсе не вызывает в нас жалости и негодования... Она только возбуждает нас. Когда в газетной хронике мы читаем об изнасиловании беззащитной девушки толпою каких-нибудь хулиганов, мы только из лицемерия возмущаемся, а на самом деле жаждем подробностей и мучительно завидуем, что нас не было в этой толпе, хотя бы в качестве зрителя... О, если бы не существовало каторги!.. Если бы сегодня отменили всякую кару за изнасилование, завтра к вечеру во всем мире не осталось бы изнасилованной женщины. Их ловили бы повсюду, в лесах, в салонах, в комнатах для прислуги, в дортуарах пансионатов, в классах гимназий и в монастырских кельях... Ибо для чего же нам нужна женщина?.. Неужели вы думаете, юноша, что мы не обошлись бы без нее в наших искусствах, войнах, науках и работах?.. Солдаты, депутаты, рабочие, литераторы, философы разве нуждаются в помощи

женщины?.. Отнимите у нее орудие наслаждения, и женщина станет для нас только лишним ртом.

– Отчасти вы, может быть, и правы, – нерешительно возразил Луганович, оглушенный этим потоком цинизма, – но мне кажется, что в сфере, например, искусства...

– Это вы об актрисах?.. – спросил инженер. – Оставьте!.. Попробуйте выпустить некрасивую женщину на сцену или написать пьесу, в которой нет специально любовной роли для женщины!.. Нет, женщина в искусстве только возбудитель, и больше ничего!..

– Женщина-мать?

– Ах, юноша... – насмешливо вздохнул инженер, – давайте называть вещи их собственными именами: что такое мать?.. Аппарат для высиживания и кормления, кормилица и нянька!.. Зачем произносить это слово с таким пафосом, когда слово «отец» произносится так просто?.. Я никогда не видел, чтобы мужчина гордился тем, что носит в себе зародыши миллионов жизней, а почему, скажите, пожалуйста, эта роль менее почтенна? Клянусь честью, что беременная женщина не возбуждает во мне больше благоговения, чем виновный в этом мужчина!..

Луганович невольно вспомнил свою мать – женщину легкомысленную и с тяжелым характером, но почувствовал какую-то неловкость и с легкой запинкой возразил:

– Не все матери только аппарат, как вы выражаетесь... Должно быть, у вас никогда не было матери...

Высоцкий взглянул на него с таким комическим удивлением, что студент покраснел и разозлился.

– Я говорю не в буквальном смысле, конечно... Но вы, вероятно, рано лишились матери или...

– О нет... – спокойно перебил инженер, – моя матушка жива и до сих пор, и уверяю вас, я питаю к ней самую искреннюю нежность... Но это ужасно по-обывательски – думать, что если человек пришел к каким-нибудь выводам, то непременно по причинам личного свойства. Точно в выводах разума нельзя идти даже против собственного чувства! Мать моя решительно ничего не сделала такого, что могло бы меня разочаровать в матерях вообще. Напротив, она очень любила меня и была превосходной нянькой.

– Только нянькой?

– А чем ей быть?

– Мать может быть воспитательницей, другом...

– Другом, конечно, может быть, но какая же это заслуга – быть другом чьим бы то ни было, а тем более – своего собственного щенка!.. Любая свинья – друг своего поросенка!.. А насчет воспитания, так вы это лучше оставьте: человек воспитывается не нравоучениями своих родителей, а всей окружающей обстановкой. И если бы мы отчетливо представляли себе, как ничтожно мала роль женщины в мировой культуре, нам бы стало ясно, что мать-воспитательница не может идти дальше азбуки, да и то сочиненной мужчиной.

– Ну, знаете, – возразил Луганович, – с такими взглядами должно быть и противно и скучно жить!.. Если вы так презираете женщин...

– Кто вам сказал, что я ее презираю?.. Я только ставлю ее на то место, которое ей принадлежит по праву и способностям.

– Хорошее место, нечего сказать!.. – возмутился Луганович.

– Самое для нее подходящее: место любовницы. Луганович только плечами пожал.

– Да, – заговорил инженер, помолчав, – я знаю, что в нашем добродетельном обществе – ведь наше общество страшно добродетельно, – в нашем высоконравственном обществе принято относиться с презрением к тому, кто в женщине видит прежде всего женщину. Мы называем таких людей развратниками и глубоко убеждены, что, во-первых, это одно и то же, а во-вторых, что сладострастник это какое-то грубое животное, лишенное чувств красоты и добра, какая-то живая грязь, пятнающая человечество!.. А между тем все великие произведения человеческого искусства созданы именно величайшими сладострастниками... Да оно и понятно: нет жизни более красочной, захватывающей и полной, чем жизнь сладострастника!..

– Ну!.. – пробормотал Луганович.

– Конечно!.. Ведь это только тупые, бездарные мешане, всю жизнь свою до тошноты развратничающие с одной своей

законной половиной, представляют себе душу сладострастника как темный и грязный лупанарий. А на самом деле это – таинственный сад, где растут ядовитые, но прекрасные цветы!.. Сладострастник это мечтатель, жаждущий вечной молодости, вечной красоты и наслаждения... Его не удовлетворяет одна женщина, потому что он стремится впитать в себя всю мировую женственность. Он брезгливо уходит от женщины будней, с ее привычным апатичным актом самки, с пеленками, кухней, дрызгами и сплетнями, к женщине, которая еще только жрица на празднике жизни!.. Каждый раз, встречая женщину молодую и прекрасную, он с новой силой переживает безумие влюбленности. Он живет в вечном подъеме, его жизнь полна исканиями, он не знает скуки, томления духа и пустоты... Женщина заполняет для него весь мир. Он бесконечно изощряется в восприятии женщины: для него брюнетка, блондинка, страстная, холодная, худая и полная, хищная и безвольная, умная и наивная, грубая самка и нежный ребенок, весна и осень женщины, все это – бесконечные оттенки, аккорды прекраснейшей симфонии, сказка вечной влюбленности!.. Помните, что один из величайших пророков населил рай гуриями, а другой, еще более великий, не осудил женщину, взятую в прелюбодеянии!..

Луганович с нескрываемым изумлением посмотрел на инженера, не понимая, шутит он или говорит серьезно. В конце концов, это бесконечное повторение пряного слова «женщина» возбуждало и его. С каждым эпитетом, произносимым

инженером, новый образ женщины вставал перед молодым человеком и все образы сплелись в какой-то сладострастный танец, проносясь перед ним с рассыпанными по обнаженным плечам волосами, с пьяными от желания глазами, с гибкими руками, протянутыми для объятий и ласк.

Студент невольно вспомнил все свои еще столь немногие встречи с женщинами, и ему стало завидно и стыдно, что он так неопытен в этом мире, где инженер, видимо, знал все. Если бы в эту минуту Высоцкий спросил о числе его любовниц, Луганович не мог бы назвать те два-три имени, которые с гордостью хранил в памяти, а солгал бы, как хвастливый мальчишка. Солгал бы, прежде чем успел бы оценить свою ложь.

Но инженер ничего не спросил. Он посмотрел на Лугановича странно прозрачными глазами и неожиданно сказал деланно равнодушным тоном:

– Кстати, кто эта барышня, с которой вы часто гуляете в парке... Такая высокая, с шарфом?.. Познакомьте меня с ней.

От неожиданности Луганович даже вздрогнул. В связи со всем тем, что говорил инженер, было что-то оскорбительное в этой просьбе. Но взгляд инженера был так ясен, показаться наивным мальчиком было выше сил Лугановича, и студент, стараясь казаться равнодушным, ответил:

– А, с Ниной?.. Что же, с удовольствием!..

Впоследствии он старался не вспоминать, что в эту ми-

нуту едва не сказал вместо Нина – Нинка, и не мог скрыть хвастливой усмешки счастливого любовника.

– Значит, познакомите?.. Слово?.. – настаивал инженер.

– Конечно, почему же нет?.. – тем же тоном ответил Луганович.

И ему стало так стыдно, точно он совершил какое-то предательство.

Как будто только этого и надо было инженеру. Высоцкий встал, потянулся и лениво пробормотал:

– Вот и прекрасно. Мне давно хотелось. А теперь пора нам и по домам. Поздно.

Он крепко постучал палкой по столу и крикнул подбежавшему лакею:

– За мной.

Потом, не глядя, небрежно протянул руку.

– Так-то юноша!.. Ну, до приятного!.. Покойной ночи. Кланяйтесь Ниночке.

Несколько мгновений Луганович растерянно смотрел в спину инженера, медленно спускавшегося по ступенькам в темноту парка. Студент не мог бы объяснить, что случилось, но вся кровь прилила у него к голове. Совершенно внезапное бешенство овладело им, и вне себя, еще сам не зная зачем, Луганович кинулся за инженером.

Он догнал Высоцкого на главной аллее, ведущей к выходу из парка. Везде уже были потушены огни, но здесь, на широкой просеке, мощенной беловатым кирпичом, было свет-

лее, и при бледном отблеске звезд лицо инженера показалось странно бледным, а борода чернее сажи.

– А, это вы? В чем дело?.. – небрежно спросил он, приостанавливаясь только вполоборота к Лугановичу.

И, как будто угадав, что делалось в душе студента, с непостижимой наглостью подхватил его под руку и, не давая сказать ни слова, проговорил:

– А та дамочка ничего!.. Та, черная, с прошивочками... Очень любопытная дама!.. Рекомендую. Рекомендую и завидую. Искренно завидую! Огонь баба!..

Сбитый с толку Луганович невольно широко и польщено осклабился. Инженер взглянул ему прямо в глаза и прибавил:

– А Ниночка ваша и того лучше!.. Молодец, юноша: не зеваете!.. Да так и надо: что им смотреть!..

Высоцкий в упор произнес страшно грубое и грязное слово, захохотал, подмигнул с самым приятельским видом, крепко тряхнул локоть Лугановича и быстро пошел прочь.

Луганович, окончательно растерявшись, остался на месте.

Из темноты неожиданно донесся голос инженера: – Ах да... насчет шампанского не беспокойтесь!.. Я всегда плачу сам. Покойной ночи!.. Не забудьте о Ниночке!..

Луганович вздрогнул, как от удара, вспыхнул, сжал кулаки и опрометью устремился за инженером, но того уже нигде не было видно. Может быть, он свернул в боковую аллею, но впоследствии Луганович готов был поклясться, что Высоц-

кий просто спрятался где-нибудь в тени.

V

Вверху беззвучно и торопливо искрились звезды. Они мигали и шевелились, как живые, наполняя необъятный простор вечным движением. На земле же были тишина и сон. Белые домики дач смутно белели под деревьями. Мрак проступал меж стволами сосен и полз на бледные поляны, где недвижно никли сонные травы и цветы; воздух был пряный и душный.

От выпитого шампанского и недавнего возбуждения у Лугановича кружилась голова и беспокойно стучало сердце. Поглощенный своими мыслями, студент уже часа два бродил в этом ночном царстве, и все казалось ему странным, точно он видел ночь в первый раз.

Неволью сторожко всматриваясь в темноту под деревьями, где чудились какие-то присевшие подстерегающие тени, Луганович думал об инженере, а шаги его звонко скрипели по деревянным мосткам, проложенным вдоль дач и белевшим во мраке.

«Как он смел так говорить о Нине?.. – думал Луганович. – За кого он принимал меня? За такого же мерзавца, как и он сам, или за глупого мальчишку?.. Негодяй!.. Даже не потрудился скрывать своих намерений!..»

Эти намерения цинично представлялись Лугановичу и были так ярки; он уже видел Нину, такую чистую и нежную, в

объятиях инженера, похожего на козлоногого чернобородого сатира. Кулаки Лугановича инстинктивно сжимались. Студент вспомнил слова инженера о том, что молодые мужчины часто из глупого благородства уступают женщин другим, более наглым, и почувствовал себя именно таким глупым рыцарем. Как будет инженер смеяться над ним, если овладеет Ниной!.. Злоба и ревность овладели Лугановичем, и, отлично сознавая, что, во всяком случае, этой ночью ничего быть не может, он все-таки повернулся и почти побежал к даче, где жила девушка.

Сердце сильно билось у него в груди, когда через решетчатый забор он увидел пустынный двор, знакомую аллею тоненьких сосенок и темное запертое крыльцо дачи.

Ни одного огонька не было в слепых окнах. Полная тишина, в которой тихо бродил сон, стояла кругом. Как зачарованные, неподвижно замерли тоненькие елочки, а через поляну навевал мрак темный, жуткий бор.

Луганович тихонько обошел кругом дачи, вышел на дорогу в поле и долго стоял на углу, глядя в далекие, уходящие во мрак луга и широкое звездное небо. Чувство глубокого одиночества охватило его, и вдруг до боли захотелось женской ласки. Он представил себе Нину, как она спит сейчас, свернувшись клубочком и рассыпав по подушке свои светлые пушистые волосы, и жажда близости заставила его задрожать.

«Милая!..» – подумал Луганович со страстным порывом, и ему захотелось вслух произнести ее имя.

Но кругом была такая тишина, что слова не шли с языка.

– Нина!.. Ниночка!.. – наконец со страшным усилием невнятно выдавил из себя Луганович и сам вздрогнул от своего голоса, таким странно громким и незнакомым показался он в тишине и неподвижности ночи.

Студент даже оглянулся невольно, но все было пусто и тихо и загадочно чернели окна кругом запертой дачи.

Он уже собирался двинуться назад, в обход дома, как вдруг что-то зашуршало, злобно заворчало и гавкнуло над самым ухом. Подкравшаяся со двора соседней дачи, невидимая в темноте собака залилась оглушительным глупым лаем.

– О, черт!.. – вздрогнул Луганович, чувствуя, как мурашки побежали по спине.

Собака кидалась на забор, рычала и захлебывалась от злости.

– Пшла ты, проклятая!.. – сквозь зубы цыкнул студент и замахнулся, испугавшись, что этот лай перебудит всех в доме.

Собака даже взвизгнула от злости и кинулась с такой силой, что забор затрещал. Лай ее, казалось, действительно был способен разбудить целое кладбище.

Луганович на цыпочках отбежал в сторону и пошел прочь, но проклятая собака и не думала успокоиться. Лугановичу слышались сонные голоса. Собака залилась еще пуще.

«Недоставало еще, чтобы меня за вора приняли!..» – подумал студент и ускорил шаги, уже не по мосткам, а прямо

по мягкой росистой траве.

Еще долго издали доносился залиvistый лай собаки, которая, очевидно, все еще чуяла его. Наконец все затихло, и Луганович вздохнул спокойно.

– Вот проклятая собака!..

Он оглянулся кругом и заметил, что стало светлее.

Летняя ночь быстро шла к концу. Близился рассвет. Где-то далеко, на деревне, звенящим и тоскливым криком откликнулся петух.

«Скоро и утро», – подумал Луганович, и ему стало странно, что он пробродил, сам не зная зачем, целую ночь.

Но когда он подумал, что надо идти спать, прежнее смутное желание снова поднялось. Стало жаль чего-то, что могло бы быть и не было. И сквозь нежность к Нине, которая вдруг охватила его, пробилась животная досада:

– Неужели она не понимает, как нужна мне... А как могло бы быть хорошо!..

Сладкая истома прошла по всему телу при этой мысли, и внезапно Луганович вспомнил другую женщину:

– Ах, если бы...

Он представил себе Раису Владимировну, с ее черными подрисованными глазами, яркими губами, такую смелую, откровенную и доступную. Только одно мгновение было противно ее порочный образ ставить рядом с милой, чистой Ниной, но потом пришла темненькая юркая мысль:

«Сама и виновата!.. Чего ж она капризничала!..»

Луганович постоял, охваченный неожиданными дерзкими соображениями. Странная улыбка трусливо бродила по его губам. Пришедшая в голову мысль пугала его самого и казалась совершенно дикой.

«А вдруг?..» мелькало у него в голове.

И еще не веря себе, Луганович нерешительно повернул и пошел к даче, где жила Раиса Владимировна.

VI

Должно быть, где-то за лесом уже светало, потому что стволы сосен явственно выступили из мрака и промежутки между ними посерели.

На стенах дачи лежал синеватый свет. На дворе побелела трава, и откуда-то потянуло резким ветерком. Звезды как будто углубились в синеву побледневшего неба.

Луганович стоял перед калиткой и чутко прислушивался. Глаза у него вдруг стали зорки, слух тонок, движения быстры и ловки.

Он все еще не верил тому, что хотел сделать. Было страшно и стыдно, и казалось, что это совершенно невозможно. А вдруг она вовсе и не думала ничего подобного, и выйдет глупо и скверно?..

Но темное желание было уже сильнее голоса рассудка. Ни-на вдруг вылетела у него из головы, и навязчивое невыносимое представление о большом мягком теле и черных бесстыдных глазах одно стояло перед ним.

Чувствуя, как сладко ноет и слабеет у него под коленками, Луганович отворил калитку, на цыпочках пробежал весь двор и, как вор, юркнул за угол дома. Ему казалось, что со всех сторон видят и следят за ним. Сердце безумно колотилось.

По эту сторону дачи был садик, окруженный молодой

фруктовой посадкой. За обвитым хмелем плетнем шли какие-то пустыри и огороды, а еще дальше виднелась холодная белая полоса утреннего тумана над рекой. Было как-то особенно пусто и светло.

На стене странно и неожиданно чернело открытое окно.

– Я всегда сплю с открытым окном!.. – вспомнил Луганович лукавый женский голос, в котором звучал откровенный и циничный намек.

Голова у него закружилась. Луганович подкрался к самому окну и прислушался. В комнате было тихо и темно, но студенту послышалось мерное дыхание. Может быть, это просто шумело у него в ушах.

– Раиса Владимировна!.. – прерывающимся шепотом проговорил он.

Никто не ответил, только какая-то птица шелохнулась на верхушке дерева.

– Раиса Владимировна!.. – громче повторил Луганович и облизал вдруг пересохшие губы. Что-то шевельнулось в комнате и затихло.

– Раиса Владимировна!.. – в третий раз позвал студент почти громко. Он уже не владел собою и был готов на все.

Шорох послышался сильнее, и сонный женский шепот что-то спросил из темноты. Луганович почувствовал, что от слабости у него подгибаются ноги. Он уже не видел ничего, кроме черного четырехугольника окна.

И вдруг мрак в окне заколебался: что-то белое выплыло

в нем, и из темноты выступило красивое, странно бледное при неверном свете утра женское лицо с черными глазами и черными распущенными волосами.

Она с испугом смотрела на Лугановича, и студент ответил ей кривой нелепой улыбкой.

– Кто это?.. – спросила Раиса Владимировна тревожно и вдруг узнала его.

Мгновенно выражение глаз изменилось, и что-то порочное, насмешливое и обрадованное мелькнуло в них.

– Сумасшедший!.. – шепнула она. – Откуда вы?..

Он хотел ответить и не мог. Раиса Владимировна пытливо посмотрела на него, быстро оглянулась кругом и протянула руку.

Рука была совсем обнажена и слабо розовела в синеньком свете утра. Луганович схватил ее и жадно пополз губами по теплой бархатистой коже, туда, где у сгиба локтя неуловимо нежно голубела мягкая ямочка.

– Сумасшедший!.. – как бы в раздумье повторила она и опять оглянулась.

Студент с кривой, преступной улыбкой тянул ее руку к себе и не знал, что делать дальше. От этого движения свалилось что-то белое и обнажилось круглое голое плечо, по которому стекали черные спутанные волосы. Ей было неловко стоять так, и она невольно потянула руку к себе, но Луганович не пускал и все смотрел ей прямо в глаза с той же кривой, нелепой, умоляющей улыбкой.

– Пустите же!.. – прошептала она. – Увидят!..

Но студент вскочил на карниз и резко и грубо дернул ее к себе. Женщина пошатнулась и всем своим мягким и горячим телом прислонилась к нему. Он жадно искал губами, увидел близко черные, как-то странно внимательно смотревшие глаза, почувствовал упругую тяжесть ее груди и изо всех сил сжал ее в объятиях, внезапно озверев до потери сознания.

Раиса вырвалась, с пьяными глазами и странно улыбающимся ртом.

– Идите сюда... – прошептала она чуть слышно и, не выпуская его руки, отступила куда-то назад, в темноту.

Луганович неловко, помогая себе одной рукой, перевалился через подоконник и опустился в какую-то душную темную бездну, ничего не видя и не зная, где он.

Голые горячие руки нашли его и уверенно повлекли куда-то.

VII

Было уже совсем светло, и в деревне бабы шли на базар, когда Луганович быстро шагал домой. Солнце стояло еще низко, и его ослепительно яркие косые лучи резко чеканили каждую кочку на дороге. Зелень была свежа и чиста, небо прозрачно, и перистые облачка высоко кудрявились над землей. Мычали коровы; с топотом, не подымая пыли на сбросившейся за ночь мягкой дороге, проскакал табун из ночного. Из труб подымался легкий сизый дымок и розовел на солнце. Слышались бодрые громкие голоса, скрип ворот и радостное оглушительное чириканье воробьев, возбужденных ярким солнцем и свежим утром.

Только дачи смотрели по-прежнему темными слепыми окнами и около них было пусто и тихо.

Луганович шел, чувствуя себя молодым, сильным и гордым, как победитель.

Он совсем не думал, что Раиса Владимировна отдавалась многим, и, блестя глазами, повторял про себя: «Четвертая!.. Четвертая!..»

Первою была горничная Оля, второй – модистка Катя, третьего Луганович, с натяжкой, считал Нину, и Раиса Владимировна была его четвертой победой, наполнившей его мужской гордостью. Он чувствовал себя настоящим мужчиной.

Перед глазами у него все еще стояла смятая постель, черные спутанные волосы, обнаженное роскошное тело, и в каждом мускуле своем он чувствовал силу и сладкую истому.

Только немного было стыдно, когда бабы провожали его глазами, и казалось, что они все догадываются, откуда он идет.

Дома, на даче, все еще спали, но дверь на балкон была открыта и ступеньки крыльца мокры и блестящи. Прислуга, высоко подоткнув юбку и согнувшись, мыла пол и встретила его равнодушно-удивленным взглядом. Луганович поскорее прошел мимо нее и затворил дверь в свою комнату.

Здесь было совсем светло, несмотря на закрытые ставни. Сквозь все щели неудержимо проникал яркий солнечный свет, и косые пыльные полосы, переливаясь и играя, тянулись через всю комнату. Воздух застоялся за ночь, и было душно.

Луганович поспешно разделся и лег, хотя было как-то странно ложиться спать, когда кругом так светло. Но когда он вытянул ноющие от усталости ноги по свежей холодноватой простыне, все тело его охватило такое сладостное и удовлетворенное чувство покоя, что Луганович даже засмеялся от радости.

«А хорошая штука жизнь!..» – подумал он.

И это чувство полного физического удовлетворения было так сильно, что когда студент вспомнил Нину и впервые понял, что он ей изменил, это уже не могло побороть восторга

молодого, здорового и сильного тела.

«Ну, что же... сама виновата!.. – опять подумал он, успокаивая что-то странно уколотившее сердце. И маленькая, юркая и хитренькая мысль мелькнула в голове: – Да она не узнает!..»

И, засыпая мгновенным здоровым сном, Луганович спутал и Нину, и Раису, и еще много таких же молодых, прекрасных женщин в одно ощущение бесконечной радости жизни.

VIII

Нина и Коля Вязовкин шли вдвоем по лесу. Кругом все было насквозь пронизано солнцем и жаром. Под ногами скользили сухие иголки старой хвои и трещали полусгнившие шишки. Коля Вязовкин вспотел так, что пот прямо лил с него. Нина тоже покраснелась. На груди и спине ее, когда от движения раздвигался широкий вырез легкой кофточки, показывался милый треугольник темного загара на нежной бело-розовой коже. Вся она дышала молодостью, здоровьем и свежестью, и казалось, что ей не может быть так жарко и потно, как всем другим людям.

В лесу свистели и верещали птицы. Какие-то, насквозь пронизанные солнцем, золотистые мухи пулями мелькали от дерева к дереву. На ярких лужайках взлетали и падали пестрые бабочки. Суетливо ползли куда-то муравьи, копошились жучки и козявки. Лето было в разгаре, могучее, хлопотливое, полное мириадами жизней.

– Вот жара, Коля!.. – засмеялась Нина, как крыльями, помахав в воздухе приподнятыми руками. – Боже мой, какая жара!..

– Да, тепло!.. – отвечал Коля, снимая фуражку и в изнеможении вытирая мокрый лоб.

– Даже все дачники попрятались. Одни мы с вами такие храбрые!.. А мне нравится. Я люблю, когда жарко!

Коля не отвечал, он совсем разварился.

– А, вон кто-то сидит!.. – заметила Нина.

В стороне от тех мест, где обыкновенно гуляли дачники, что-то зачернелось.

Нина и Коля шли мимо этого места, невольно поглядывая туда.

Там висел большой нарядный гамак с кистями. В гамаке лежала женщина, а у ног ее, прямо на земле, сидел мужчина. Они были близко друг к другу. Мужчина, в студенческой фуражке, что-то говорил. Из гамака смотрели на него черные глаза и улыбались спокойные яркие губы.

Нина сразу узнала их, но как-то даже и не поняла сначала, что это может значить и отчего вдруг так стукнуло сердце.

– Это Луганович, – сказал Коля.

Нина вдруг побледнела и быстро пошла вперед, углубляясь в лес.

– Нина Сергеевна, куда же вы?.. Подождите!.. – закричал сразу отставший Коля Вязовкин.

Нина скорее почувствовала, чем увидела, как на крик Коли Луганович быстро оглянулся.

Раиса Владимировна проводила ее глазами.

– Это, кажется, ваша пассия?.. – насмешливо спросила она.

Даже не глядя, опытным женским чутьем она поняла, что происходит в душе Лугановича, и усмехнулась.

– Попался, миленький!.. – каким-то дурашливым, нехо-

рошим тоном сказала она. – Так вам и надо!..

– Почему – попался?.. Вот глупости!.. – по-мальчишески пробормотал Луганович, не смея взглянуть на нее и чувствуя, что глупо краснеет.

– Да, да, да!.. – грозя пальцем, смеялась Раиса. – Знаем мы все!

Луганович думал, что она ревнует, и испугался. Но Раиса Владимировна слишком хорошо знала мужчин и знала власть своего тела. Она смотрела на Лугановича плотоядно и уверенно. Он нравился ей именно своей молодостью и нетронутостью. Такого любовника у нее давно не было, и она твердо знала, что не уступит его этой простенькой провинциальной барышне, по крайней мере, пока он не надоест ей. Как раз в ту минуту, когда показались Нина и Коля Вязовкин, Раиса Владимировна уговаривала Лугановича перевестись в Петроградский университет.

Луганович был смущен и растерян. Его поза у самых ног Раисы была так интимна и он так ясно понял инстинктивное движение Нины, что сразу стало понятно: теперь все между ними кончено. Внезапно его охватила злобная досада против Раисы.

Раиса Владимировна презрительно и властно посмотрела на него, чуть-чуть усмехнулась и, лениво откинувшись назад, протянула:

– Жарко!.. Так, кажется, взяла бы да и разделась совсем!.. Луганович быстро взглянул на нее. Мысль видеть ее нагой

тут, в лесу, среди белого дня, обожгла его.

Раиса прекрасно поняла этот взгляд.

– А что, если я в самом деле разденусь?.. Вам не очень будет стыдно?.. – русалочьим тоном спросила она, потянувшись всем своим богатым телом и закинула руки за голову, чтобы выпуклее выставить грудь.

Луганович покраснел, но ответил нарочито наглым тоном:

– Если вам не будет стыдно, так почему же мне будет?.. Хотите, я помогу?..

Раиса Владимировна смеялась, точно ее щекотали эти слова.

– А что ж, это было бы пикантно!.. – по слогам протянула она и уронила свою полную обнаженную руку у самых губ Лугановича.

Луганович взял и провел по своим губам ее нежной влажной кожей. Женщина раскинулась в гамаке, лениво отдаваясь его ласкам.

Ее пышное тяжелое тело красиво и выпукло изгибалось в натянутой сетке. Тонкие бечевки обрисовывали, обтягивая, все линии его. Ноги, маленькие и крепкие, в прозрачных чулках, стройно скрещивались в воздухе выше головы. Вся она была мягкая, дразнящая, жаркая.

И, мысленно махнув на все рукой, Луганович забыл Нину.

Схватившись за гамак, он перекатил тело женщины на самый край его, запутал в платье и стал умолять о чем-то. Глаза у него блестели и смотрели, воровски бегая. Раиса хох-

тала и отталкивала.

– С ума сошел! Прошу покорно!.. Со всех сторон ходят...
Отстаньте, а то ударю!.. Сумасшедший!..

IX

Насыпь дачной конки шла меж двух рядов высоких сосен. Был вечер, и прямо впереди, на полосе фиолетового неба, бледным золотом блестел тоненький месяц.

Нина шла рядом с инженером, а Коля Вязовкин уныло плелся за ними.

– Ну да, вы ждете от жизни чего-то необыкновенного, – говорил инженер мягко и грустно, – а в ней давно уже нет никаких тайн. Все это очень просто и скучно. Немного красоты и ласки – вот и все, что она может дать, и большего мы не имеем права ждать, потому что сами убили все тайны и неожиданности.

Вы разочарованы в жизни?.. – немного волнуясь и робея, сказала Нина и искоса взглянула на бледное лицо с черной бородой.

Она давно уже привыкла считаться взрослой, а с такими, как Коля Вязовкин, даже чувствовала себя старшей, но с этим новым знакомым почему-то робела, как наивная и глупенькая девочка.

Инженер незаметно усмехнулся, но продолжал также серьезно и даже торжественно, именно тем тоном, который, как он знал по опыту, особенно действует на молоденьких девушек:

– Нет, разочарование это пошлое слово... Я просто не так

молод, как вы, и знаю жизнь!..

Нина вспомнила, что Луганович тоже говорил о знании жизни, и подумала, что он такой же мальчик, как она сама – девочка, а вот этот слегка сутуловатый человек с бледным лицом наверное знает жизнь и наверное много страдал.

– Неужели вы так печально смотрите на все?

– Что значит – печально?.. – как бы в раздумье возразил инженер. – Знаете, говорят, что чахоточные находят тихую радость и болезненное наслаждение именно в том, что они так слабы, так беспомощны и им так мало осталось жить... По-моему, каждый умный и тонкий человек должен относиться к жизни так же: находя наслаждение в том, что так мало радости отпущено ему судьбою.

Коля Вязовкин шел и уныло слушал.

– Я не совсем понимаю это!.. – робко, как ученица, прошептала Нина и побледнела от внимания.

Очень возможно, что инженер понимал не больше ее, но продолжал так же красиво и непонятно:

– Бравурная музыка груба, торжествующая пошлость омерзительна... Настоящая красота есть только в страдании, в последних замирающих аккордах, в угасании вечера, в осенних цветах... Если бы люди были слишком счастливы, они были бы омерзительными!.. как груба торжествующая любовь молодости, здоровых, сытых, самоуверенных людей. Красива только любовь умирающей души, ее последняя ласка!.. Надо уметь любить!..

– А вы умеете?.. – наивно спросила Нина.

Она уже окончательно не понимала того, что говорил инженер, хотя ей и казалось, что она понимает все. Впрочем, он и не старался об этом: вечер, гаснущее небо, тихий голос, печальные красивые слова – и нужный ему, единственный смысл его речей доходил прямо до сердца девушки. Она, конечно, не понимала, но ей уже было жаль этого изящного, красивого, грустного человека и хотелось утешить его. Нина невольно вспоминала, сколько сплетен пришлось ей слышать о Высоцком, но теперь ей казалось, что этого не могло быть и его просто никто, кроме нее, не понимает. Бессознательное стремление приласкать, возродить к новой жизни уже, хотя и бессознательно, было в ее душе.

– Я умею!.. – совершенно серьезно ответил инженер, мысленно придавая этим словам совсем другой смысл и незаметно скользнув взглядом по всему телу девушки, от пушистых волос, по выпуклой линии груди и бедер, до кончиков маленьких ног, как зверьки мелькавших и прятавшихся под короткой юбкой. – Но кругом такая толчея, такой базар, такой барабан, что те, кто может чувствовать истинную красоту, должны только страдать!..

Коля Вязовкин уныло слушал.

– Мне всегда больно, – продолжал инженер, – когда женщина отдается торжествующему, жадному, эгоистически самовлюбленному самцу, извините за выражение... Женскую душу, женскую любовь может оценить только тот, кто много

и долго страдал!.. Когда-то я и сам был грубым животным и хватал жизнь, как кусок по праву мой. Тогда я не умел ценить, а теперь... Ах, если бы мне встретилась теперь одна из тех милых, нежных, задумчивых девушек, которых я когда-то губил не задумываясь, не понимая той страшной ценности, которую давала мне в руки судьба!..

Коля Вязовкин тяжело вздохнул.

Они гуляли долго. Когда ходить все время по насыпи стало уже как-то странно, инженер пошел провожать Нину, но, дойдя до дачи, они прошли мимо и вышли на луга, где было еще совсем светло и широко развertyвалось пылающее небо заката. Потом вернулись к даче и опять прошли мимо. Потом опять и опять, до тех пор, пока на балконе дачи не появился огонь и голос старшей сестры, в сумраке узнавшей светлую кофточку Нины, не позвал ее ужинать.

Во время этой прогулки инженер несколько раз недоброжелательно поглядывал на Колю Вязовкина, но Коля, конечно, скорее умер бы, чем оставил бы их вдвоем.

Наконец они остановились перед калиткой и стали прощаться.

– Вы такая чуткая, вы такая нежная... – сказал инженер, – спасибо вам за этот вечер!..

Нина слегка покраснела в сумраке, но руки не отнимала, и ей было жаль, что вот она пойдет в ярко освещенную комнату, в круг любящих близких людей, а этот одинокий печальный человек один уйдет в синий вечер, унося в душе свою

непонятную печаль.

– Прощайте, – вдруг выпалил Коля Вязовкин так неожиданно, что оба вздрогнули, и Нине показалось, что это ударил тот самый барабан, о котором, она уже не помнила к чему, говорил инженер.

– А... мое почтение!.. – немного удивленно ответил Высоцкий.

Он даже обрадовался, думая, что Коля наконец уйдет, но Коля Вязовкин стоял как столб. Очевидно, приходилось уходить самому инженеру.

Был один момент, когда Высоцкий с своей обычной наглостью хотел самым откровенным образом спровадить студента ко всем чертям, но в баранообразном лице Коли Вязовкина было что-то такое тяжелое и решительное, что инженер осекся и ушел. Ушел совсем просто, без эффекта, который подготавливал, со злостью чувствуя, что не удалось положить последнего штриха.

«Чтоб его черт подрал!.. – подумал он. – Надо будет поймать ее завтра одну, а то этот дурак слова не даст сказать!..»

А Нина и Коля Вязовкин шли по аллее тоненьких сосенок, и Нина говорила с раздражением:

– Какой вы нечуткий, Коля!..

Коля Вязовкин угрюмо молчал и даже не вздыхал.

Нина мельком оглянулась на него и досадливо пожала плечом. Впрочем, она сейчас же забыла о Коле, вся охваченная обаянием нового знакомого.

Когда каблучки Нины дробно застучали по ступенькам, отец ее, отставной военный, поднял голову от газеты и сказал:

– А, вот и наши!..

Вся семья была в сборе. Горничная накрывала стол к ужину. Немножко ленивая, немножко насмешливая Анни, жена офицера, уехавшего на маневры, сидела празднично и, по своему обыкновению, сбоку заглядывала в газету, которую читал отец. Мать Нины распорядилась и ворчала на горничную:

– Ставь сюда... сколько раз я тебе говорила...

– Нагулялись?.. – спросила она. Нина с размаху бросилась на стул, посмотрела вокруг блестящими глазами и закричала:

– Есть хочу!.. Есть хочу!.. Мама!.. А с каким интересным человеком мы сейчас познакомились.

Анни лениво посмотрела на ее оживленное лицо и насмешливо спросила:

– Интереснее даже Лугановича?..

Нина покраснела и рассердилась, что краснеет.

– При чем тут Луганович?.. – резонно спросила она, встала и с оскорбленным видом медленно ушла в свою комнату.

Коля Вязовкин остался на балконе, как член семейства. Его все любили и привыкли к нему, как к родному. За мужчину Колю никто не считал, хотя его безнадежная любовь к Нине и была всем известна.

– Коля, вы будете ужинать?

– Я?.. Я, право... а впрочем...

И он принялся за простоквашу с таким свирепым аппетитом, что даже как-то странно было это при его огорченном лице.

– Нина, иди ужинать!.. – позвала мать.

А Нина в своей комнате подошла к раскрытому окну и задумалась, чувствуя, как тихое дыхание вечера мягко шевелит ее волосы. За лесом догорало вечернее небо, и маленький трепещущий силуэтик летучей мыши бесшумно чертил над деревьями.

Нина смотрела прямо перед собою широко открытыми глазами, но ровно ничего не видела. Бледное лицо с черной бородой и странными глазами неотступно стояло перед нею. Нина была охвачена новыми впечатлениями. Высоцкий показался ей необыкновенным, совсем не похожим на других знакомых мужчин. И ей вдруг стало странно, что почти два месяца она была влюблена в Лугановича.

Как бы проверяя, девушка старалась вызвать прежнее чувство и уверить себя, что она все еще страдает, но из этого ничего не вышло. Все побледнело, стерлось, превратилось в какую-то детскую шалость. Когда же она вспомнила ночь на обрыве, это воспоминание просто оскорбило ее.

– Как он смел!..

Лицо Лугановича впервые представилось ей таким, каким было в действительности: красным, возбужденным, отвратительным от непонятого ей животного желания. Все суще-

ство ее дрогнуло от стыда, отвращения и оскорбленной гордости.

– Как грубо, грязно, пошло!.. И как он смел думать, что я... Мальчишка!..

Жгучая краска залила ее щеки, уши и шею до самых плеч, и, сжавшись от стыда, Нина обеими руками закрыла лицо.

Она не понимала, как могла допустить, чтобы с нею обращались подобным образом, и всю вину сваливала на дерзость Лугановича, которого готова была в эту минуту возненавидеть.

Перед закрытыми глазами во мраке вдруг снова появилось бледное лицо Высоцкого и послышался его печальный голос, говоривший такие красивые и непонятные слова. Нине пришло в голову, что на месте Лугановича мог бы быть этот красивый, интересный человек, и девушка подумала, что все тогда было бы иначе: без всякой пошлости, красиво и поэтично. От неожиданности этой мысли Нина даже похолодела вся.

Странное женское любопытство впервые пробудилось в ней. Почему-то Нина вспомнила Раису Владимировну, и лицо ее сжалось, побледнело, стало злым и ожесточенным.

– Хорошо, хорошо же!.. – машинально несколько раз повторила она.

Ей захотелось, назло Лугановичу, влюбиться в инженера и целоваться с ним. И именно так целоваться, чтобы студент видел это и терзался от ревности. Девушка представила се-

бе, что она уже целуется с инженером, и голова у нее закружилась. Стало так стыдно, что Нина бросилась на кровать, лицом в подушку, и замерла.

– Нина, иди ужинать!.. – звали ее с балкона. Но Нина не отвечала. Непонятные слезы обильно мочили подушку и горячили щеки.

– Чего же я плачу? – спрашивала она себя и не могла ответить.

Чего-то было жаль, чего-то хотелось, она чувствовала, что вокруг нее жизнь плетет что-то страшное и непонятное, в чем она не может разобраться. А ее молодое сильное тело все томилось и ждало чего-то, чего она еще не знала.

Х

Инженер познакомился со всей семьей и стал бывать на даче.

Обыкновенно он заходил, провожая Нину с прогулки, но иногда оставался и ужинать. В этом, конечно, не было ничего особенного, но, несмотря на то что Высоцкий держался прекрасно и всегда был неизменно мил и любезен, его не любили.

Отец Нины выражал явное неудовольствие, мать просто побаивалась инженера, как человека из другого круга, а ленивая Анни часто среди разговора вставала и молча уходила спать. Высоцкий, однако, нисколько не смущался, был ровен и остроумен, и только в глазах у него мелькала холодная, злая насмешка.

Единственно, кто стеснял его, так это – Коля Вязовкин. Глуповатый студент, с бараньим лицом, казалось, лучше всех понимал его игру с Ниной и ненавидел инженера тяжелой, упрямой и опасной ненавистью. При этом Коля всеми силами старался не оставлять их вдвоем. Вначале инженер вздумал было заслужить его расположение и привлечь на свою сторону, но все попытки Коля Вязовкин встретил таким упорным и тяжелым молчанием, что инженер наконец отстал и решил просто не замечать его.

Нина все это видела и возмущалась до глубины души. От-

ношение родных казалось ей ничем не вызванной грубой и дикой несправедливостью, которую все, точно сговорившись, делали ей назло. Раза два она принималась горячо спорить с Анни и Колей, но в конце концов не выдерживала, выходила из себя, хлопала дверью и все вымещала потом на Коле Вязовкине, который только краснел да отдувался. И, в свою очередь, всем назло, Нина каждый вечер демонстративно уходила гулять с инженером, не позволяя Коле провожать себя.

– Если бы вы знали, как вы все мне надоели!.. – с непонятным раздражением говорила она, и лицо ее становилось сухим, злым и некрасивым.

– Вы не знаете, Нина Сергеевна... – робко возражал Коля Вязовкин и умолкал, раздавленный холодным презрением, которым обдавали его глаза девушки.

Несмотря на то что инженер бывал только ради Нины, он никогда не разговаривал с нею при посторонних. Обычно Высоцкий сидел на террасе, а девушка примащивалась внизу на ступеньках, куда не достигал свет лампы, и слушала. Снизу были видны только черный силуэт инженера да освещенные лица Анни и отца. Нина сидела тихо, смотрела в темноту вечера и думала о чем-то своем, ей одной понятном. Над лесом сверкали звезды, бесшумно трепеща проносились летучие мыши, на дачах, среди темных деревьев, блестели огоньки, и Нина иногда задумывалась до того, что переставала понимать разговор на балконе. Она слышала только го-

лос инженера, и он странно волновал ее. О чем бы Высоцкий ни говорил, девушка чувствовала, что говорит он только для нее одной, и от этого сладко и страшно замирало сердце.

Как все это необыкновенно!.. Такой умный, интересный, образованный человек, так много знавший женщин, и вдруг она – ничем не замечательная провинциальная барышня – привлекла его внимание, стала для него самой, самой интересной. Инженер уверял Нину, что в ее присутствии он обновляется душой, что она заставляет его снова любить жизнь, верить и надеяться. И девушка верила, потому что даже и допустить не могла обмана. Сознание своей необходимости для него наполняло ее душу гордостью и чувством страшной ответственности: ведь она должна стать достойной его!.. Правда, последнего слова еще не было произнесено между ними, но Нина чувствовала, что оно скоро будет произнесено, и при этой мысли ей было так страшно и хорошо, как никогда в жизни. Ей казалось, что она грезит в каком-то прекрасном, необыкновенном сне.

Однажды, когда инженер, по обыкновению, разглагольствовал на террасе, а Нина сидела внизу на ступеньках, по дорожке закрипел песок и в сумраке обрисовалась темная фигура. Свет с балкона упал на нее, и со странным толчком в сердце Нина узнала Лугановича.

В первую минуту ей показалось ужасно странным, что он пришел. В эти три недели, поглощенная новым чувством, она почти и не вспоминала о нем, а если вспоминала, то как

о давно и навсегда прошедшем.

– А я к вам!.. – сказал Луганович подходя. Он старался быть развязным, но по голосу было слышно, что студент чувствует себя неловко.

Нина растерянно молчала. Самые разнообразные чувства охватили ее: прежде всего стало почему-то мучительно стыдно, что Луганович увидит инженера, потом шевельнулось какое-то любопытство и смутная радость, напоминавшая прежнее чувство, и сейчас же девушка вспомнила о связи Лугановича с Раисой и возмутилась, как он смел прийти после всего, что было.

– Здравствуйте, – протянул Луганович руку, но Нина, неожиданно для себя самой, встала и, не оборачиваясь, пошла на террасу. Его прикосновение было ей противно и оскорбительно.

Луганович машинально последовал за нею.

– А, это вы! – сказала Анни, подымая голову из-за лампы и почему-то насмешливо улыбаясь.

После всех Луганович с некоторым усилием поздоровался с инженером, в котором видел своего торжествующего заместителя.

– Давно вы у нас не были, – сказала мать Нины, – все за дамами ухаживаете.

– Нет, я... – неловко пробормотал Луганович и покосился в тот угол, откуда блестели внимательные глаза Нины.

– Да, да, знаем, знаем!.. А с кем это вы каждый вечер раз-

гуливаете по парку?.. А?.. Смотрите!

Виктор Сергеевич известный победитель сердец, насмешливо заметила Анни. – Вас, кажется, можно поздравить с новой победой?

– Ну, эта победа не из ценных!.. – как бы вскользь проговорил инженер.

Луганович вспыхнул. Он был еще очень молод, те сплетни, которые ходили о Раисе Владимировне, оскорбляли его. Каждый намек на ее легкодоступность болезненно ранил молодое самолюбие студента.

Что вы хотите сказать?.. – запальчиво спросил он, но сейчас же вспомнил о присутствии Нины и испуганно оглянулся.

Глаза девушки смотрели на него презрительно и гадливо. «Неужели я была влюблена в него!» – думала она.

Разговор не вязался. Луганович чувствовал себя в смешном положении и мучительно сожалел о том, что пришел он тайком от Раисы. Она ревновала его к девушке и требовала, чтобы он не встречался с Ниной, а Луганович считал невозможным так, неизвестно почему, сразу оборвать знакомство. Кроме того, его унижало такое требование, слишком похожее на запрещение, точно он был мальчишка, которым можно распоряжаться. Луганович знал, что завтра будет сцена, и Раиса, по обыкновению, отомстит ему холодностью и лишением тех ласк, к которым он уже привык. Это доводило его до бешенства, а Раиса смеялась.

Анни продолжала над ним подшучивать, инженер пренебрежительно молчал, Нина не выходила из своего угла. В душе Лугановича закипала злоба против девушки. Он раза два пробовал заговорить с нею, но она притворялась, что не слышит, и сейчас же торопливо обращалась с каким-нибудь вопросом к Анни.

Наконец ему удалось уловить момент, и он подсел к Нине.

– Что значит такая немилость?

– Какая немилость?.. Я вас не понимаю!.. – холодно и высокомерно ответила Нина, едва шевеля губами.

Луганович посмотрел на эти свежие губы и вспомнил пьянящее ощущение их поцелуя. Легкий туман ударил ему в голову.

– Прежде вы не так говорили со мною!.. – намекающим тоном сказал он.

– То было прежде, – так же холодно и презрительно ответила Нина и хотела встать.

– Одну минуту, – умоляюще прошептал Луганович, – я хотел вам сказать два слова... Нина через плечо посмотрела на него.

– Пожалуйста, – уронила она одними кончиками губ.

Но Луганович уже был весь во власти ее молодости и свежести. Раиса во мгновение ока вылетела у него из головы. Мучительно хотелось напомнить девушке прежнее, вызвать в ней знакомое волнение.

– Нина!.. – тихо прошептал он.

Их глаза встретились, и его чувство передалось ей. Нина вздрогнула и опустила глаза. Ресницы ее затрепетали.

– Вы совсем забыли меня?.. – дрожащим голосом проговорил Луганович.

Нина на мгновение подняла большие укоризненные глаза.

– Вы сами забыли!.. – еще тише ответила она.

Его красивое взволнованное лицо было совсем близко и руки почти касались ее колен. Нина невольно взглянула на эти большие белые руки, и ей вдруг захотелось забыть эту размолвку, вернуть прежнее. Слезы показались у нее на ресницах.

– Виктор Сергеевич, скажите, пожалуйста, правда ли, что Раиса Владимировна скоро уезжает?.. – вдруг спросил инженер.

– Нет, она ничего не говорила... – вздрогнув от неожиданности, пробормотал Луганович и сразу почувствовал, что это имя разрушило все.

Лицо Нины было холодно, зло и гадливо по-прежнему. Она опять хотела встать.

– Нина, подождите... я вам все объясню... – сам не зная, что говорит, торопливо забормотал Луганович. – Вы сами были виноваты... если бы вы тогда не были...

Нина встала, гордая, как герцогиня, обдав его взглядом, в котором было больше отвращения, чем ненависти.

– Как все это гадко!.. – сорвалось у нее, и девушка отошла к столу. – Мама, скоро ужинать?.. Виктору Сергеевичу

уже пора идти... его ждут... – проговорила она металлически спокойно.

Вся кровь прилила к лицу Лугановича. Он остался на месте, не зная, что делать, и боясь взглянуть на кого-нибудь. Безумная злоба потрясла все существо его. Ему хотелось крикнуть, оскорбить Нину, напомнить ей при всех, что как-никак, а она целовалась с ним и потому нечего ей прикидываться такой гордой невинностью.

Анни, которой, очевидно, стало жаль его, подсела к Лугановичу и заговорила с ним о каких-то пустяках таким тоном, каким говорят с обиженными мальчиками. Луганович не знал, как отделаться от нее.

Наконец ему удалось проститься и уйти, а уходя, он слышал, как инженер что-то сказал по его адресу и как Нина неестественно насмешливо и мстительно захохотала.

После его ухода скоро стал прощаться и Высоцкий.

В аллее было совсем темно, и, когда они отошли от террасы, стало трудно видеть друг друга. Белела только светлая кофточка Нины. Молча дошли до калитки и остановились.

– Ну, до свиданья, Нина Сергеевна, – сказал инженер, в темноте пожимая и не выпуская ее руки.

– До свиданья, – каким-то странным, выжидательным тоном ответила Нина и не уходила.

Кругом было темно, только звезды сверкали над лесом, слившимся в одну жуткую неподвижную черную массу. Огонек на террасе мелькал сквозь деревья, потом колыхнулся,

двинулся и исчез. Лампу унесли в комнаты. Стало совсем темно и как-то странно, точно в незнакомом месте. Тишина стояла кругом, и казалось, было слышно, как сердце стучит.

И вдруг, совершенно против ее воли, лицо Нины поднялось к инженеру, он наклонился, ошупью нашел ее губы. От неожиданного поцелуя у девушки закружилась голова и земля заколыхалась под ногами. Долго было тихо, потом Нина вырвалась и побежала назад.

Высоцкий проводил ее глазами, снял шляпу, провел рукою по волосам и щелкнул пальцами.

«Готова!.. – сказал он себе, во всем теле ощущая предчувствие близкого обладания ею. – Спасибо Лугановичу: вовремя пришел!.. А славная девочка!.. Теперь уж не отвертится... конечно!..»

Инженер засмеялся и, молодецки шагая, вполне довольный собою, пошел к ресторану.

XI

Нина лежала на кровати, вся дрожа и улыбаясь в темноту стыдливо и нежно. Инженер встретился со знакомой компанией и ужинал на террасе, где былолюдно, шумно и светло. А Луганович один бродил по темному парку, и вся душа у него горела.

Он ревновал, ревновал бешено и страстно, хотя до этого вечера вспоминал Нину только с чувством неловкости перед нею. Но теперь ему казалось, что он не переставал любить ее, и это было потому, что Луганович совершенно убедился в ее связи с инженером.

Если бы девушка встретила его печальными глазами, была бы грустна и бледна, Луганович не почувствовал бы ничего, кроме мужского самодовольства. Он даже нашел бы наслаждение в том, чтобы мучить ее за то, что она не отдалась ему, когда он этого хотел. Но Нина была влюблена в инженера, а Луганович был ей совершенно не нужен и не интересен. Этого молодой человек не мог перенести и мгновенно, с прежней силой, влюбился в девушку.

С чувством физического отвращения он вспомнил Раису. Он и раньше чувствовал это, но теперь ему с потрясающей ясностью стало понятно, что в их связи нет ничего, кроме самого грубого животного разврата. Разврата, который одуряет во мраке ночи и бессильно исчезает при первом све-

те утра, освещающего смятую кровать, утомленные красные глаза, свалявшиеся космы волос, некрасивую и бесстыдную немолодую женщину. Каждая ночь приносила доводящий до иступления взрыв сладострастия, каждый день – усталость, тоску и отвращение и к самому себе, и к этой женщине, без души и сердца, с одной разнузданной неутолимой похотью.

А Нина!.. Увидев ее, Луганович точно очнулся от какого-то скверного кошмара. Ее молодость, свежесть, милая, чистая душа, смотревшая из доверчивых светлых глаз, наполняла сердце такой нежностью, что слезы подступали к горлу. В самом желании обладать ею было что-то чистое и радостное. И неужели все это потеряно навсегда?..

Лугановичу мучительно захотелось сейчас же порвать все с Раисой, оскорбив ее, как последнюю тварь, а потом броситься перед Ниной на колени, вымолить ее прощение, забыть прошлое и снова благоговеть перед ее чистотой, чувствуя сладкий безнадежный трепет несмелого молодого желания.

Но это было невозможно, и при мысли, что девушка, быть может, уже принадлежит инженеру, Луганович чувствовал такую ярость, что становилось трудно дышать и хотелось застрелиться.

Часа два он шатался по парку, переходя от бешеной злости к слезливому отчаянию, но потом устал и пал духом. Такое состояние было невыносимо, захотелось успокоиться так или иначе, и тайная мысль пойти к Раисе зашевелилась в

нем.

«Но ведь это же отвратительно, ведь я не люблю ее, она мне противна!.. Не животное же я, в самом деле!..» – с тоской подумал Луганович.

Он не мог поверить, что пойдет к ней после всего, что пережил и перечувствовал, но уже искал лазейку, чтобы оправдать себя: «Разве пойти для того, чтобы унижить ее?.. Истоптать, как последнюю тварь, избить, замучить, а потом вышвырнуть вон?..»

Он стал уверять себя, что это надо сделать, чтобы отомстить за свое падение и за Нину, но представление о физическом унижении вызвало только жгучее сладострастное желание. И чем больше он унижал Раису мысленно, чем больше подвергал издевательствам и боли, тем желание становилось сильнее. Луганович растерялся.

«Неужели я такой подлец?..» – наивно спрашивал он себя и сейчас же вспомнил, какие муки переживал, когда Раиса из каприза отказывала ему в ласках. Тогда он был готов на все, лишь бы добиться обладания ею, и если он теперь прекратит эту связь, что же будет тогда?..

«Разве пойти в последний раз?..» – робко придумал он и сам почувствовал, как это гадко и смешно.

Тогда он решил немедленно идти домой и лечь спать и, обрадовавшись твердости этого решения, чувствуя, как свалилась с души огромная тяжесть, быстро зашагал к дому.

Ему пришлось проходить мимо дачи Раисы Владимиров-

ны, и, когда он поравнялся с калиткой, шаги Лугановича невольно замедлились. Он почувствовал, что страшная физическая тяга сильнее его и что ему не пройти мимо.

Минуту Луганович стоял в нерешимости, отчаянно глядя перед собою, будто ожидая какой-нибудь помощи, но помощи не было, и, презирая себя, точно падая в грязь, он бес- сильно отворил калитку.

И когда держал в объятиях презираемую, ненавидимую женщину, сердце его сжималось от тоски и отвращения, образ Нины носился перед глазами, и с отчаянием утопающе- го. Луганович думал:

«Ну, и прекрасно!.. Животное так животное!.. И пусть!..»

В эту минуту он ненавидел весь мир и больше всего Нину, которая, как ему казалось, довела его до этого падения.

XII

Первый поцелуй, которого уже давно ждала Нина, которого она боялась и хотела, всколыхнул ее душу до дна. Это казалось так страшно и стыдно, а совершилось так нечаянно, просто и хорошо.

Когда, проснувшись на другой день, девушка вспомнила все, у нее загорелось лицо, но не от стыда, а от счастья. Все, что было между нею и Лугановичем, представилось ей таким ничтожным, что и вспоминать было смешно. Теперь было совсем другое, и с этого дня, казалось ей, начиналась новая, настоящая жизнь.

Инженер был осторожен и не пугал девушку. Они проводили вместе целые вечера и вдвоем уходили куда-нибудь далеко, в лес или на луга, и говорили без конца. Правда, беседы часто прерывались поцелуями и объятиями, но это только придавало большую прелесть разговорам о литературе, загробной жизни и театре.

Только понемногу, шаг за шагом, опытной рукой инженер приучал Нину к ласкам. Она даже не заметила, как поцелуи стали слишком чувственными, объятия грубыми. И девушка привыкла к ним, думала о них целый день, начинала любить и желать их.

Коля Вязовкин не мог бы допустить даже предположения о том, что Нина позволяет делать с собою, но чувствовал,

что жизнь девушки изменилась, и страдал невыносимо, ревнуя инженера до того, что по целым ночам только и думал, что об убийстве. Он изо всех сил старался не отставать от Нины, но девушка явно избегала его, обманывала и под разными предложениями уходила одна. А потом бедный студент, в путевой тужурке, изнывая от любви и ревности, метался по всем дачам, столько же стремясь найти Нину, сколько и боясь попасться ей на глаза.

Лето уже подходило к концу, и по вечерам небо становилось зеленым, а в шуме леса слышался новый сухой и жесткий звук. Но все еще было тепло, а по вечерам душно, и на краю горизонта вспыхивали зарницы.

Нина и Высоцкий вдвоем шли по той же насыпи, по которой гуляли в первый вечер знакомства. Но теперь инженер говорил мало и совсем не о том, а руки его постоянно искали прикосновения к телу девушки. Нина вся горела, была взволнована и счастлива и ждала какого-то еще большего счастья.

Догоравшее небо как будто опускалось за лес. В канавах по сторонам насыпи слабо блестела вода, и прозрачная дымка тумана призрачно подымалась над ними.

Навстречу шла какая-то компания, сзади тоже слышались голоса, и это раздражало Нину. Ей все теперь мешали и хотелось, чтобы внезапно исчезло все и они остались вдвоем в целом мире. По голосам девушка узнавала знакомых дачников и боялась, что ее узнают. Нина растерянно и как-то стран-

но поглядывала в стороны, где тесно сдвигался лес и было темно. Она бессознательно ждала, чтобы инженер предложил уйти туда, но боялась сказать об этом сама. Почему-то было жарко и какая-то телесная досада томила.

«Что это со мной делается?..» – думала девушка. Впереди приближавшейся компании шли рядом мужчина и женщина. Еще издали Нина узнала их, но вместо прежней ревности ей только стало стыдно, что они увидят ее с инженером. Не было стыдно вчера и раньше, почему-то стало стыдно именно теперь.

И когда мимо прошли Луганович и Раиса, все в таком же черном платье, так же уверенно и четко выступавшая крепкими ногами, Нина почувствовала, что кровь заливает щеки. Хотя было темно и Высоцкий не мог видеть этого, девушка пошла вперед.

– Ласка в любви, – говорил в это время инженер, – не должна быть самоцелью... Когда-нибудь люди поймут это... Они поймут, что они одни на земле и что их единственное грустное счастье в том, чтобы любить, ласкать и утешать друг друга!.. И когда мужчина и женщина будут отдаваться друг другу, они будут делать это без страсти, как друзья, просто отдающие все, что могут дать!..

«Зачем он говорит это?.. – с непонятной досадой подумала Нина, и странное физическое нетерпение заставляло ее судорожно дрожать. – И зачем мы тут ходим, когда можно уйти куда-нибудь, где никого нет!..»

И девушке самой было странно, какими ненужными и лишними казались сейчас те самые слова, которыми она заслушивалась прежде по целым часам, не замечая, как время летит.

Нина споткнулась, и Высоцкий подхватил ее. Одно мгновение она прижималась к нему всем телом, и глаза их встретились.

– Пойдемте куда-нибудь... – сказал инженер, как бы почувствовав, что делается с девушкой.

– Куда?.. Зачем?.. – тихо и также странно прошептала Нина и сама пошла туда, куда он без слов звал ее.

Как только деревья скрыли насыпь и мрак леса охватил их со всех сторон, инженер грубо обнял девушку. Это был бешеный, бесконечный, томительный поцелуй, от которого у нее закружилась голова, ослабело все тело и исчезло последнее сознание происходившего. Теперь он мог бы сделать с нею что угодно.

Чуть видимое во мраке, смотрело на нее какое-то незнакомое лицо, с чужими, жестокими и жадными глазами. Нина, перегнувшись назад, чувствовала, как падают, расплетаясь, волосы, хотела поддержать, но не успела. Поцелуи сливались в какой-то иступленный порыв. Девушка задыхалась, сходила с ума. Она не могла стоять на ногах.

– Сядем... – едва прошептала она, растрепанная и бледная.

Было слышно, как по насыпи, где-то очень близко, про-

ходили люди, смеясь и выкрикивая громкими голосами какие-то непонятные слова. Но кругом сдвинулись мрак и тишина и заколдованная неподвижность лесной чащи. Казалось, все остановилось, смотрело и слушало в ожидании.

Нина полусидела, полулежала на траве, царапая руки о жесткие, сухие иглы. Глаза у нее были закрыты, руки бессильны, все тело охвачено истомной слабостью. Она ничего не видела и не понимала, что с нею, только чувствовала. Был жуткий стыд, но хотелось еще большего стыда и счастья.

Но когда она уже совсем не сопротивлялась, опять послышались голоса, и на этот раз прямо по направлению к ним.

Сквозь звон и шум в ушах Нина услышала и узнала эти голоса: Луганович что-то говорил, Раиса Владимировна насмешливо и цинично хохотала. И вдруг девушка инстинктом поняла, что они ищут именно ее.

Инженер поспешно сам поднял Нину, потому что она не могла сразу подняться на ослабевших ногах. Молча и быстро они углубились в лес. Нина шла впереди, вся похолодев от стыда и страха, стараясь незаметно привести в порядок платье и волосы.

Голоса затихли вдали, и последние слова, которые услышала Нина, были:

– Однако они хорошо спрятались!.. Это произнес насмешливый женский голос, и Нине показалось, что ее ударили хлыстом по голому телу. Едва дыша, измученная, полумертвая от страха и стыда, девушка дошла до первых дач, сде-

лав большой круг по лесу. Теперь она уже боялась, чтобы Высоцкий не повторил своих попыток, и шла все скорее и скорее, как бы спасаясь бегством. Инженер что-то говорил, старался удержать ее, но Нина не слушала и вздохнула свободнее только тогда, когда кругом послышались голоса, из окон упали широкие полосы света и со всех сторон замелькали черные силуэты дачников.

Мрак, лес и странное безумие, как сон, остались где-то, а вокруг все стало просто и обыкновенно.

– Прощайте, теперь я сама!.. – через силу проговорила Нина и с радостью почувствовала, что опять сильна и свободна.

Инженер что-то спрашивал, просил, но Нина настойчиво повернула к дому, и он с животной досадой подумал, что теперь ее не удержать. Надо было пройти короткую темную аллею, и здесь Высоцкий опять обнял девушку, но Нина уже не отдавалась его поцелуям. Ее ответные поцелуи были торопливы, невнимательны и легки. Вырвавшись, девушка побежала и скрылась в калитке.

Инженер дернул плечом и досадливо скрипнул зубами.

– А, черт бы их драл!.. Вот принесла нелегкая!.. Это я Райке не прощу!.. Ну, да ладно!.. До другого раза, милая Ниночка!..

Он ухмыльнулся почти с ненавистью, повернулся и пошел обратно. Но нервы были взвинчены и казалось совершенно невозможным идти домой спать. Не зная, что делать и

чем погасить невыносимое физическое раздражение, инженер двинулся к ресторану.

«Придется напиться, что ли!..» – подумал он.

Темная женская фигура, четко постукивая каблуками, шла к нему навстречу.

– А, это вы!.. – насмешливо протянул инженер и остановился. – Мое почтение. А где ваш кавалер?

– А где ваша дама?.. – также насмешливо спросила Раиса.

Инженер, не отвечая, пристально посмотрел на нее, как бы что-то соображая, потом шагнул и вдруг схватил ее в объятия.

Раиса Владимировна едва не упала от неожиданного толчка.

– Вы с ума сошли!.. – прошептала она вырываясь. – Увидят!..

– Ну, что там!.. Не жеманься, пожалуйста! – грубо возразил инженер.

– Скучно... надоело!.. – с усталой, холодной злостью проговорила Раиса.

С минуту они стояли так, с какой-то странной ненавистью глядя друг другу в глаза. Потом Раиса медленно высвободилась, поправила волосы, нехорошо усмехнулась, пожала плечами и, как бы покоряясь необходимости, пошла к своей даче. Высоцкий последовал за нею. До самого дома они дошли молча, как враги.

Окно ее спальни, как всегда, было открыто и чернело на

белой стене. Внезапно мрак в нем заколебался, появилась голая женская рука и со стуком захлопнула стекла.

XIII

Всю ночь Нина проспала тяжелым сном и проснулась с больной головой, разбитым телом и ощущением какого-то ужасного несчастья. Только выйдя в сад, она вспомнила все, что было, и пережила такое страшное потрясение, что одну минуту ей казалось, будто она умирает.

– Господи!.. Господи!.. – шептала девушка, стоя посреди зеленых, солнцем пронизанных деревьев и глядя перед собой остановившимися побледневшими глазами.

Ей хотелось с головой забиться куда-нибудь в глушь, в кусты, чтобы никого не видеть. Целый день она ходила как шальная, пряталась от всех, никому не могла смотреть в глаза и, забираясь в самые глухие уголки сада, все думала и думала.

Этих дум нельзя пересказать словами, потому что мысли неслись обрывками, как будто без всякой связи. Дикая и странная смена чувств и ощущений была в ней: минутами – ужас перед тем, что было, минутами – потрясающая радость. То казалось, что теперь она погибла, то, что начинается настоящая жизнь. Иногда она боялась вспомнить, иногда старалась припомнить все до мелочей и вся замирала в сладостной истоме. То ей казалось, что этого больше не должно быть, то хотелось, чтобы скорее прошел день и была бы новая встреча, новые поцелуи, новые ласки. Только одно было

ясно Нине, что случилось нечто такое, чего никогда не было в ее жизни, и проснулись такие чувства, каких она не знала еще.

Когда она вспоминала инженера, то чувствовала, что ни за что не взглянет ему в глаза, а если он придет, то убежит и спрячется, как девочка.

Нина представляла себе, какое у него было лицо в ту минуту, и странно любопытная мысль, от которой ей самой было стыдно, вдруг приходила ей в голову:

«Ну, а он... а ему разве не стыдно было?.. Или это так и надо?..»

По книгам она знала, что мужчина раздевает женщину, наслаждаясь ее наготой, а ей это не казалось стыдным, а напротив – очень интересным и красивым. Но в книгах были только намеки, волнующие и совсем не пугающие, а как это происходит в действительности, что при этом чувствуют оба, Нина даже и не представляла себе. А потому то, что произошло вчера с нею самою, было неожиданно, потрясло ее и запутало в полном противоречии стыда, страха и радости.

Но в него, этого красивого, смелого мужчину, который ввел ее в мир новых ощущений, Нина была влюблена уже всем существом своим. Она любила его, но в то же время и боялась: так боялась, что при одном звуке его голоса, казалось, могла бы умереть.

И в таком внутреннем метании прошел весь день. Только когда солнце, окруженное багровой пылью, устало нача-

ло клониться к западу и в воздухе потянуло прохладой близкого вечера, девушка стала успокаиваться. А когда пришел Коля Вязовкин, унылый и оттого окончательно похожий на барана, Нина была уже совсем весела. Она очень обрадовалась Коле, потому что при нем не так страшно и стыдно было встретить инженера, и была такая смешливая, оживленная, шумная, что даже ленивая Анни обратила внимание.

– С какой радости ты взбесилась?.. – насмешливо спросила она. – Что с тобой?..

– Со мной?.. Ничего!.. – пропела Нина из «Евгения Онегина», захохотала, дернула Колю за волосы и побежала в сад. – Догоняйте меня!..

Коля Вязовкин грузно, вприпрыжку, побежал за ней.

– Сядем, – серьезно и даже важно сказала Нина, когда они, запыхавшись, остановились у скамейки, в самом отдаленном углу сада.

Коля Вязовкин послушно поместился рядом.

– Знаете, Коля, – торжественно начала девушка, – о чем я хочу вас спросить?..

– Нет, не знаю... – уныло ответил Коля Вязовкин.

Наступило молчание. Вечер уже близился, и зелень деревьев была тиха и бледна. Ни одна веточка не шевелилась кругом.

Совершенно неожиданно Нина заплакала. Она опустила голову, закрыла лицо руками и, согнувшись к самым коленям, сжалась в комочек, который страдает и никому не мо-

жет рассказать о своих страданиях.

Коля Вязовкин ничего не понял. Он суетился вокруг Нины, толкаясь на одном месте и только повторял:

– Нина Сергеевна!.. Нина Сергеевна!..

Должно быть, у него был очень глупый вид, потому что Нина, мельком взглянув на него, вдруг перестала плакать и истерически засмеялась.

– Ах, какой вы смешной, Коля!.. Какой вы глупый, глупый!..

Но бедный Коля Вязовкин, сердце которого, сдавленное узкой тужуркой, разрывалось от жалости, любви и каких-то смутных догадок, не обиделся. Он стал преглупо улыбаться и опять повторял одно и то же:

– Ну, и свава Богу!.. И свава Богу!..

– Слава, слава!.. – машинально поправляла Нина. – И чего вы так испугались?.. Это так, глупости!.. А я сегодня счастлива, Коля!.. Очень счастлива!.. – повторила она и посмотрела на него расширенными, как будто недоумевающими глазами.

– Почему?.. – глупо спросил Коля Вязовкин.

– Почему?.. – лукаво переспросила девушка. – А я почему знаю?.. Счастлива, и все!.. Разве можно сказать, почему бываешь счастлива?..

– Я думаю, что можно, – солидно подумав, решил Коля.

Нина долго молчала, глядя себе под ноги, потом вдруг стала дышать все чаще и плечи ее задрожали. Тысячи чувств и

вопросов, мучивших ее душу, требовали исхода. Ей хотелось хоть кому-нибудь высказаться, поделиться своим счастьем и страхом.

– А разве думаете, что нельзя?.. – подождав, спросил Коля.

– Я думаю... – медленно начала Нина, все так же неподвижно глядя перед собою, – я ничего не думаю!.. – быстро и совершенно неожиданно закончила она.

Коля Вязовкин, уже наставивший уши, осекся и тяжело вздохнул.

– Слушайте, Коля, – вдруг заговорила девушка торопливо и не глядя, – вы очень меня уважаете?..

– Я вас очень уважаю, Нина Сергеевна!.. – без улыбки подтвердил Коля.

– И всегда будете уважать?..

– Всегда.

– Что бы ни случилось?..

Коля Вязовкин вдруг что-то понял и побледнел. Однако ответил так же тихо и твердо:

– Что бы ни случилось, я вас всегда буду уважать, Нина Сергеевна!..

Нина дернула плечом, как бы в досаде, и руки ее задрожали.

– Ну, а если бы я, например... ну, полюбила бы кого-нибудь?.. – со страшным усилием выговорила она.

Коля не поднял головы и ничего не ответил. Он догадал-

ся, что она подразумевает под словом «полюбила». Нина не поняла его молчания.

– Ну?.. – с капризной настойчивостью спросила она.

Коля Вязовкин совсем потупился и не глядя ответил:

– И тогда...

– Что – тогда?..

– И тогда буду вас уважать...

– Ну, так я... – начала девушка стремительно. Но Коля Вязовкин быстро встал, не глядя и делая руками какие-то странные жесты.

– Не надо, Нина Сергеевна!.. Не надо!.. – торопливо заговорил он с бесконечной мукой в голосе.

Нина с испугом посмотрела на него и вдруг густо покраснела.

– Что – не надо?..

Но Коля Вязовкин поспешно отошел в сторону, повернулся носом к дереву и закрыл лицо руками.

С минуту Нина неподвижно глядела на него, ничего не понимая, потом вскочила и кинулась.

– Коля, Коля!.. – закричала она, хватая за плечи и стараясь повернуть к себе. – Перестаньте!.. Слышите!.. Вы не смеете!..

Но Коля Вязовкин не давался. Он совсем уперся лбом в сосну и ни за что на свете не показал бы Нине своих слез.

– Оставьте меня... – бормотал он, – зачем вы меня мучите!..

Тогда Нина заплакала сама. Она обняла Колю за шею и своим платком утирала ему лицо.

– Коля, милый!.. Если бы вы знали!.. Не надо!..

Девушка хотела сказать, что она одинока среди людей, ничего не понимает в жизни, а только чувствует, как затягивает ее какая-то трясина. Но она не умела высказать этого и только повторяла:

– Если бы вы знали!..

Потом они сидели на той же скамеечке, и Коле было хорошо, как никогда: Нина держала его за руку и улыбалась сквозь слезы.

– Какие мы оба еще глупые, Коля!.. Как дети!.. Значит, вы меня очень любите?..

Коля Вязовкин хотел сказать «люблю» и сказал «вубью».

И Нина стала хохотать так весело и искренно, как давно не смеялась.

– И когда вы научитесь говорить по-человечески, Коля!.. Ну, скажите: люб-лю!..

– Вубью!.. – старательно повторил Коля Вязовкин.

Нина хохотала, а Коля сконфуженно и радостно улыбался, пыхтел, краснел и все-таки говорил:

– Вубью!..

Внезапно из-за зеленых деревьев донесся зов:

– Нина, Нина!.. Алексей Михайлович пришел!..

Нина выпрямилась, и вся кровь бросилась ей в лицо. Одно мгновение она оставалась неподвижной, как бы с ужасом

глядя по направлению голоса, потом вдруг вскочила, опять села, и сквозь густой румянец на щеках у нее выступили белые пятна.

Коля Вязовкин, оборвавшись на полуслове и весь посерев, молчал. Ему было жаль Нину и стыдно за нее. В эту минуту, раз и навсегда, из души его исчезли те маленькие, слабенькие надежды, которые он тайком от самого себя носил в самом потайном уголке своего сердца. Он встал с таким трудом, точно подымал непосильную тяжесть.

– Ну, я пойду...

Нина взглянула на него и поспешно опустила глаза, растерянная и виноватая. Коля Вязовкин подождал. Быть может, он все-таки надеялся, что она остановит его. Но девушка молчала.

– До свиданья, Нина Сергеевна, – сказал Коля, не дождав-шись ответа.

Нина опять взглянула на него, и в ее влажных глазах, в кривой улыбке было что-то робкое, жалкое, молящее о снисхождении.

– Куда же вы?... – через силу спросила она, протягивая руку.

– Да, там... я обещал еще зайти... – не глядя на нее и как будто не заметив руки, ответил Коля Вязовкин, повернулся и быстро пошел прочь.

– Коля!.. – позвала Нина, когда студент отошел уже довольно далеко. Голос у нее был неверен и тороплив, как буд-

то девушка и хотела его остановить, и боялась, что он услышит и останется. Но Коля Вязовкин не вернулся. Быть может, он и слышал.

Навстречу студенту, по широкой садовой аллее, щеголевато и свободно, как победитель, шел Высоцкий, улыбаясь улыбкой, приготовленной для Нины.

– А, это вы?.. – сказал он развязно и небрежно. – А где же Нина Сергеевна?

Коля Вязовкин неопределенно махнул рукой.

– А вы что же? Уходите?..

Инженер снисходительно протянул руку. Коля посмотрел на руку, потом на Высоцкого, потом опять на руку, подумал и подал свою.

– Что так рано?

Коля Вязовкин опять посмотрел на Высоцкого, неожиданно повернулся и пошел назад. Инженер последовал за ним. Коля прямо и твердо прошел мимо Нины, все еще сидевшей на скамейке и испуганно посмотревшей на него, и, не оглядываясь, скрылся за деревьями. Нина растерянно проводила его глазами, и ни она, ни Высоцкий не поняли, что в эту минуту инженер был ровно на четверть секунды от смерти. Но Коля Вязовкин ушел, и, когда спина его скрылась за деревьями, Нина подумала, что он ушел навсегда.

Еще охваченная искрой жалости и сознанием своей вины, девушка смотрела вслед уходящему Коле, когда заскрипел песок и, быстро обернувшись, она увидела инженера.

В порыве ветра не улетает так быстро никому не нужный сухой листок, как Коля вылетел из головы Нины. На мгновение побледневшее лицо ее опять вспыхнуло нежным румянцем, и вся она затрепетала, порываясь не то бежать, не то броситься ему на шею.

Они не сказали ни слова. Высоцкий быстро сел на скамейку верхом, так что Нина оказалась у него меж колен, властно перегнул ее в объятиях и стал целовать в губы, глаза, волосы и уши. Минуты две Нина не могла перевести дыхания, и ей казалось, что кругом стоит оглушающий звон. И когда инженер выпустил ее, лицо девушки было бледно, глаза закрыты. Она не могла сидеть сама и, точно надломленная, склонилась к нему.

Высоцкий оглянулся кругом, как вор.

Но еще было слишком светло и сквозь редкие деревья чересчур видно во все стороны. Где-то, совсем близко, слышались голоса.

– Нина... приходите ко мне сегодня!.. – шепнул инженер.

Она вздрогнула, огромными лучистыми глазами взглянула ему в лицо и спрятала голову на его же груди.

– Придешь?.. Нина?.. – настойчиво повторил инженер.

– Зачем?.. – тихо спросила девушка, не подымая головы.

Этот глупый вопрос, который задавали ему все женщины, поставил инженера в минутное затруднение. Однако он ответил то же, что и всегда отвечал в таких случаях:

– Как зачем?.. Но ведь это же ужасно: всегда при других,

ни поцеловать, ни приласкать свободно...

Думал он много короче и проще, но голос его звучал самой искренней наивностью.

Нина вся дрожала и жалась к нему. Это «ты» звучало в ее ушах как музыка. Было стыдно до слез, но и радостно.

– Придешь?.. Да?.. – умолял инженер, стараясь поднять ее голову. Приду...

И будто испугавшись того, что сказала, девушка слабо вскрикнула, взглянула на него безнадежно влюбленными глазами, вскинула руки и, судорожно обхватив за шею, замерла.

XIV

В квартире Высоцкого, обставленной не по-дачному, нарядно и мягко, перебивало уже несколько женщин, начиная с Раисы Владимировны и кончая той самой маленькой актрисой, которая играла в лаун-теннис и у которой была сестра гимназистка. Но Нине, конечно, казалось, что она первая вошла в эту странную незнакомую комнату.

Девушка наивно принарядилась в белое легкое платье с узенькой черной бархаткой на шее и вид у нее был такой, точно она пришла в гости. Как только инженер увидел ее, он сейчас же сообразил, что с этим платьем будет много возни.

Нина сидела на диване и с любопытством оглядывала незнакомую обстановку. В голове у нее была одна страшная мысль: что бы сказали родные и Коля Вязовкин, если бы знали, где она?..

Несмотря на всю свою опытность и безусловную уверенность, что все кончится по шаблону, инженер немного волновался и держал себя как любезный хозяин. Он показывал Нине свои альбомы и фотографии, давал объяснения, обращал ее внимание на редкие снимки и вел себя так, точно между ними никогда ничего не было.

Нина добросовестно рассматривала фотографии, и когда Высоцкий говорил, подымала на него глаза, но от волнения плохо слышала и видела. Привлекло ее внимание только

обилие женских портретов и разнообразные интимные женские надписи.

– Почему так много?.. – тихо спросила она наконец.

– Чего?.. – не сразу поняв, переспросил инженер.

– Так... женщин... – еще тише пробормотала Нина и низко наклонилась к альбому, чтобы его приподнятым листом скрыть лицо.

Высоцкий с любопытством посмотрел на нее и слегка прищурился.

– Это все женщины, которые были близки мне... – нарочито ответил он.

Видно было, как потемнели щеки девушки и чуть дрогнули ее пальцы, поддерживающие альбом.

– Да?.. – совсем уже не слышно уронила она и еще ниже нагнулась над портретом какой-то хорошенькой блондинки, которую вряд ли и видела в это время.

Эта маленькая наивная сценка первой ревности была приятна инженеру, как тонкое вино.

– Конечно!.. – сказал он.

Нина подняла глаза, встретила с его улыбающимися глазами и, покраснев еще больше, опять нагнулась к альбому.

– А вам это неприятно?.. – спросил инженер, кладя руку на альбом и захватывая в плен ее дрожащие горячие пальцы.

Нина вздрогнула, выдернула руку, небрежно отодвинула альбом и с неестественно равнодушным видом оглянулась кругом.

– Да, неприятно?.. – повторил Высоцкий.

– Нет, почему же!.. Разве мне не все равно?.. – деланным голосом брезгливо возразила Нина, но в глазах ее явственно горел злой, ревнивый огонек.

– Вот как!.. – Неужели так-таки и все равно?.. – с нежной насмешкой покачал головой инженер и опять завладел ее рукой.

Нина снова выдернула руку, не глядя на него.

– Здесь жарко!.. – сказала она, чтобы сказать что-нибудь.

Снимите шляпу, – самым невинным тоном посоветовал инженер. – Давайте я вам помогу.

Он поднял руку к ее голове, но девушка испугалась этого движения начинающейся близости и, спасаясь от него, сама сняла шляпу, опустив ее на колени. Инженер тихонько разжал ее пальцы и положил шляпу на стол. Потом сел рядом и обнял девушку за талию.

– Нина!.. – сказал он. Девушка вся затрепетала.

– Ну, скажите еще что-нибудь, – поспешно сказала она, уже зная, что сейчас он будет ее целовать, и инстинктивно стараясь помешать этому. Ей почему-то было страшно, что он поцелует ее здесь, у себя.

Инженер пристально взглянул на девушку, как зверь перед прыжком, измеряя расстояние и место, и вдруг опрокинул на диван, покрывая бешеными поцелуями. Нина защищалась, но все слабее и слабее, пока, побежденная, не замерла совсем в состоянии, близком к обмороку.

Когда инженер поднял ее и посадил, девушка тяжело дышала, не смотрела на него, и глаза у нее были мутны, а щеки горели. Ей казалось, что страшно душно и что черная бархатка на шее душит.

Высоцкий жадно смотрел на девушку.

Белое платье так и ходило на груди Нины, и в легкий вырез видно было, как быстро подымается и падает розовое тело. Инженер незаметно осмотрел фигуру девушки и сообразил, как расстегивается это платье.

– Чего вы так тяжело дышите?.. – спросил он вздрагивающим голосом. – Вам жарко?..

Инстинктом девушка поняла, чего он хочет, и мучительно покраснела.

– Нет, ничего!.. – растерянно пробормотала она, судорожно хватаясь за свою бархатку, которая положительно сжимала горло.

– Снимите ее... – как-то таинственно и неуверенно шепнул инженер.

– Зачем?.. Не надо!.. – умоляюще прошептала она.

– Почему не надо!.. – как будто уже не считаясь с ее волей, возразил инженер и стал развязывать бархатку.

Нина старалась помешать ему, но Высоцкий легко победил ее слабые пальцы и снял бархатку. Нина хотела показать, что это ничего не значит, но неожиданный поцелуй ожег ее спину там, где, она думала, все закрыто платьем. Девушка рванулась, но инженер не выпустил и продолжал целовать,

не давая опомниться, все дальше и дальше. Нина боролась почти с отчаянием, но голова ее горела, сопротивление было беспорядочно и бессильно.

От стыда ей казалось, что она умирает, и когда почувствовала наготу своих плеч, Нина не поверила себе.

– Ну, полно... полно... Ниночка!.. Ведь ты же любишь меня... ну! – бормотал инженер неодолимо и беспощадно.

Девушка еще билась и умоляла, но когда увидела, что грудь ее обнажена и последняя защита вырвана из рук, она ахнула и, чтобы не дать смотреть на себя, охватила его голову руками и изо всей силы прижала лицом к своей груди.

Наступило какое-то безумное состояние, в котором даже самый стыд был наслаждением. Нина упивалась ласками, лишилась сил и сознания.

Внезапно ужас пронизал это сладкое безумие. В паническом страхе девушка стала вырываться, отталкивать его, хватать за руки. Она оледенела и билась в таком отчаянии, точно он убивал ее.

Это была долгая знойная борьба, в которой оба превратились в диких животных. У него было одно невыносимое желание добиться своего, у нее смертельный ужас и отчаянная мольба о пощаде. Наконец девушка победила.

Инженер сидел на краю дивана, руки и ноги у него дрожали, все тело сотрясала животная злоба. Растерзанная Нина неподвижно лежала за его спиной, еще не веря в свое спасение и судорожно прижимая к подбородку кружево разорван-

ной рубашки и скомканную кофточку. Она была безумно рада, что Высоцкий оставил ее, и в то же время ей было мучительно больно, что она огорчила его.

Инженер уже начал приходить в себя и пароксизм телесной злобы упал, но он нарочно не оглядывался и принимал вид человека, оскорбленного в лучших чувствах. Надо было, чтобы она поняла свою вину!

Вдруг девушка тихо шевельнулась, и легкая слабая рука осторожно легла ему на локоть. Инженер невольно вздрогнул, но не пошевелился. Только глаза у него злорадно вспыхнули.

Робкие пальчики зашевелились, осторожно пробираясь выше, и наконец в немой ласке замерли на его руке. Минуту она ждала неподвижно, потом чуть-чуть потянула к себе. Девушка просила прощения, звала и соглашалась на все.

Но когда инженер повторил свою попытку, Нина стала защищаться с новой силой. Очевидно, это было против ее воли.

Борьба продолжалась долго. Несколько раз Высоцкий оставлял ее, прибегая к просьбам, поцелуям и жалким мольбам. Девушка уступала, соглашалась, крепко стискивала зубы, чтобы пересилить самое себя, но каждый раз стихийный ужас затемнял ее сознание и она билась, кусалась и царапалась, как зверек.

Наконец инженер, обессиленный борьбой, бросил ее окончательно, отошел к столу и сел, подперев голову руками.

Нина лежала и плакала. Ей казалось, что все погибло, что он никогда не простит, и она готова была избить самое себя за то, что не могла уступить.

Инженер слышал, что она плачет, но не шевелился. Нина умолкла, наступила тишина. Потом послышался торопливый шорох: она одевалась. Высоцкий сидел как каменный. Шорох затих.

Вдруг две руки обняли его сзади и горящее от слез лицо прижалось к его щеке. Высоцкий хотел оттолкнуть ее, но Нина не выпустила. Она протянула губы для робкого, умоляющего поцелуя и старалась улыбаться ему. Инженер грубо отвел ее.

Глаза Нины налились слезами. Она безнадежно опустилась на обвивших его шею руках и снизу заглядывала ему в глаза.

Инженер сделал холодное и равнодушное лицо.

– Ну, что вы хотите?.. – спросил он. Губы девушки задрожали.

– Но я же не могу... не могу!.. – жалобно прошептала она.

– Как вам угодно!.. А я не могу иначе!.. – жестко ответил инженер.

При этих словах что-то смутно вспомнилось Нине. Она выпустила его шею, отвернулась, прижав к подбородку скрещенные пальцы, и задумалась.

Гордость наконец смутно пробудилась в ней. Почему же это никто не хочет считаться с нею?.. Почему они думают

только о себе? Что же она такое?.. Неужели им только этого и нужно?.. Это оскорбительно, наконец!..

Девушка решилась сделать еще одну попытку: она при-
творилась, что ничего не случилось, и заговорила о чем-то
совершенно постороннем.

– Это не любопытно! – грубо возразил инженер.

Нина закусила губы и долго стояла не шевелясь. Потом
тихо, но твердо двинулась, взяла шляпу и направилась к две-
ри. Инженер хотел удержать ее, но передумал.

«Ничего, придет опять!..» – подумал он.

XV

Высоцкий решил хорошенько проучить девушку, чтобы заставить ее отказаться от всякого сопротивления. Несколько дней его не было видно, и Нина узнала, что он уехал. При этом известии девушку охватил смертельный ужас: ей показалось, что он уехал навсегда, и больше она его не увидит. Но инженер вернулся и даже подошел к ней, когда она гуляла в парке вместе с Анни.

Нина встретила его такой сияющей, беззаветной улыбкой, что у нее даже слезы навернулись на глазах. Но инженер был неумолим. Он очень вежливо поздоровался, но разговаривал только с Анни, не обращая на Нину никакого внимания. Девушка напрасно старалась поймать его взгляд, краснела, бледнела и чуть не плакала. Наконец, улучив мгновение, шепнула ему:

– Вы на меня сердитесь?..

– Я думаю!.. – холодно пожал плечами инженер и опять обратился к Анни.

Нина бессильно замолчала.

Когда прощались, девушка еще раз попыталась улыбнуться ему, но инженер смотрел холодно и равнодушно. Оскорбленная Нина вспыхнула и сжала губы, чтобы не разрыдаться. Сердце ее разрывалось, она даже как-то растерялась.

То же повторилось и на следующие дни. Потом Нина сама

попыталась не обращать на него внимания, но этого хватило только на несколько часов.

В один из таких дней приехал муж Анни, добродушный усатый штаб-ротмистр, обожавший жену и очень любивший Нину, которую знал еще девочкой.

Прежде Нина приходила в детский восторг, когда он приезжал, потому что приезд ротмистра сопровождался всевозможными веселыми затеями, поездками, пикниками, катаньями на лодке. Но теперь девушка не ощущала ничего, кроме досады: она сразу сообразила, что теперь ей очень будет трудно переговорить с инженером наедине. А когда штаб-ротмистр сразу же предложил поездку в лес, Нина чуть не заплакала от досады. Ясно было, что в этот день она даже и вообще не увидит Высоцкого.

Так и случилось: после обеда поехали в лес, потом катались на лодке, потом ужинали при свете костра и вернулись домой, когда ночь стояла на дворе. Все были веселы и довольны, ленивую Анни нельзя было узнать в той хорошенькой оживленной женщине, которая смеялась и дурачилась так заразительно-весело, а Нина ходила как в воду опущенная, еле сдерживая безумное раздражение, ненавидя всех и все.

Так пошло изо дня в день. Нина не могла вырваться ни на минуту. Инженер пришел сам, но был так же холоден и все свое внимание, казалось, обратил на ротмистра. Наконец Нина не выдержала этой пытки. Она улучила минуту и почти

на глазах у всех робко и нежно прижалась к Высоцкому, без слов умоляя о прощении. Инженер быстро и пытливо взглянул на нее.

– Вы меня уже больше не любите?.. – спросила Нина, краснея.

– Нет, я люблю вас, но для меня слишком мучительно любить и не обладать... Вы требуете, чтобы я щадил вас, и я щажу... Чего же больше?.. Моею вы быть не хотите?..

Отчаяние выразилось в умоляющих глазах девушки.

– Я не могу!.. – прошептала она.

– Не могу и не хочу здесь – одно и то же!.. – холодно возразил инженер и отошел.

Нина проплакала всю ночь и пала духом. Она уже не могла сопротивляться. Наутро она стала ждать инженера, чтобы сказать ему что-то самое важное, что ей и самой не представлялось ясно. Но инженер нарочно не пришел, учитывая последствия бывшего разговора.

Вся семья сидела за вечерним чаем, и ротмистр оглушительно хохотал, рассказывая какие-то, как казалось Нине, ему одному интересные анекдоты из полковой жизни.

Девушка томилась, как больная. Бледная и беспомощная, бродила взад и вперед, то присаживалась у стола, то выходила в сад и с такой тоской смотрела на темнеющее небо, точно с каждым погасающим лучом зари таяла ее последняя надежда. Вечер шел медленно, и никуда нельзя было пристроить себя, и было страшно, что и сегодня она не увидит ин-

женера.

– Что ты мечешься как неприкаянная? – спросила наконец Анни, заметив ее блуждания.

Нина не ответила, только губы ее задрожали от болезненной ненависти к счастливой сестре.

«Да, тебе хорошо!..» – подумала она.

– А где же ваш прекрасный инженер?.. – добродушно спросил ротмистр и распустил усы, готовясь подшутить над девушкой.

– Они поссорились!.. – насмешливо заметила Анни.

Злобный огонек сверкнул в глазах Нины, и, чувствуя, что сейчас заплачет, она топнула ногой и крикнула:

– Как это глупо... Чего вы ко мне пристали все!.. Что я вам сделала?..

Потом порывисто повернулась и, уже совсем не владея собою, изо всех сил хлопнула дверью в свою комнату.

– Вот тебе и раз!.. – удивленно протянул ротмистр. – Что это с ней?..

– С ума сошла!.. – холодно ответила Анни, пожимая плечами.

Ротмистр, искренно огорченный, хотел идти за Ниной, но Анни не пустила:

– Пускай перебесится. Эта девчонка совершенно распустилась!

Нина слышала эти слова, и они странно засели у нее в мозгу.

– Ну да!.. И распустилась!.. – с каким-то жгучим наслаждением повторила она, лежа на кровати и судорожно крутя угол подушки злыми, нервными пальцами.

И ей пришло в голову, что теперь все равно!.. Пусть так!.. Решение пришло сразу, без колебания. Приближалась ночь. Надо было спешить. Бесшумными, быстрыми движениями Нина задвигалась по комнате. Казалось, она двигается уже помимо воли, во власти какой-то чужой силы. Каждый жест ее был механичен, лицо бледно, губы сжаты.

– Распустилась?.. И пусть!.. – повторяла девушка сквозь зубы.

Она закутала голову легким шарфом, осторожно прислушалась к голосам и смеху на балконе, бесшумно и ловко вылезла в окно и опрометью побежала через сад. В голове у нее не было ничего, кроме одного: а вдруг его нет дома?.. И при этой мысли холодело в груди.

Вечера уже становились свежими, и потому в парке никого не было. Только одинокие фонари, мертвенно зелены ближайшиe листья, бросали полосы тусклого света на широкие пустынные аллеи. Нина бежала как преступница, придерживая на лице свой шарф, а другой рукой подбирая платье. Черная тень, то отставая, то широким полукругом обгоняя ее, бежала следом.

Дача инженера была темна, как нежилая.

Нина остановилась растерянная, подавленная, как будто случилось такое страшное несчастье, которому даже и пове-

ритель нельзя. Ей казалось, что все погибло. Было чувство, похожее на отчаяние, и безумно колотилось сердце от быстрого бега.

Медленно, на каждом шагу останавливаясь и в смутной надежде прислушиваясь, девушка пошла назад. На повороте в большую аллею она услышала голоса, и ей почудился голос инженера. Не отдавая себе отчета, Нина спряталась и затихла в тени большой толстой сосны.

Шли двое: мужчина и женщина. Они о чем-то оживленно спорили. Мужчина убеждал, женщина не соглашалась и смеялась кокетливо и лукаво. Не доходя нескольких шагов, они остановились прямо под фонарем. Нина стояла, опустив шарф, пораженная одной страшной мыслью.

– Мало ли чего!.. Какой хитрый!.. – сказала женщина, очевидно поддразнивая его.

Мужчина что-то ответил, и женщина опять засмеялась. Нина чувствовала, что теряет сознание, но еще не могла понять всего.

Инженер стоял спиной к ней, держа женщину в объятиях и стараясь поцеловать ее, а та коротко смеялась и упиралась ему в грудь обеими руками. Свет фонаря упал ей прямо в лицо, и Нина узнала изменившееся от страсти, побледневшее, с полузакрытыми глазами лицо хорошенькой продавщицы из киоска фруктовых вод. В ту же минуту и продавщица заметила Нину.

– Пустите!.. Да пустите же!.. – крикнула она, вырываясь

из рук инженера.

Тот не понял и не пускал. Продавщица грубо изо всех сил оттолкнула его и, подхватив юбку, побежала прочь, прямо по траве, в сторону от аллеи.

– Да постой!.. Куда же ты?.. Подожди!.. – крикнул ей вслед Высоцкий, хотел бежать за нею и прямо налетел на Нину.

Это было так неожиданно, что в первое мгновение лицо его выразило только неопределимое удивление. Но сейчас же инженер понял весь смысл случившегося, и все черты его красивого лица исказились злобной досадой. Такое выражение Нина увидела в первый раз и в ту же минуту поняла, что это и есть его настоящее лицо.

Несколько мгновений тянулось тягостное молчание, и неизвестно чем бы кончилось, если бы вдруг, совершенно неожиданно для самого себя, инженер не осклабился до самых ушей. И это была такая нелепая, глупенькая, виноватая и дрянненькая улыбочка, что Нина глухо вскрикнула и закрыла лицо руками.

– Как-кими судьбами!.. – совершенно не зная, что сказать, проговорил инженер и протянул руку.

Но девушка дико отшатнулась от него, отдернув даже конец шарфа, точно к ней потянулся омерзительный гад.

– Не подходите!.. – в иступлении крикнула она, всплеснула руками, мгновение, как бы не веря своим глазам, смотрела на него и вдруг побежала, почти падая, волоча по земле свой шарф.

Инженер так и остался с протянутой рукой, в позе человека, неожиданно выпустившего из рук пойманную птицу. Когда же он опомнился, Нины уже не было видно...

Улыбка медленно сошла с лица Высоцкого, и гримаса досады исказила его черты. Он даже зубами заскрипел.

– Ах, черт!.. Эх!.. – прибавил он, досадливо шелкнув пальцами.

XVI

Для инженера эта история была совершенно неожиданна, и он никак не мог себе простить, что попался так глупо. Но Высоцкий был слишком уверен в своей неотразимости, чтобы поверить, будто Нина может разлюбить его. Ему казалось, что стоит только повидаться с девушкой наедине, и она опять будет в его власти.

Но именно увидеться с нею и не удалось. Два дня инженер ловил девушку в парке, но Нины нигде не было видно. Потом он решился идти напролом и явился прямо на дачу, но девушка спряталась у себя в комнате и не вышла под предлогом головной боли. Она забилась в самый дальний угол и только вздрагивала и бледнела, когда с балкона доносился голос Высоцкого. Инженер написал страстное послание, но ответа не получил, хотя Нина и долго плакала над этим письмом. Два последующих письма вернулись нераспечатанными, и Высоцкий решил, что девушке просто не передают этих писем. Чтобы она сама не захотела ответить ему, этого инженер никак не мог допустить. Тогда он придумал обратиться к Коле Вязовкину.

Коля уныло брел куда-то через парк, когда Высоцкий остановил его.

– Здравствуйте, – сказал он развязно, приподымая шляпу.

Коля Вязовкин посмотрел как-то странно, но остановил-

ся.

– Мы с вами мало знакомы, – очаровательно улыбаясь, продолжал инженер, – но у меня к вам большая просьба... Вы можете мне уделить одну минутку?..

Коля Вязовкин кивнул головой.

– Видите ли, в чем дело, – все развязнее и даже легкомысленным тоном продолжал Высоцкий, – ведь вы, кажется, большой друг Нины Сергеевны?

Коля Вязовкин сделал какое-то неопределенное движение, но опять-таки промолчал.

Ну, так вот... Вы простите, что я обращаюсь к вам, и, пожалуйста, не примите этого в каком-нибудь дурном смысле... Не можете ли вы передать Нине Сергеевне мое письмо и попросить ответа?..

Коля Вязовкин исподлобья посмотрел и ничего не ответил.

Видите ли, я имею основания думать, что мои письма не доходят до Нины Сергеевны, а между тем это очень важно и для меня, и для нее... Вероятно, для вас не тайна, что мы... ну то есть что я и Нина Сергеевна любим друг друга...

То же, совершенно неопределимое движение было единственным выражением сочувствия со стороны Коли.

«Вот упрямый баран!..» – подумал инженер, но улыбнулся еще дружелюбнее.

– Между нами, знаете, произошла маленькая размолвка. Конечно, я был немного виноват, но... Вы простите, что я

посвящаю вас в эти подробности, но я так много хорошего слышал о вас от Нины Сергеевны... и потом, мне совершенно не к кому обратиться!.. Вообще это довольно глупая история, и если бы я мог повидать Нину Сергеевну, все, конечно, уладилось бы. Вот вы, как друг, могли бы убедить ее, что нам необходимо увидеться.

Инженер выжидательно умолк, но Коля Вязовкин так же выжидательно смотрел и молчал. Терпение Высоцкого истощилось.

Ну, так как же?.. Передадите?.. – грубо спросил он, решив, что с этим болваном много церемониться нечего.

Коля Вязовкин вдруг густо покраснел, словно виноватый, и с усилием ответил: Хорошо... я передам...

– Вы меня очень обяжете!.. – обрадовался инженер, доставая письмо, – я бы никогда не обратился к вам...

– Давайте!.. – не глядя, перебил Коля, почти вырвал письмо, круто повернулся и зашагал. Инженер даже немного растерялся.

– Так я вас здесь подожду!.. – крикнул он вдогонку.

Коля Вязовкин, не оборачиваясь, кивнул головой.

Нина была в саду, когда он нашел ее.

Девушка одна сидела на той же скамейке, и на коленях у нее лежала книга, но Нина не читала. Все эти дни она просидела дома, боясь встретиться с инженером, и все время проводила в глубине сада, где по целым часам сидела, сжав руки и бледными отчаянными глазами глядя прямо перед со-

бою на пожелтевшую листву. Ей некому было рассказать, что она пережила, некого было спросить о том, чего она не понимала, и девушке казалось, что все кончено, больше жить не стоит.

Неужели же повсюду такой обман, такая же страшная, пошлая грязь?.. Что же это такое?.. Или это она такая несчастная, такая жалкая, что с нею обращаются так подло и гадко, или же все переживают то же самое?.. Неужели и с Анни было так?..

Нина представила себе добродушного ротмистра и впервые увидела в нем только сытое, грубое, пошлое животное. И все мужские лица, которые она представляла себе, были такими же животными и чувственными. Отвращение и тоска сжимали сердце девушки. Она чувствовала себя точно среди диких зверей, совершенно беспомощной и беззащитной.

А где же та любовь, о которой она читала и слышала?..

Песок закрипел под грузными шагами. Девушка испуганно вскинула глазами и увидела Колю Вязовкина.

Краска разлилась по ее побледневшим, похудевшим щекам. Нина торопливо опустила глаза в книгу. Вот вам письмо... – не здороваясь, сказал Коля Вязовкин.

Те же огромные, пугливые глаза остановились на письме, которое он протягивал, но Нина не взяла письмо.

Коля Вязовкин уныло и внимательно посмотрел на нее и опустил руку.

– Может, вы не хотите?

Нина взглянула ему в глаза, потом на письмо, потом опять на него, и Коля видел, как она колебалась.

Боже мой, как хотелось девушке прочесть это письмо, поверить, что здесь одно недоразумение, что все объяснится, и тогда... Что – тогда, Нина не знала, но мысль о том, что она уже никогда не увидит инженера и не почувствует его поцелуев, казалась ей невозможной, страшной, как смерть.

Зачем Коля Вязовкин смотрел так серьезно и строго, что Нина даже не посмела показать, что делается у нее на душе?.. Ей казалось, что, если она возьмет это письмо, Коля будет презирать ее, как самую ничтожную женщину. Да и презирает уже!..

Коля Вязовкин подождал, подумал, потом решительно сунул письмо в карман и пошел прочь.

– Коля!.. – жалобно вскрикнула девушка, когда студент был уже далеко.

Коля оглянулся.

Нина жалко улыбнулась ему, точно умоляя о пощаде, но взгляд студента был так же строг и серьезен. Силы оставили ее. Нина закрылась руками и заплакала.

Коля Вязовкин внимательно, казалось, без жалости, сверху смотрел на ее мягкие вздрагивающие плечи, повернулся и ушел.

Инженер ждал его, нетерпеливо прохаживаясь взад и вперед.

– Ну, что?.. – быстро спросил он, когда студент появился

из-за поворота.

Коля Вязовкин молча протянул письмо.

Инженер поспешно схватил конверт и тут же узнал свой собственный прекрасный почерк.

– В чем дело?.. Вы не передавали?.. – слегка покраснев, спросил он.

– Нет, я передал... – уныло возразил Коля Вязовкин.

– Ну и что же?..

– Ну и ничего... – еще унылее пробормотал Коля.

Инженер вспыхнул. Насмешка почудилась ему в голосе, студента, и в самом деле показалось, что положение глупо и комично. Злоба и желание на ком-нибудь сорвать ее охватили инженера.

– Тэкс-с!.. – процедил он сквозь зубы. – Очень хорошо!.. Благодарю вас!.. Это я и сам мог бы сделать... болван!.. – пробормотал он про себя.

Коля Вязовкин услышал и слегка побледнел, но не сказал ни слова. Инженер нагло посмотрел на него. Покорность студента, которую он принял за трусость, подзадорила его.

– В таком случае, – медленно и со смаком начал он, – передайте вашей прелестной Ниночке, что она просто...

Инженер невольно запнулся, так страшно побледнел и выпучил глаза Коля Вязовкин. Но прежде чем Высоцкий успел что-нибудь сообразить, студент бешено схватил его за грудь, рванул к себе и со всего размаха ударил спиной и затылком о ближайшее дерево. Шляпа соскочила с головы инженера,

он тяжело крикнул, и перед глазами у него дугой полетели все сосны и дачи.

Дальнейшее произошло с быстротой молнии: вырвавшись из рук Коли, инженер отскочил шага на два и поднял палку, но палка со странной легкостью выкрутилась у него из рук и от жгучей боли в щеке и ухе Высоцкий едва не потерял сознание. Он пытался закрыть руками, но удары сыпались как град на руки, на голову, на спину, ноги его разъехались, и, оглушенный, разбитый, не похожий на человека, он бессильно ткнулся головой на мягкую кучу пыльной хвои.

Откуда-то набежавшие люди держали Колю Вязовкина и вырывали у него палку инженера. Со всех сторон кричали, ужасались, суетились, махали руками. Человек пять сразу старались поднять инженера и никак не могли поставить его на ноги. Лицо Высоцкого было страшно до неузнаваемости, изо рта и носа текла кровь, смешанная с грязью, зубы стучали, глаза смотрели бессмысленно и дико.

В трех шагах, посреди аллеи, стояла Анни и с ужасом смотрела на инженера, а грузный ротмистр заслонял его от рвущегося Коли Вязовкина и кричал:

– Да вы с ума сошли, что ли?

XVII

Через два дня после скандала, о котором говорили все дачи, Нину увезли домой, в Харьков, и она долго была больна.

Вся осень прошла для девушки как какой-то мутный и бледный сон. Впоследствии она даже плохо помнила это время, которое представлялось ей в виде бесконечной серой полосы. По целым дням она сидела у себя в комнате, от всех запиралась, раздражалась из-за всякого пустяка и плакала, и ей казалось, что все ненавидят и презирают ее.

О Высоцком она не вспоминала. Он просто провалился в какую-то пустоту, и эта пустота была и вокруг и в самой девушке. Что-то заплевано, загажено, изуродовано в душе, и трогать эту язву было бы слишком мучительно. Только казалось, что в жизни все кончено и уже никогда не будет так весело, легко и хорошо, как прежде.

И сама себе девушка представлялась другою: она часто смотрела на себя в зеркало и перед нею была какая-то новая, чужая женщина, с постаревшим худым лицом и большими, что-то знающими уже глазами.

Коля Вязовкин уехал в Петроград, уехали и Анни с мужем, и Нина была даже рада этому, потому что меньше лиц напоминали ей пережитое.

Но время шло и мало-помалу стирало прошлое. Оно уже не казалось таким ужасным и непоправимым. Понемногу

Нина опять стала входить в жизнь, интересоваться окружающим, гулять, разговаривать и смеяться. Сначала это было робко, неуверенно и часто сменялось припадками дикости и тоски, но силы радости и жизни прибывали с каждым днем. А когда выпал первый снег и так молодо побелело все кругом, что-то как будто свалилось с плеч, и, словно в самом деле выздоровев после долгой тяжелой болезни, девушка широко открытыми глазами оглянулась кругом.

Ей вдруг показалось странным, что она точно не жила это время, и захотелось движения и веселья. К Рождеству это была уже прежняя, здоровая, веселая Нина, которая с увлечением бегала на курсы, хохотала со знакомыми студентами, занималась музыкой и бредила театром. Она даже похорошела, расцвела и как-то расширилась, из девочки превращаясь во взрослую девушку. В ее походке появилось больше плавности, в движениях больше женственности. Вместе с тем Нина стала меньше читать, реже увлекаться идейными спорами, лучше одеваться и причесываться, чаще бывать с мужчинами и даже кокетничать.

Кружок ее подруг тоже изменился: она разошлась с теми, которые по целым дням сидели над книгами, и сошлась с нарядными, красивыми и кокетливыми барышнями, играющими в любовь. Сама Нина не заметила этого, но ее влекло в этот кружок, и в интимной девичьей болтовне о мужчинах она жила всей душой, так что глаза у нее блестели, щеки розовели, грудь дышала взволнованно и страстно.

Ей уже было скучно, когда в обществе не оказывалось ни одного привлекательного мужчины, и Нина выучилась, слегка прищуривая глаза и странно улыбаясь, говорить:

– Он интересный!..

Девушке казалось, что она совсем забыла инженера, но иногда по ночам, в постели, она вдруг вспоминала о нем. Это было всегда после того, как она проводила вечер среди мужчин, которым нравилась. И вспоминала не самого инженера, а то, что было с ним. С поразительной яркостью она видела тот широкий странный диван, бледное страстное лицо над собою, свое обнаженное тело, всю сцену этой безумной борьбы до мельчайших подробностей. Дикое любопытство пробуждалось в ней. Нина почти жалела, что не уступила тогда и не узнала, что это такое. Девушке казалось, что она чувствует жгучие поцелуи и грубые ласки, и ей казалось, будто она теряет силы и замирает в истоме. Кровь прилиwała к лицу, так что щеки горели, она, как струна, вытягивалась под одеялом, судорожно вцепившись пальцами в простыню, и лежала с закрытыми глазами, со странной улыбкой на губах, стараясь не двигаться, чтобы не спугнуть каких-то видений. Ей хотелось воскресить в памяти все, и это желание было так сильно, что хотелось кричать. Она впивалась зубами в сустав своего пальца и в невыносимой боли находила какое-то жгучее наслаждение. Потом она вдруг приходила в себя и вся содрогалась от стыда, и на другой день вставала слабая, с больной головой и отвращением к самой себе.

Странно, что именно теперь у нее вдруг появилось много ухаживателей. Мужчины, чуя пробужденную другим мужчиной женщину, как-то особенно настойчиво и жадно кружились около Нины, и у всех у них в глазах было особое выражение, заставлявшее девушку слишком часто и красиво смеяться, блестеть глазами, двигаться так лениво и томно, точно ей хотелось лечь и потянуться всем телом. На улице она замечала, что все оглядываются на нее, и это было ей приятно. Однажды, когда Нина шла домой, на большой людной улице, в белый светлый день, какой-то офицер садился с тротуара на извозчичьи санки. Нина мельком взглянула на него, и вдруг ей бросился в глаза его крепкий, наголо обстриженный затылок над широкими мужскими плечами. Что-то странное, как искра, прошло по всему телу девушки, и хотя офицер тотчас же исчез в снежной пыли, немеркнувшее воспоминание об этом крепком, могучем затылке долго стояло перед нею. В этот день Нина была странно раздражительна и не находила себе места.

После этого общество мужчин стало больше раздражать Нину, чем веселить. Не все они, а только то один, то другой привлекали ее внимание, и Нина чувствовала, что ее тянет к этому человеку, чувствовала, что между нею и им только тоненькая непрочная преграда. Временами она сознавала, что ей хочется поцелуя и что если кто-нибудь смело подойдет к ней, она не будет в силах оттолкнуть его.

Как-то поздно вечером, когда луна светила ярко и весь го-

род был скован ее морозным светом, Нина возвращалась из гостей. Там было очень весело и шумно, много пели и танцевали, дурачились и хохотали, а за ужином пили вино. Когда расходились, то всю улицу наполнили смехом и молодыми звонкими голосами.

До главной площади шли общей беспорядочной толпой, потом остановились на углу и долго спорили о чем-то, привлекая внимание неподвижно черневшего под луной, закутанного и обмерзлого городского. Наконец устали и разошлись в разные стороны парами и кучками. Нину пошел провожать высокий, красивый студент Вяхирев.

Улицы были уже пусты, и по случаю лунной ночи фонари не горели. Луна, как царица, стояла над спящим городом. По одну сторону улицы дома были белые, и темные стекла окон блестели голубыми искрами, по другую – стояла резкая черная тень, зубчато ложившаяся на укатанную дорогу.

Вяхирев и Нина долго шли молча, захваченные торжественной красотой морозной лунной ночи, и снег звонко и торопливо скрипел у них под ногами. Нина смотрела, как быстро тает и исчезает в голубом свете пар ее дыхания, прижимала муфту к щеке, и ей было как-то странно хорошо. Шум, крик и суета оборвались сразу, и эта лунная тишина со всех сторон охватывала ее. Хотелось чего-то особенного, и было странно идти домой спать.

Вяхирев шел уверенно и широко шагая, расстегнув пальто и сдвинув фуражку на затылок. Нина случайно взглянула на

него, и ей вдруг опять бросился в глаза мужественный курчавый затылок над белой шеей. Девушка сейчас же, точно испугавшись, отвела глаза и глубже засунула лицо в мягкий мех муфты, но странное волнение охватило ее. Хотелось еще раз взглянуть, и было почему-то стыдно. Стыдно и весело.

В это время Вяхирев потихоньку запел себе под нос:

Не любить, погубить, значит, жизнь молодую...

Жизнь не рай, выбирай каждый деву младую...

Нина вздрогнула и пошла скорее. Почему-то эта старая опошленная песня показалась ей новой и стыдной, а последние слова точно относились к ней самой.

– Куда вы так торопитесь?.. – спросил Вяхирев, которому было приятно идти вдвоем с молодой красивой девушкой по ярким и пустынным улицам, залитым лунным светом. – Успеете!.. Эх, ночь!.. Так, кажется, взял бы да и... свернул фонарь в сторону!.. – неожиданно закончил он.

Нина засмеялась, и смех ее был кокетлив и загадочен, точно она знала что-то.

– А что вы думаете! – ответил на ее смех Вяхирев. – Живем мы, живем... индо скучно становится!.. Ни размаха у нас, ни порыва!.. Все так осторожно, с оглядочкой, по закону!.. Ни напиться как следует, ни поскандалить, ни полюбить...

– Ну, напиться-то вы всегда успеваете!.. – лукаво ответила Нина, и глаза ее блеснули при луне из-за темного меха муфты.

– Да я не о том!.. – со странной досадой возразил Вяхирев. – Что ж – напиться!.. Напиться можно, да что толку?.. Собираемся мы, спорим, кричим, а тут... эх!..

Вяхирев, очевидно, не смел или не умел высказать чего-то, о чем без слов говорила вся его молодая, лихая, сильная фигура. Но Нина всем существом своим понимала, о чем он говорит, и волнение росло в ней. Девушку точно поднимала какая-то свежая и сильная волна.

Ей казалось, что Вяхирев тоскует по молодой, свободной и смелой девушке, которая могла бы, без рассуждений и страха, вместе с ним взять всю ту радость жизни, о которой говорит эта светлая лунная ночь.

И все сильнее росло в ней сомнение, и было страшно немного. Она опять исподтишка взглянула на Вяхирева и рада была, что он не видел ее взгляда.

Против дома, где жила Нина, они перешли через улицу и сразу погрузились в прозрачный холодный мрак. Противоположная сторона вся белела и блестела голубым огнем, а здесь было таинственно темно и жутко. Нина не могла видеть, но чувствовала, что Вяхирев смотрит на нее, и от этого взгляда она невольно становилась грациознее, кокетливее прижимала к лицу муфту и шла так, точно танцевала.

– Ну, до свиданья! – сказала она тихо, когда остановились перед подъездом.

Вяхирев задержал ее руку в своей мягкой теплой широкой ладони, и Нине это было страшно и приятно.

– Спать?.. – спросил он, как будто все еще не мог поверить, что все кончится так просто и скучно.

– Спать! – ответила девушка и засмеялась, будто поддразнивая.

– Эхма!.. – вздохнул Вяхирев. – Ну что же... спать так спать!.. А я бродить пойду!.. Они помолчали.

– До свиданья!.. – повторила Нина и протянула руку.

– Ну что ж, до свиданья, коли так, – почти с грустью согласился Вяхирев, крепко тряхнул и выпустил ее пальцы.

Опять наступило короткое волнующее молчание, и вдруг Нина почувствовала, что он хочет поцеловать ее. Был момент слабости и смутного желания этого поцелуя, но девушка торопливо, будто испугавшись, поднялась на подъезд и позвонила. И пока за стеклами не вспыхнул свет и не показалась заспанная фигура швейцара, они молчали и смотрели друг на друга. Нина стояла на ступеньке, кокетливо прижав к щеке муфту, а Вяхирев внизу, на тротуаре.

Дверь отворилась. Нина еще раз, почему-то немного насмешливо, кивнула головой и скрылась в подъезде. А Вяхирев постоял, подумал и побрел по пустынным улицам в знакомый, давно отошневший переулок, где во всех домах были ярко освещены окна, за мерзлыми стеклами мелькали танцующие тени, слышалась нестройная музыка и толпами, прямо по мостовой, ходили, пели и орали пьяные студенты.

После этого вечера Нина бессознательно искала встречи с Вяхиревым, а Вяхирев искал ее. Но при встречах студент

грубовато смущался, а девушка кокетливо смеялась, острила над ним и сама не знала, чего ей от него нужно.

XVIII

Пришел март. Бодрый, здоровый, волнующий март, с ослепительным солнцем, голубым небом, талыми снегами, звонкими ручьями и оглушительным грохотом колес по оттаявшей мостовой.

Сколько звуков, сколько красок и движения после томительно однообразной беззвучной зимы. Днем все тело было полно силы и радости, по вечерам сладко тосковала, чего-то ждала и требовала душа.

Нина положительно не могла сидеть дома, и голова у нее была полна какими-то неожиданными веселыми мыслями. Она дурачилась, кокетничала, целый день проводила на улице и по временам казалась такой оживленной и яркой, точно пьянела от крепкого, радостного воздуха весны.

Как-то утром, на курсах, она узнала, что в город приехал и остановился в большой гостинице писатель Арсеньев. Курсистки говорили об этом с неописуемым оживлением. Среди молодежи Арсеньев пользовался громадной популярностью, и это было понятно: с широко открытыми глазами девушки стояли на пороге жизни, в светлом ожидании счастья и ласки, а ни у кого из современных писателей не было столько красивых, нежных и грустных слов о любви. Тихая любовная музыка струилась со страниц его книг. Арсеньев любил писать о том, как радостно и доверчиво входит в жизнь молодая

женская душа и как грубо, пошло и хищно встречает ее многоопытная мужская чувственность. Было что-то невыразимо печальное в тех тоскующих нотках, какими он умел заканчивать свои рассказы, и казалось, что у него самого должна быть женственно-нежная, красивая, полная любви и ласки душа.

Его последний рассказ Нина прочитала несколько раз. Можно было подумать, что он незримо следил за нею и что рассказ написан именно о ней. С другими лицами, в другой обстановке на страницах этого рассказа жили Луганович, и Высоцкий, и Нина, и было страшно и непонятно, как мог он знать то, о чем сама Нина боялась сознаться себе. Все пережитое, все недоумения девушки, впервые столкнувшейся с житейской грязью, униженной и оскорбленной, всколыхнулись в ее душе, и Нине казалось, что если бы можно было поговорить с этим человеком, рассказать ему все, то он ответил бы ей. Что ответил, Нина не знала и сама, но душа ее бессознательно стремилась к этому неизвестному, особенному, непонятному человеку.

Весь тот день, когда девушка узнала о приезде Арсеньева. Нина была в нервном, напряженном волнении. А вечером ей пришла в голову неожиданная мысль. Стыдясь своего искреннего наивного порыва, она придала всему вид шалости и вместе с Катей Чумаковой, дурнушкой-курсисткой, помешанной на любовных приключениях, написала письмо Арсеньеву. А на другой день, вечером, обе они побежали в

университетский сад.

Никогда не был так тих, задумчив и прекрасен мартовский вечер. Еще совсем голые деревья отчетливо рисовались на мягком синем небе, в котором медленно и прозрачно зажигались весенние звезды. От земли шел волнующий, как неосознанная радость, пьяный запах, и она была черна и упруга. В маленьких лужицах похрустывал хрупкий весенний ледок. Было что-то радостное и пьянящее в черноте земли, в блеске первых звезд вверху, в ясном блеске зари, в румяных толпах, медленно движущихся по аллеям, в возникающем то тут, то там беспричинном смехе, в том, что не видно было лиц и только по голосам можно было узнавать знакомых.

Нина и Катя долго ходили в толпе, возбужденные, взволнованные ожиданием. В сущности говоря, они не верили, что Арсеньев придет, но все-таки им было весело и немного страшно.

– Я убегу!.. – говорила Катя, которая трусила, как гимназистка.

Нина была покойнее, и должно быть, потому, что бессознательно чувствовала прелесть и желанность своего молодого тела, милых глаз и нежной молодости, она не считала таким невозможным, чтобы Арсеньев не отозвался на ее письмо.

Уже совсем стемнело, когда они увидели и узнали его высокую фигуру в пальто и мягкой шляпе. Узнали по портрету,

помещенному в местной газете по случаю приезда знаменитого писателя.

Арсеньев шел от ворот в сопровождении какого-то плотно-щеголеватого господина, по бритому лицу и манерам – несомненного актера.

Толкая друг друга, еле сдерживая смех и желание убежать, девушки сейчас же повернули и пошли следом, как-то странно притихнув и не спуская глаз с Арсеньева.

Сначала их не заметили. Арсеньев шел медленно, и по тому, как он оглядывался на каждую проходящую женскую фигуру, было видно, что он пришел именно по письму и ждет продолжения. Еще больше волновался актер. Очевидно, он знал про письмо и в качестве телохранителя сопровождал знаменитость на любовное приключение. Его присутствие неприятно удивило Нину, и она тогда же смутно почувствовала, что шутка вовсе не так уж невинна, как казалось.

Нина и прежде не представляла себе, что выйдет из всего этого, но теперь, когда Арсеньев явился не один, она уже и окончательно растерялась, и почувствовала, что не выйдет ничего. То, о чем она мечтала, читая рассказы Арсеньева, сразу стало казаться ей детски наивным и невозможным. И когда нетерпеливая Катя, вся дрожа от волнения, шептала ей: «Ну, что же ты?.. Ну!..» – Нина отталкивала подружку локтем и начинала сердиться.

Катя волновалась совершенно бескорыстно. Ей и в голову не приходило, чтобы Арсеньев мог заинтересоваться ею

самой, но она была влюблена в Нину, как только молоденькие некрасивые девушки могут влюбляться в хорошеньких умных подруг, и потому ей до смерти хотелось, чтобы Нина познакомилась с Арсеньевым. Нерешительность подруги еще больше возбуждала ее.

Так они прошли по аллее два раза. Девушки неотступно следовали за Арсеньевым, а актер первый обратил на них внимание. Он что-то сказал Арсеньеву, но тот ответил нерешительным жестом.

Стало совсем темно. В аллеях понемногу пустело. Наконец мужчины решительно двинулись к выходу.

– Ну что же ты?.. Он уйдет!.. – исступленно шептала Катя, не чуя ног под собою.

Нина испуганно оттолкнула ее и ускорила шаги, чтобы раньше выйти из сада, но в это время актер развязно приподнял шляпу и громко спросил:

– Скажите, пожалуйста, это не вы писали Владимиру Сергеевичу?

Увлекая за собою Катю, Нина пугливо шарахнулась в сторону, но Арсеньев уже шагнул к ним, и девушки невольно остановились. Катя совсем обмерла от страха, у Нины мучительно забилось сердце.

– Ну что же... давайте познакомимся, – нахально продолжал актер. – Чего вы так испугались?

Эта фраза оскорбила Нину: ей показалось, что актер принимает их за каких-нибудь швеек, и она ответила холодно и

сухо:

– Пожалуйста...

Актер сразу переменял тон, почтительно сняв шляпу. Он догадался, кто из двух – главная, и прежде всего поклонился Нине.

– Позвольте представиться: Строев... Владимир Сергеевич Арсеньев...

От волнения девушки ничего не ответили и руки их дрожали, когда они обменивались рукопожатиями. Арсеньев молчал, не зная, что сказать. Актер пришел всем на помощь.

– Ну что же, давайте пройдемся немного, – предложил он, и вышло как-то так, что сам он пошел с Катей впереди, а Арсеньев и Нина молча последовали за ними.

Девушка не смела поднять глаз, и ей было мучительно неловко, точно случилось что-то недостойное и пошлое. Арсеньев украдкой разглядывал ее, а Нина чувствовала его взгляд и не знала, как держать себя. Было страшно, что он заговорит, и она почти ненавидела Катю, в такую минуту покинувшую ее на произвол судьбы.

– Почему вы мне писали? – тихо спросил Арсеньев.

Нина вздрогнула и ответила не сразу.

– Так... – сказала она и не могла придумать ничего больше.

Они опять пошли молча.

Когда Арсеньев шел сюда, он ожидал встретить женщину, опытную в таких приключениях и знающую, чего она хо-

чет. Все представлялось ему донельзя просто, но теперь инстинктом мужчины он почувствовал, что это совсем не то, и смутился неожиданно для самого себя. Актер снова пришел к нему на помощь.

– Знаете что, – сказал он не задумываясь, – становится холодно, не поехать ли нам куда-нибудь?

– Куда? – машинально спросила Нина.

– Ну, куда-нибудь... в ресторан, например... Можно спросить отдельный кабинет...

Катя испуганно взглянула на Нину, но та сделала такое движение, что актер сразу осекся.

– Ну, если не хотите, можно просто зайти в кондитерскую. Выпьем кофе и поболтаем... И этого нельзя?..

Нине показалось, что смешно от всего отказываться, раз они же сами написали это глупое письмо, но ей все-таки пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы кивнуть головой.

В тесном, ярко освещенном и душном зале кондитерской было жарко и пахло кухней. Сладкий пар и табачный дым висели в воздухе. Было много студентов и подозрительного вида нарядных дам.

Актер угощал девушек, острил, хохотал и вообще самым добросовестным образом старался рассеять общую неловкость. Но чем развязнее становился он, тем молчаливее и отчужденнее держали себя Катя и Нина. Им обоим уже казалось, что вышло что-то некрасивое и совсем не забавное.

Нина сидела против Арсеньева и исподтишка разглядывала его. В этой пошлой обстановке, в присутствии наглого, шумного актера, она не могла тот образ, который создали в ней его книги, соединить с этим интеллигентного вида господином, у которого была наружность провинциального врача, морщинки в уголках рта и слегка смущенное выражение. То, что он говорил, было очень обыкновенно и даже банально. Нина думала уже только о том, как бы скорее прикончить эту глупую историю и уйти, чтобы никогда не вспоминать об этой неудачной, ненужной встрече. Временами она взглядывала на Арсеньева даже враждебно, точно он чем-то обманул ее.

Арсеньев видел произведенное им впечатление, и его мужское избалованное самолюбие испытывало неприятные уколы.

Один актер чувствовал себя превосходно. Он был совершенно уверен, что все кончится прекрасно, именно так, как, с его точки зрения, и должно кончиться: Нина отдается Арсеньеву, а Катя – ему. Иного конца он даже не представлял себе и был убежден, что девушки и сами хотят этого. Надо было только найти кратчайший путь к цели, а поэтому актер быстро перевел разговор на любовь, которую понимал крайне просто и определенно. Когда же, по его мнению, почва была подготовлена, он предложил проводить барышень. При этом устроил так, что Нина с Арсеньевым пошли в одну сторону, а сам он с Катей – в другую. На прощанье он успел

шепнуть Арсеньеву:

– Да вы, батенька, не церемоньтесь: ведите ее прямо к себе, да и вся недолга!..

А потом игриво приподнял шляпу и, под руку увлекая совсем растерявшуюся Катю, крикнул многозначительно и нагло:

– Всяких благ!.. Желаю успеха!..

Нине показалось, что ее хлестнули по лицу, и ей стало так гадко и стыдно, что девушка чуть не заплакала. Стыдно за самое себя, что она могла поставить себя в такое положение. Но оборвать не хватило духу, и против воли Нина пошла с Арсеньевым, думая только о том, чтобы скорее дойти до дома и навсегда покончить с этой неудачной, глупой шалостью.

Они шли молча. Арсеньев уже успел разглядеть всю ее высокую и стройную фигуру в длинном пальто с пушистым воротником и в меховой шапочке. Под мягкими изгибами пальто угадывались линии молодого тела, и легкое волнение приятно щемило сердце Арсеньева. Девушка шла рядом, такая тихая, загадочная и пленительно хорошенькая при бледном свете электричества, что Арсеньеву хотелось поцеловать ее. Он давно привык к скорым и легким связям, и теперь ему было даже странно, что нельзя просто взять и увезти ее к себе.

– Мне сюда, – тихо сказала Нина на повороте в переулок.

Они перешли улицу, и, когда мимо с шумом пронесся сверкающий автомобиль, Арсеньев взял девушку под руку.

От этой неожиданной и, как ей показалось, оскорбительной фамильярности, вся кровь прилила к лицу Нины, но она не посмела протестовать и притворилась, что не придает этому значения.

Ярко освещенная улица осталась позади. Кругом сразу стало тихо и пустынно. Синий месяц, которого совсем не было заметно в центре города, среди наглых фонарей, теперь встал над темными крышами, и от него заблестели голубые искорки на неровных камнях черной мостовой.

– Давайте погуляем немного. Куда же вы так спешите! – сказал Арсеньев и чуть-чуть прижал ее руку, тепло которой чувствовалось даже сквозь рукав пальто.

– Как хотите, – нерешительно ответила Нина.

– Мне бы хотелось поговорить с вами, – продолжал он мягко и осторожно, – в нашей встрече вышло что-то нехорошее, и мне не хотелось бы, чтобы мы расстались под таким впечатлением...

Нина промолчала.

– Скажите, – снова начал Арсеньев, – вы очень разочаровались, когда увидели меня?..

Девушка смутилась, но почему-то не могла солгать.

– Да... по вашим книгам я представляла вас совсем не таким...

Арсеньева покорило.

– А каким же?

Нина ничего не могла ответить и сказала, как давеча:

– Так, не таким...

Арсеньев пристально взглянул на нее.

– Ну да... Все так говорят. Вы ожидали встретить какое-то необыкновенное существо, а встретили самого обыкновенного человека.

– Обыкновенного? – невольно переспросила Нина.

Именно это и было больно и оскорбительно ей.

Арсеньев понял, но вместо того, чтобы отрицать это, смело повторил:

– Конечно, обыкновенного! Нина чуть-чуть пожала плечом.

– Ведь под словом «необыкновенный» вы подразумеваете и в самом деле нечто такое, чего и на свете не бывает. А писатель прежде всего человек. Он так же живет, так же скучает, любит, страдает, так же ищет радости и развлечения, как и все... Быть может, он тоньше чувствует, чем другие, но это только дает ему больше желаний и большую неудовлетворенность!..

Арсеньев долго говорил о том, что такое писатель. Близость красивой девушки и с каждой минутой нетерпеливо возрастающее желание ее близости делали голос его горячим и проникновенным, слова красивыми и значительными. Арсеньев сам увлекся, и ему казалось, что никогда не говорил он так хорошо, хотя то же самое и не раз ему уже приходилось испытывать и с другими женщинами.

В словах его не было никакой сознательной лжи, да Арсе-

ньев и не любил лгать. Он всегда гордился тем, что может быть искренним до полной беспощадности к самому себе. Но теперь им владело одно желание, и потому все, что он говорил, имело цель только показать ей, какой он и на самом деле необыкновенный человек и какое счастье для каждой женщины принадлежать именно ему.

Никто не попадался им навстречу. Месяц светил таинственно и точно украдкой. Позади глухо гудела большая улица, а здесь, в пустынном переулке, звонко раздавались только их медленные шаги.

Нина слушала молча. Без этого наглого актера, без глупой Кати, среди тонкой тишины весеннего вечера, Арсеньев казался ей совсем другим. В его словах она узнавала знакомые по его книгам мысли, образы и выражения, и в этом было что-то неожиданно волнующее. Она всегда любила читать и о многих писателях говорила, как о любимых, но ей никогда в голову не приходило представить их себе живыми, близкими людьми. То, что говорил ей Арсеньев, было ново и ярко. Целый мир, необыкновенно красочный и полный такими переживаниями, о которых даже и не подозревали в том кругу, где жила она, открывался Нине, и ей было завидно и казалось, что величайшее счастье – жить в этом мире, среди этих необыкновенных, замечательных людей!

Арсеньев говорил, и Нина слушала, стараясь не проронить слова. Так они дошли до конца переулка, давно пройдя ее дом, и повернули обратно.

– Вас оскорбило то, – говорил Арсеньев, – что я пришел по вашему зову, как на какое-нибудь пошлое приключение, но ведь я же не знал вас! На вашем месте могла быть женщина, не стоящая большего!..

– Зачем же вы тогда пришли?.. Неужели вам все равно?..

Нина не кончила, смутившись своей мысли. Арсеньев пристально посмотрел на нее и сказал:

– Да, все равно!..

Нина чуть-чуть отодвинулась, но Арсеньев силой придержал ее руку.

– Видите ли, Нина Сергеевна... – И вдруг перебил самого себя:

– Позвольте мне называть вас просто Нина. Вы еще так молоды, что тяжеловесное отчество как-то не идет с языка...

– Как хотите... – пробормотала ошеломленная Нина.

– Видите ли, Нина... Мы только что говорили о том, что у писателя должна быть большая душа... Но ведь под этим словом нельзя понимать, что эта душа преисполнена всяческой добродетели. Большая душа – это душа огромного диапазона, совмещающая все. От крайней мерзости до высшей красоты. Только человек с такой душой может охватить жизнь во всем ее многообразии... В этом сила и искренность писателя, но в этом и несчастье его личной жизни... Душа его всегда расколота, раздвоена... Никто лучше меня не знает, как пошло и грязно то любовное приключение, которое я ожидал встретить сегодня, но и ни у кого не может быть

такого острого любопытства и жажды испытать все... Да, я думал, что это будет встреча с какой-нибудь похотливой барынькой, чувственность которой щекочет возможность принадлежать человеку с громким именем... Но если бы это было и еще! гаже, я все равно пошел бы. Человеку заурядному, с одной маленькой, ограниченной душой, хочется вознестись на высоту, такому же, как я, хочется иногда упасть в такую бездну, из которой неба не видать... Бывают моменты, когда мне хочется быть таким, чтобы самому преклоняться перед красотой своего подвига, но бывает время, когда хочется и презирать себя... В этом есть свое острое, болезненное наслаждение.

– Но ведь это же ужасно!.. – наивно и искренно возмутилась Нина.

– Может быть, – согласился Арсеньев, красиво наклоняя голову, – я всегда гордился тем, что могу быть искренним до конца... Правда, я могу и лгать, но бывают моменты, когда лгать нельзя... Я скажу вам, что, когда я увидел вас, я понял, что вы не та, которую я думал встретить, меня охватила самая искренняя глубокая нежность к вам за вашу молодость и чистоту... И в то же время чем больше растет эта нежность, тем больше хочется мне отнять эту чистоту у вас...

Нина низко опустила голову, растерянная, не находящая слов для ответа.

– Я исковерканный, злой человек... – продолжал Арсеньев вздрагивающим голосом, – быть может, я готов плакать

от нежности и жалости к вам, но я готов и на последнюю подлость, чтобы вы полюбили меня и принадлежали мне...

Голос у него вздрагивал, когда он спросил:

– А возможно это?.. Нина?.. Нет?..

– Я не знаю... Зачем вы говорите так?.. – прошептала Нина в смутном страхе.

– Затем, что я не хочу вас обманывать!.. Или вы хотите, чтобы я лгал?..

– Нет...

– Я говорю то, что есть!.. Я прекрасно знаю, что это невозможно, что вы не только не любите меня, но даже и не знаете, а между тем я все бы отдал сейчас только за то, чтобы поцеловать вас...

Нина была как пьяная. Все это налетело так неожиданно. Ей было странно и дико, хотелось вырвать свою руку, оскорбиться и уйти. Но она не могла этого сделать.

Время шло, и месяц уже до половины скрылся за черной крышей большого темного дома, а они все ходили взад и вперед, и Нина не замечала этого. Они уже не говорили о литературе, о том, что такое писатель, что такое жизнь и душа. Неуклонно и жестоко Арсеньев вел к цели, представление о которой жгло его. Девушка пыталась уклониться, пыталась говорить о другом, но Арсеньев настойчиво возвращался к тому же. Голос у него был уже другой, такой же жадный, срывающийся и жестокий, какой Нина уже слышала раньше. Голова у нее горела, девушка была беспомощна и безвольна.

Временами маленькая гордость овладевала ею. Она вспоминала, что так настойчиво домогается ее ласки не кто другой, как знаменитый писатель, человек необыкновенный и талантливый. Тогда становилось легче и хотелось продолжения. Робкая, наивная мысль о настоящей любви с его стороны, о постоянной жизни вместе смутно мелькала в душе. И тогда Нина вспоминала о Высоцком, о Лугановиче, и ей становилось горько и досадно, что свои первые чувства, свой первый стыд она отдала таким ничтожествам.

– Милая Ниночка, – с невыразимой нежностью и лаской говорил Арсеньев, – какая у вас нежная и милая душа, как преданно и нежно вы можете полюбить, должно быть!..

Нина взглянула на него со слабой, беспомощной улыбкой и опустила голову.

В это время они уже стояли у подъезда дома, где жила Нина, но девушка медлила позвонить. Арсеньев наклонился к ней и спросил:

– Ну, теперь вы видите, что я именно тот, которого вы знали по моим книгам?..

Неожиданная мысль, что, быть может, он преувеличил произведенное впечатление и Нина в душе смеется над ним, обожгла его. Но девушка была еще слишком молода. Она посмотрела на Арсеньева большими правдивыми глазами, улыбнулась нежно, застенчиво и сказала:

– Да... теперь вижу...

– Ну и что же?.. Таким, как я есть, я нравлюсь вам?..

– Да... – так же просто и открыто ответила Нина, глядя ему прямо в глаза немигающим детским взглядом.

И вы могли бы меня поцеловать?.. Голос Арсеньева дрогнул, и Нина почувствовала, что в эту минуту он боится ее. Эта робость в таком сильном человеке, перед которым она казалась маленькой и ничтожной, тронула девушку. Горячая волна нежности и потребности ласки прошла по всему телу ее. Нина ответила едва слышно:

– Могла бы.

– А вы хотите этого?..

Как будто закружилась голова, но девушка так же тихо сказала:

– Хочу.

Они стояли у темной стеклянной двери, за которой не чувствовалось жизни, и месяц прямо светил в лицо Нины, белое, странно красивое лицо, с блестящими глазами, на которых чудились слезы. Она чуть-чуть приподняла голову и застенчиво улыбнулась. Арсеньев прижал ее к двери, подложил руку под голову, на теплую мягкую шею, и поцеловал.

Странно, что Нина не ощутила ни страха, ни стыда. Она обвила его шею свободной рукой и закрыла глаза, отдаваясь поцелую спокойно и полно, всем существом своим.

«Боже мой, как хорошо!..» – смутно мелькнуло у нее в голове.

Арсеньев, не выпуская, долго смотрел в освещенное месяцем белое счастливое личико, улыбающееся нежно и ра-

достно.

– Милая, бедная девочка!.. – сказал он тихо и грустно.

Нине было приятно это, и она не обратила внимания на то, что он назвал ее бедной. Девушка улыбнулась ему и опять потянулась с наивным требованием ласки.

Наконец он отпустил ее.

– Как жаль, что завтра надо ехать!..

Нина вздрогнула, побледнела и по-детски ухватилась за него обеими руками.

– Нет!.. – жалобно прошептала она.

– Надо, – ласково возразил он. – Но я вернусь через неделю, и если вы захотите, мы снова увидимся. Вместо ответа она прижалась к нему. Ей казалось, что она нашла что-то драгоценное, без чего жить нельзя, и было страшно потерять это.

– Бедная девушка!.. – с острой грустью повторил Арсеньев. – Но ведь если я вернусь, разве вы не знаете, чего я потребую от вас...

Но Нина не испугалась. Она просто не думала об этом и знала только одно, что ей хорошо.

– Я не буду вас обманывать, – сказал Арсеньев, – в сущности говоря, я такой же негодяй, как и все... Я хочу, чтобы вы принадлежали мне...

Нина задрожала всем телом, но только еще крепче прижалась к нему.

Арсеньев приподнял ее лицо, посмотрел прямо в глаза,

полные радости и опьянения.

– Значит, вы все-таки хотите, чтобы я вернулся? Нина кивнула головой.

– Несмотря ни на что?..

– Да.

Арсеньев подождал, пока не открыли дверь. Потом пошел назад.

Синий месяц спрятался. Было пусто и темно кругом. Арсенев шел по звонкому тротуару и думал о Нине, о ее судьбе, которая рисовалась ему невыразимо печальной, о своей подлости по отношению к ней, о ее поцелуях и тех наслаждениях, которые она может дать. Когда он представлял себе девушку, отдающуюся ему, все тело Арсеньева содрогалось в сладкой истоме.

На большой улице он попал в мертвые потоки холодного электрического света, казавшегося еще мертвее от пустоты тротуаров, по которым только кое-где одиноко бродили странные женские фигурки.

Одна из них встретилась с Арсеневым. При свете фонаря в лицо ему сверкнуло ее матово-бледное лицо, со странными подведенными глазами и резко темными губами. Женщина улыбнулась ему нахально и жалко. Судорога отвращения прошла по телу Арсеньева, и он гадливо отшатнулся.

XIX

Когда Нина вернулась домой, она была так захвачена неожиданностью происшедшего, что даже не могла разобратъся ни в чем. Но все тело ее было подхвачено какой-то звонкой и чистой волной, хотелось громко запеть, засмеяться, скорее уснуть крепким радостным сном.

Только утром вспомнилось все и как-то всем существом бессознательно понялось, что это уже конец. Почему это так, Нина не знала, но когда Высоцкий ласкал ее, девушка не могла даже и представить себе, что отдастся ему, а теперь не разумом, не мыслью, а каким-то внутренним властным чувством она уже знала, что так будет. И это не испугало ее. Было только такое чувство, какое испытывала она, бывало, навсегда покидая место, где прожила много лет, где ко всему привыкла и все полюбила. Было немного грустно, чего-то жаль, но новая жизнь манила и звала, радостно и властно.

Минутами мелькала мысль, что невозможно, чтобы Арсеньев полюбил ее и остался с нею навсегда. При этой мысли тайный ужас шевелился в душе, но зов жизни был сильнее и не хотелось думать об этом. Будет то, что должно быть, а пока так хорошо!

Ужасно было только то, что она не увидит Арсеньева целую неделю. Девушке казалось, что неделя это – целая вечность. Она старалась представить себе, как они встретятся,

но не могла.

Вероятно, бессознательное чувство что-то подсказывало ей, потому что Нина вдруг особенно ярко вспомнила инженера, и при воспоминании о том, что это ничтожество видело ее тело, досада и злость вызывали слезы у нее на глазах. Она готова была отдать все что угодно, лишь бы этого не было, и тут же решила, что ничего не скроет от Арсеньева. Этим решением, этим желанием, чтобы он знал о ней все, девушка отдавалась ему вся целиком, душою и телом.

Всю неделю она ходила как шальная, не могла найти себе места, а Катю, на другой день забежавшую, чтобы узнать, чем кончилось, просто прогнала. Ей казалось кощунством пустить в свою новую жизнь кого бы то ни было. Бедная Катя, едва вырвавшаяся от актера и оскорбленная его наглостью, была страшно обижена.

А Нина все думала и думала об Арсеньеве, перечитала все его книги, которые показались ей теперь совсем другими, точно живыми, и к концу недели уже любила его всем телом и душою.

Когда наконец ее позвали к телефону и она услышала его голос, Нина чуть не зарыдала от счастья.

– Вы еще не забыли меня? – спрашивал Арсеньев.

– А вы?.. – только и могла ответить девушка, и в голосе ее звучала такая безмерная любовь, что Арсеньеву даже немного стыдно стало.

Нина едва дождалась вечера, и, когда бежала на условное

место в маленький скверик на площади, была как пьяная. Ей пришлось ждать довольно долго, но девушка даже и не заметила этого, а когда увидела Арсеньева, забыла обо всем на свете и бросилась к нему.

Кругом были люди, и ее порыв сконфузил Арсеньева. Нина же ни на что не обращала внимания. Она хотела кинуться ему на шею и, как девочка, цеплялась за руки.

– Как я рада!.. Если бы вы знали!.. – несвязно бормотала она, глядя влюбленными влажными глазами.

На них стали обращать внимание. Кое-кто улыбался, проходя мимо. Арсеньев чувствовал себя положительно неловко.

– Поедем куда-нибудь... – предложил он.

Нина даже как будто и не поняла, что он говорит, но когда они дошли до лихача, она сама вскочила в пролетку. Пока Арсеньев усаживался, девушка смотрела на него как зачарованная, а когда лошадь рванула с места, Нина обеими руками схватила руку Арсеньева и не выпускала ее, сжимая все сильнее и сильнее.

Они подъехали к ресторану, но там не оказалось свободного кабинета. Пролетка помчалась дальше. Нина была вне себя. Почти невыносимое нетерпение заставляло ее дрожать как в лихорадке.

В другом ресторане было то же, в третьем также не нашлось кабинета. Нина чуть не плакала. Наконец, в четвертом, почти за городом, толстый швейцар в поддевке и с пав-

линьими перьями на шляпе ответил:

– Пожалуйста-с!..

Нина так стремительно выскочила из пролетки, что запуталась в юбке и едва не упала на руки. Швейцар подхватил ее и ослабил ее, но девушка даже не заметила этого, зато заметил Арсеньев, и его покорило. Нина показалась ему уж чересчур наивной и простенькой.

В кабинете было страшно светло и неудобно. Диван, на котором сидела Нина, был узенький, неудобный. На столе стояли запыленные цветы, в углу черное пыльное пианино. За стеной играла музыка, а в коридоре гремели посудой и шаркали подошвами.

Арсеньев заказал вино и фрукты, и пока лакей все это устанавливал на столе, Нина сидела в уголке дивана и дико смотрела кругом. Она инстинктивно чувствовала что-то нехорошее в этой нарядной, но грязноватой обстановке и в бесстрастии старого жирного лакея.

Когда лакей вышел, плотно закрыв дверь, Арсеньев сел рядом и как-то особенно улыбнулся.

– Моя бедная девочка испугалась?.. – спросил он и взял ее за руку.

Нина взглянула на него как будто с удивлением, немного отшатнулась и вдруг стремительно бросилась на шею.

По этому детскому порыву Арсеньев наконец понял, что она и в самом деле влюбилась в него, и ему стало нехорошо, точно раскрылась какая-то страшная подлость с его стороны.

Мелькнула даже мысль не трогать ее, пожалуй, но она была такая молодая и хорошенькая, поцелуи ее были так свежи и беззаветны, что для нее все-таки лучше принадлежать ему, чем кому-нибудь другому. Он только тут же принял решение сразу поставить ее в известность, что она ничего ждать и требовать от него не должна.

«Какие мы все подлецы!..» – смутно подумал он и больше уже не думал ни о чем.

Нина сидела рядом с ним, плечи ее были обнажены его жадной рукой. Арсеньев целовал их, а она боролась со стыдом, боялась, что кто-нибудь войдет, и бессознательно наслаждалась сознанием, что нравится ему. Наготы своей она старалась не замечать и неестественно торопливо болтала все, что приходило в голову.

Когда Арсеньев устал от этих раздражающих бесплодных ласк, ему захотелось помучить ее.

– Значит, вы меня любите? – спросил он. Нина кивнула головой.

– Но ведь вы же меня совсем не знаете?.. Ведь вы видели меня всего один раз... а уже позволяете... так целовать вас...

Он смотрел ей прямо в глаза жестокими глазами, но Нина только краснела и улыбалась. Она сама не знала, как это могло случиться.

– Разве вы так легко... позволяете мужчинам целовать вас?..

Нина вспыхнула, почуя оскорбление, но в голове у нее

промелькнул образ Высоцкого, и она, побледнев только, медленно покачала головой и закрыла глаза.

– Ведь вы знаете, чем это кончится? – продолжал Арсеньев.

Он и сам не знал, зачем мучил ее, но это доставляло ему огромное болезненное наслаждение.

Нина не ответила ничего и только спрятала лицо у него на плече.

– А потом?.. – настаивал Арсеньев с горящими глазами.

Нина молча пожала плечом. Она не могла сказать, но подумала:

«Зачем он спрашивает?.. Не все ли мне равно теперь!..»

И всей силой обняла его шею своими обнаженными руками, от нежности и аромата которых у Арсеньева кружилась голова. Но он все-таки разнял ее руки и слегка отвел ее от себя, чтобы взглянуть в лицо.

– Но разве вы не знаете, что я женат... – с легким усилием проговорил он. – Ведь я не могу жениться на вас...

Нина побледнела, опять закрыла глаза и снова как-то особенно странно пожала голым плечом. Она старалась не слышать.

– Ведь все равно я скоро уеду и мы должны будем расстаться... Это вас не пугает?.. Значит, вы хотите быть моей любовницей?.. – нарочито грубо говорил Арсеньев, наслаждаясь этой пыткой и в то же время уверяя себя, что делает это сознательно, для того, чтобы отнять у нее все иллюзии,

честно сказать всю правду и дать полную свободу поступить как хочет. Ему хотелось взять ее без обязательств и последствий, но не быть подлецом.

Из-под опущенных ресниц показались слезы, но девушка ответила только:

– Я знаю...

– И все-таки хотите быть моею?..

Нина молчала. Разве она знала?

– Вы придете ко мне?

Девушка кивнула головой.

– Когда? Завтра?

И как будто желая, чтобы он замолчал и не говорил таких ненужных холодных слов, Нина охватила его руками и губами закрыла рот.

XX

Какая это была большая и роскошная гостиница. Когда Нина торопливо шла по бесконечному красному ковру коридора, она сама себе казалась маленькой и жалкой в своем черном пальто, с маленькими ботинками, путающимися в длинном подоле юбки.

Почему она надела самое лучшее свое платье и самую красивую шляпу, Нина не могла бы сказать, но когда одевалась, знала, что так надо. И еще она надела гонкое свежее кружевное белье, и у нее было такое чувство, будто она делала что-то стыдное, но радостное. У большой белой двери, с бронзовой цифрой номера, который она помнила потом всю жизнь, Нина остановилась в минутном раздумье. Но по коридору послышались шаги и показался какой-то толстый господин, с удивлением посмотревший на женскую фигурку, прижавшуюся к запертой двери. В первый момент Нина не поняла, почему он так смотрит.

Арсеньев выглянул в коридор. Увидев Нину, он как будто растерялся и, прежде чем она успела заговорить, поспешно вышел в коридор и затворил за собою дверь. В первый момент Нина не поняла, почему он так смутился, но она вообще плохо соображала в это время.

– Здравствуйте, – упавшим голосом проговорила девушка.

Арсеньев с растерянным видом пожал ей руку и оглянулся на дверь.

– Вы не один? – вдруг поняла Нина и густо покраснела.

– Да, тут, у меня... – пробормотал он, подумал и, что-то сообразив, сказал: – Пойдемте сюда...

Нина пошла вперед, не зная, куда он ее ведет. Арсеньев тихо поддерживал и как будто подталкивал ее за локоть. Она шла совершенно бессознательно и подчинилась бы всему, что вздумалось бы Арсеньеву сделать над нею. Арсеньев отворил дверь соседнего номера и сказал:

– Посидите тут, Ниночка... Я их сейчас спроважу и приду за вами. Это номер моего приятеля... Помните того актера, который нас познакомил... Он сейчас в театре, и сюда никто не придет.

Нина шагнула в темную комнату. Остывший запах сигары и обстановки холостого мужчины охватил ее. Вес было так неожиданно, что она даже не соображала ничего.

Арсеньев притворил дверь в коридор... в темноте нашел и начал целовать ее. Нина отвечала машинально, точно не могла прийти в себя. Все это совсем не так представлялось ей.

– Так вы меня подождете? – спросил он торопливо и виновато.

– Только скорее... кто-нибудь придет!.. – прошептала Нина.

– Я сейчас, сейчас... – торопливо обещал он и вышел.

Нина постояла посреди темной комнаты, не зная, что делать. Освещенное с улицы, высокое окно привлекало ее внимание.

Когда Арсеньев вернулся в свой ярко освещенный номер, красивая женщина, известная драматическая артистка, встретила его подозрительным вопросом:

– С кем это вы там шептались?

– Да так... ерунда!.. – нетерпеливо ответил Арсеньев и махнул рукой.

Она не стала настаивать, ловко приподнялась, села ему на колени и, обняв одной рукой за шею, внимательно глядя на свои скрещенные в воздухе ноги, продолжала начатый разговор:

– Ну, так вот... я отказалась от этой роли, а теперь...

Арсеньев притворился, что внимательно слушает, но улыбка его была фальшива, а глаза нетерпеливы.

Нина сидела на окне в темном номере актера и смотрела вниз, на улицу. На освещенном фоне окна ее темная фигурка вырисовывалась странным черным силуэтом.

На улице горели огни, непрерывной черной толпой шли по тротуарам люди, проползали, точно приплюснутые к земле, автомобили, четко пролетали рысаки и экипажи. Прямо против окна пламенела огромная электрическая реклама кинематографа.

Нина смотрела на улицу и думала.

У нее не было определенных мыслей, как не было и со-

знания, что будет с нею и зачем она пришла сюда. В эту минуту не было даже и любви к Арсеньеву, который должен прийти и взять ее как вещь. Она только чувствовала, что это уже неизбежно, и что-то тяжелое невыносимо давило ее душу. Смутно мелькали в памяти инженер, Луганович, Вяхирев и другие знакомые мужские лица. Казалось, что их страшно много, и она одна, маленькая, растерянная, не способная сопротивляться, среди них. Все одинаково смотрели на нее, все хотели одного и того же, и она уже знала чего. Она шла к ним с каким-то мучительным вопросом, но ответа не было. Ей хотелось сказать так много, высказать то огромное, нежное и преданное, что было в душе, но они не слушали и только жадными, грубыми руками тянулись к ее телу, срывали платье, комкали, терзали, унижали ее. И мгновениями ей становилось жаль себя, слезы накали на глазах, напряженно смотревших вниз, сквозь стекло, на огненную рекламу и беспрерывную реку людей, текущую по тротуарам.

Нина чувствовала, что в жизни ее совершается нечто ужасное, но не могла понять, что же это. То, что она пришла к Арсеньеву, чтобы стать его любовницей, а он не любит ее?.. Нет, это неважно. Это все равно.

Так что же?..

Был один момент, когда почудилось, что вот-вот она поймет все, и Нина отшатнулась от окна, чтобы соскочить с подоконника и уйти, но все опять запуталось и она осталась. Ну, не любит, ну, бросит... это не главное! Главное вот тут, у нее

в груди, и это что-то большое и светлое. Но оно никому не нужно. Нужна она сама, которую можно целовать и ласкать. Может быть, так и нужно и иначе не бывает?.. Ну так и пусть. Все равно!..

Люди все шли и шли. Сколько их!.. Нине даже страшно стало. Никогда прежде она не отдавала себе отчета, сколько людей на свете. А ведь их миллионы, и все живут, куда-то спешат, что-то делают. Все страдают, любят, и каждый думает, что его страдания и его любовь неизмеримо больше и важнее, чем страдания и любовь всех других. Никто из них не знает, что здесь из темноты смотрит на них, скорчившись на холодном мраморном подоконнике, женская фигурка в нарядном черном платье. Какая, в сущности, она песчинка в этой человеческой реке. Так что же, если и ее унесет эта река? Может быть, уже много девушек и женщин сидели у этого самого окна, смотрели на человеческую реку и думали о том же. А где они теперь, что с ними?

Они представлялись Нине такими же маленькими и беспомощными и одинокими, как и она сама. И почему-то представилось еще, что они совсем теряются, исчезают в бешеной свалке беспощадной, жестокой, сильной, что-то знающей толпы мужчин, держащих весь мир в своих грубых, ни с чем не считающихся руках.

Если бы Нина прожила миллионы лет, она никогда бы не забыла этого темного номера, пропитанного запахом табака и незнакомого мужчины, этого огромного холодного ок-

на, огненной бездушной рекламы, непонятной речи людей и самой себя, маленьким черным силуэтом выделяющейся на освещенном фоне стекла.

Она смутно слышала, как стукнула дверь в соседнем номере и мимо прошелестело женское платье. Потом довольно долго все было тихо, и вдруг кто-то вошел в комнату.

На осветившемся ее четырехугольнике Нина увидела и узнала Арсеньева. Он подошел к ней и на руках снял с подоконника.

– Заждались?..

– Нет, ничего... – машинально ответила Нина, еще не пришедшая в себя от своего странного забытья. Она последовала за ним, как автомат.

Опять прошли по тому же красному коридору, и Арсеньев впустил Нину в большой, ярко освещенный номер.

Здесь было светло, нарядно, хорошо пахло и на столе, покрытом разбросанными бумагами, стояло много цветов. Нина как вошла, так и остановилась посреди комнаты. Арсеньев сам снял с нее шляпу, и она даже не подняла рук.

– Какая вы нарядная!.. – сказал он, чуть-чуть улыбаясь.

Нина покраснела и быстро подошла к столу.

– Что вы тут пишете?.. – спросила она, низко наклоняясь над рукописями, чтобы скрыть от него лицо. Арсеньев сзади посмотрел на ее изогнутую гибкую фигуру и вместо ответа обнял ее и поцеловал в шею, среди завитков мелких душистых волос. Нина вздрогнула и пожала плечами, точно от хо-

лода, но не обернулась. Тогда Арсеньев лег локтем на стол и снизу взглянул ей в глаза.

– Нет, в самом деле... – настаивала Нина, старательно избегая его взгляда. Заметила цветы и, притянув на тонком стебле белую хризантему, уткнула в ее влажные свежие лепестки свое горячее лицо.

– Нина даже поцеловать меня не хочет?.. – тоном капризного ребенка заметил Арсеньев, с ласковой грубостью сел прямо перед нею на стол и коленями сжал ее упругие теплые ноги. Минуту Нина боролась, потом охватил? его шею руками.

Спустя полчаса она сидела на диване, а Арсеньев полулежал за ее спиной. Нина что-то рассказывала и спрашивала о чем-то, а он расстегнул платье на ее спине, не слушая и еле отвечая на вопросы, жадно целовал, точно пил нежную свежесть ее тела. Нине было щекотно, она коротко смеялась, выгибала спину, старалась продолжать разговор, как будто ничего не замечая, но сбивалась на каждом слове и забывала, о чем говорит. Ее дыхание было прерывисто, его – жгло ее спину.

– Пойдем ко мне!.. – вдруг над самым ухом шепнул Арсеньев странным, неестественным тоном.

Нина не поняла, взглянула по направлению его глаз, пьяных от желания, увидела драпри, за которыми была спальня, и вся залилась румянцем так, что даже спина ее покраснела.

– Ну что же?.. – едва выговаривая слова, спросил Арсе-

ньев.

Она взглянула на него умоляюще. Арсеньев встал и тихонько потянул ее за обе руки, подымая с дивана. Уступая, она поднялась, но не шла.

– Ведь ты же любишь меня?.. – страстно умолял Арсеньев.

Нина шагнула вперед, как пьяная, отворачиваясь и жалко улыбаясь. Арсеньев почти потащил ее. У самых драпри она еще раз стремительно повернулась и обняла его, точно у него же искала защиты. Но Арсеньев, уже охваченный жадной жестокостью, грубо повернул ее и свободной рукой откинул драпри.

XXI

В синий, мягкий апрельский вечер Нина ехала с вокзала вместе с веселым актером, они только что проводили Арсеньева, уехавшего, быть может, навсегда.

Эти два месяца прошли с незаметной и головокружительной быстротой. Днем Нина еще старалась жить своей собственной жизнью, но вечерами забывала обо всем. И как только входила в знакомый номер, где каждая мелочь уже была известна и дорога ей, сразу пьянела, погружаясь в жаркую атмосферу неиспытанных, неожиданных ласк. Целый новый мир открылся перед нею. Она привыкла к ласкам, стала женщиной. Нагота уже не смущала ее, и часто она по целым часам лежала раздетой, отдыхая от бурных объятий, в то время как, утомленный, он тихо ласкал ее и говорил.

Это были самые лучшие часы. Только ими оправдывалось в душе Нины то, что она сделала. В это время ей казалось, что все-таки он немного любит ее.

Арсеньев рассказывал ей о себе, о своих планах и замыслах, раскрывая перед нею самые затаенные стороны своей сложной души. Нина слушала его всем существом своим и любила все больше и больше. Любила и как мужчину, и как человека, который казался ей необыкновенным. Она гордилась тем, что знает о нем больше, чем кто бы то ни было. Самые слабости его – маленькая зависть к соперникам по сла-

ве, честолюбие и беспомощность в деловой стороне жизни – возбуждали в ней нежность. Иногда она забывала о его славе и видела в нем только любимого человека, иногда вспоминала и замирала от гордости, что этот знаменитый, великий художник любит ее и ласкает.

О разлуке, в неизбежности которой она каким-то инстинктом была убеждена с самого начала связи, Нина старалась не думать. Это было слишком мучительно и даже как-то не представлялось ей, как не представляется смерть. Она жила только настоящим, своей первой любовью и первой страстью. И когда вспоминала о своих прежних увлечениях, ей становилось только смешно. Однако она рассказала Арсеньеву об инженере, и ей было странно, что он выпрашивает об этом с таким жадным любопытством, вызывая на ее щеки жгучую краску стыда, заставляя рассказывать все до мельчайших подробностей. Арсеньев не раз спрашивал об этом, и Нина даже плакала от его бесстыдной настойчивости, но все-таки ей было приятно: она думала, что он ревнует ее.

Первое время Нине было странно даже подумать, что кто-нибудь узнает об их отношениях. Но потом Арсеньев приучил ее и к этому. Нина была молода, красива и страшно влюблена, и ему было лестно показывать ее другим мужчинам в качестве своей любовницы. В номере Арсеньева часто собирались артисты и литераторы, и Нина поневоле должна была играть роль хозяйки. Сначала она мучительно страдала от стыда, потом привыкла. Мужчины обращались с ней

самым почтительным образом, как бы даже и не подозревая ничего, но, когда уходили, прощались с Ниной прежде, чем с Арсеньевым, и не выказывали ни малейшего удивления тому, что она остается, когда все уходит.

Нина не знала, в конце концов, как смотрит сам Арсеньев на их связь. Он никогда не произносил слова «люблю», но был нежен, страстен, берег ее, делил с нею все свои мысли и чувства. Иногда он при ней садился работать и часто советовался с нею по поводу той или иной детали. И временами Нина совсем забывала о том, что они расстанутся, и ей казалось, что так будет всегда, что вся ее жизнь связана теперь с его жизнью. Тогда она была счастлива, и тем острее была боль, если в эти моменты что-нибудь напоминало о его скором отъезде.

Иногда по ночам, которые Нина проводила дома, вдруг перед нею вставала громадность ее чувства и становилось ясно, что чувство это не встречает отклика. Тогда гордость возмущалась в ней, и с недоумением спрашивала она себя, как могла стать в положение любовницы на час, как он сам смел поставить ее в такое положение. Она готова была бежать к нему и сказать горькое, беспощадное слово, но тяжкое бессилие овладевало ею. Ведь теперь все равно: все сделано и назад не вернешь. Острая боль сжимала сердце, и она начинала в этой боли, в сознании своего бесконечного унижения и бесплодности своего огромного, беззаветно отданного чувства искать мучительного наслаждения принесенной

жертвы.

Временами же странная легкость находила на Нину: ей вдруг становилось и вправду все равно. Ну, отдалась, ну, стала любовницей, ну, он не любит ее и бросит... Разве ей не хорошо с ним?.. Тогда она становилась весела, страстна и безудержна в своих ласках, заставляла Арсеньева терять голову.

Так в кошмаре растерявшейся, исковерканной души, в которой страдания и наслаждение слились в одно, прошли эти месяцы, и наступил день отъезда, который Арсеньев точно назначил уже давно, чтобы Нина знала, когда наступит конец. Она ждала этого дня с ужасом, чувствовала его приближение и все старалась не думать, забыть.

Последний вечер был каким-то бредом страсти. Они почти не говорили, и Нина была как исступленная, точно в эти последние часы старалась взять от своей любви все, опустошить его своею страстью так, чтобы он уже никогда не забыл ее и никого не мог бы любить.

На другой день, на вокзале, она была весела и оживленна, как будто провожала доброго знакомого.

Арсеньеву даже стало немного обидно. С одной стороны, он был рад, что Нина так спокойна, с другой – это было уколom его мужскому самолюбию. Конечно, он больше всего боялся слез и сцен разлуки, но, пожалуй, ему было бы приятнее, если бы Нина безумствовала от горя. Арсеньев не знал, что она проплакала и не спала всю ночь.

На прощанье он только поцеловал ей руку и имел еще же-

стокость сказать:

– Ну, не поминайте лихом!..

И только оставшись один в купе вагона, глядя в темные окна, за которыми, как призраки, мелькали телеграфные столбы и темные деревья, Арсеньев ощутил тяжелую тоску сознания сделанной страшной и непоправимой подлости. Одну минуту было желание порвать со старой жизнью и взять Нину к себе, но Арсеньев вспомнил жену, понял, что у него не хватит сил на разрыв с женщиной, которую любил шесть лет, и сказал себе:

«Ну, все-таки слава Богу, что все кончилось!..» У него появилось чувство благодарности к Нине за то, что она доставила ему столько наслаждений и так легко ушла из жизни. На другое утро, проснувшись в виду Москвы, Арсеньев уже только как в тумане вспомнил Нину и обратился мыслями к ожидавшим его делам и людям. Он подумал, что вечером увидит жену, и радостное тепло старой связи, привычного уюта и обстановки как будто повеяло ему навстречу.

Когда поезд ушел и ровные блестящие рельсы пути опустели, вместе с ними опустела и душа Нины. Вся ее напускная веселость исчезла, и она смотрела как мертвая.

– Ну что же, Нина Сергеевна... Проводили, пора и домой!.. Я провожу вас, – сказал актер, которому наконец стало жаль ее.

Они вышли на подъезд, взяли извозчика и поехали по бесконечным улицам, по которым уже горели веселые живые

огни.

Актер все время что-то говорил, видимо стараясь развлечь Нину, но она сидела потупившись, и в душе ее стучало мертвое, страшное слово: «Конец!...»

И вдруг точно молния осветила перед нею все: Нина как будто только сейчас поняла, что сделали с нею. В голове у нее помутилось, и такая жалость к самой себе и такая тоска охватили ее, что Нина подумала, будто сходит с ума. Был момент, когда вся душа ее возмутилась, и воспоминание об Арсеньеве пронизала страшная злоба. Как смел он так поступить с нею, как смел не подумать о том, что она пережила и выстрадала...

Но чувство это было мимолетно и сменилось одним страшным сознанием, что он уехал и никогда она не увидит его больше. Никогда уже нельзя будет пойти в этот знакомый милый номер, увидеть Арсеньева, целовать и обнимать его. Нине вдруг показалось, что она мало воспользовалась этим временем, что многое осталось невысказанным и неиспытанным, и стало страшно за те часы и минуты, которые она потеряла безвозвратно.

Город, с огнями, домами, населенными тысячами людей, ярко освещенными трамваями, грохотом и шумом кипящей жизни, показался ей мертвой пустыней.

Все что угодно, только бы не одиночество, только бы не возвращаться домой, не оставаться наедине со своими мыслями и тоской.

Актер все что-то говорил, утешал ее. Нина посмотрела на него безумными глазами.

– Ну, полно, полно, Нина Сергеевна!.. Все равно не вернешь!.. И ведь вы знали это!.. – сказал он с безграничной жалостью, потрясенный ее отчаянным взглядом, взял ее руку и стал гладить, как дитя.

Нина уже привыкла к этому актеру и не находила его таким неприятным и наглым, как в первый день знакомства. Притом актер был с Арсеньевым ближе, чем все другие. Он показался ей последним звеном, еще связывающим ее с прошлым, и Нина ухватилась за него, как за последнюю надежду. Ей стало страшно, что и он уйдет от нее.

– Поедемте куда-нибудь... – умоляюще сказала она. – Я не могу, не могу так!..

В голосе ее были мольба и отчаяние. Актер быстро воровски взглянул на нее и в голове у него мелькнула мысль: «А вдруг!.. Чем черт не шутит!»

И когда они, сидели вдвоем в отдельном кабинете, он уже сторожил каждое ее движение, подливал вина, брал за руки, выражал усиленное сочувствие и в глазах прятал что-то жадное и скверное.

Нина пила первый раз в жизни. Ей хотелось напиться, забиться чем угодно, только бы утолить ту страшную тоску, которая, как тошнота, душила ее. Он взял ее пьяную, растерзанную, взял грязно, без страсти, и Нина отдалась ему, точно мстя кому-то за свою изуродованную душу. Ей казалось,

что этим она делает невозможным самое воспоминание об Арсеньеве.

Их связь не продолжалась, потому что была не нужна ни ей, ни ему, хотя актеру и было чрезвычайно лестно, что он стал преемником знаменитого писателя.

XXII

Луганович был уже женат и имел двух детей, мальчика и девочку.

Во второй половине сентября он по делам приехал в Москву, а дня через три после приезда его позвали к телефону.

Знакомый адвокат Вержбилович звал его в ресторан, где целая компания кутила в отдельном кабинете.

– Кстати, увидите свою старую знакомую! – сказал Вержбилович.

– Какую?

– А вот приезжайте, сами узнаете!.. – лукаво ответил приятель.

Луганович вернулся в номер, наскоро закончив, запечатал письмо к жене, переоделся и поехал по указанному адресу.

Он совершенно не догадывался, о какой старой знакомой говорил Вержбилович, но ему хотелось, чтобы это была нарядная, красивая и легкодоступная женщина. Вырвавшись из дома, из знакомой, слегка уже надоевшей семейной обстановки, он чувствовал себя в этом большом, незнакомом городе молодым, свободным и сильным, и ему бессознательно хотелось какого-нибудь легкого пикантного приключения.

В коридоре ресторана было шумно и гадко. Пахло чадом кухни и вином. Торопливо, всем телом изгибаясь при встрече

че, проносились лакеи с подносами и бутылками. Но эта обстановка только возбуждала Лугановича и усиливала в нем желание какой-нибудь интересной встречи.

Предшествуемый предупрежденным лакеем, ой шел мимо закрытых однообразных дверей отдельных кабинетов, за которыми слышались возбужденные голоса, обрывки пения, смех, звон стекла и звуки расстроенного пианино. В одну полураскрытую дверь, из которой вышел лакей с целой горой грязных тарелок, он мельком заметил яркий свет, покрасневшие лица, разноцветные пятна женских туалетов и чьи-то розовые обнаженные плечи. Атмосфера всеобщего бесшабашного веселья охватила его.

– Пожалуйста, сюда, – сказал наконец лакей и посторо- нился, открывая дверь.

Луганович переступил порог и сразу был оглушен привет- ственными криками.

Сначала он даже не разобрал, кто кругом него.

Сильно подвыпивший Вержбилович, на черной бороде которого висел кусочек раковой шейки, покачиваясь, встал ему навстречу.

– Ну, вот милуша, что приехал!.. А мы, брат, кутим!.. Во- ронов десять тысяч сцапал... Спрыскиваем!.. Идем, я тебя познакомлю.

Он обнял Лугановича за талию и подвел к столу.

Все мужчины оказались Лугановичу знакомыми, кроме маленького горбатого литератора и самого виновника торже-

ства Воронова, толстого до ожирения, громадного мужчины, известного адвоката по гражданским делам. Дам было только две. Одна – маленькая, хрупкая, с открытыми худенькими плечами и прикрытой газом грудью, с венком бледных незабудок на слабых пепельно-светлых волосах. Другая – сильная, полная и красивая женщина, с большими темными глазами, яркими губами и пышной прической. На ней было белое, точно обливавшее ее, платье, соблазнительно оттенявшее бело-розовое тело на полной открытой груди и великолепных плечах. На корсаже у нее алели какие-то яркие цветы, и вся она была яркая, сильная, смелая.

Горбатенький литератор что-то говорил ей, почти ползая губами по ее голому плечу, но она не слушала и смотрела на подходившего Лугановича каким-то странным, знакомым, любопытным взглядом.

Маленькая женщина оказалась известной актрисой императорского театра, брюнетку же Вержбилович представил так:

– Нина Сергеевна Факельсберг...

Эта фамилия ничего не сказала Лугановичу, но когда он пожимал ее красивую обнаженную руку, Нина Сергеевна взглянула ему прямо в глаза, улыбнулась как знакомому и сказала:

– Не узнаете?..

И он вдруг вспомнил. Мгновенно промелькнули в памяти далекие годы, дачи, зеленый лес, студенческие времена, об-

рыв, Раиса Владимировна, инженер Высоцкий и сама Нина, милая, светлая девушка с большими глазами.

– Вы!.. – сказал он, чувствуя, как забилось сердце, и невольно радостно поцеловал ее руку.

Она указала ему стул возле себя, прогнав одного из мужчин, который очень неохотно уступил свое место. Луганович сел и во все глаза, со странным волнением посмотрел на нее.

– Как вы похорошели!.. – невольно сказал он.

Нина Сергеевна засмеялась, и некоторое время они не знали, что сказать друг другу. Слишком много воспоминаний нахлынуло вдруг, и потом Лугановичу было трудно узнать прежнюю Нину в этой полуобнаженной и роскошной женщине.

– Какими судьбами вы здесь?.. – спросил он наконец.

– Приехала из Казани...

– Из Казани?.. Почему из Казани?..

– Там служит мой муж... Я ведь замужем! прибавила Нина Сергеевна и почему-то засмеялась.

Это неприятно кольнуло Лугановича. Замужем?.. Что-то старое, совсем забытое шевельнулось в душе, и он почувствовал смутно-ревнивое чувство к этому неизвестному человеку, который обладал Ниной, его прежней Ниной.

– Вот как!.. – протянул он. – И давно?..

Нина Сергеевна комически вздохнула и пожала голыми плечами.

– Увы!.. Уже пятый год!.. – ответила она и засмеялась

опять.

Луганович заметил, что она вообще смеется как-то уж чересчур часто, показывая белые зубы и полную теплую шею.

Горбатенький литератор что-то сказал, но Нина Сергеевна не ответила и продолжала блестящими глазами смотреть на Лугановича, точно отыскивая в его лице прежнего молодого студента. Литератор неприятно усмехнулся и отошел к группе мужчин, столпившихся возле маленькой актрисы.

Нина Сергеевна положила голые руки на скатерть и, близко наклонившись грудью к Лугановичу, сказала:

– Ну, расскажите же о себе... Как живете?.. Женаты, счастливы?..

Ее обнаженная грудь была близко от Лугановича, Нина смотрела на него через круглое блестящее плечо. Ему был слышен запах ее духов и тела.

– Что же обо мне, – сказал он, – женат, занимаюсь адвокатурой, скучаю... живу в Петрограде... Расскажите лучше вы о себе!..

– А, вы тоже женаты? – переспросила она и почему-то нехорошо поморщилась.

– Да, женат... – повторил Луганович вскользь.

– И любите вашу жену?.. Расскажите... Мне все интересно. Мы ведь, можно сказать, старые друзья...

Напоминание о жене неприятно кольнуло Лугановича, и он ответил вопросом:

– Почему же вы в Москве?.. Нина Сергеевна пристально

посмотрела ему в глаза, усмехнулась и ответила:

– Приехала полечиться... от нервов!.. А вы все такой же!..

– Зато вы расцвели чудесно!.. – сказал Луганович, невольно скользнув глазами по ее груди и плечам и впадая в тот шутивно-наглый тон, к которому он привык с красивыми, легкомысленными женщинами.

Крик и шум возле маленькой актрисы усилились. Там просили что-то спеть или прочитать. Нина Сергеевна мельком оглянулась и опять повернулась к Лугановичу.

– А помните нашу дачу?.. Обрыв?.. Славное было время!.. Какие мы тогда были дети!..

– А... где же... как его?.. Ну, знаменитый Коля Вязовкин? – вдруг невольно вспомнил Луганович.

– Коля?.. Ах да... милый Коля!.. – засмеялась Нина Сергеевна. – Не знаю!.. Он давно уже исчез с моего горизонта... Кажется, где-то на Урале... не знаю!.. Последний раз я видела его лет шесть тому назад, когда он кончил институт... Вы знаете, он мне предложение делал!..

Нина Сергеевна засмеялась, но глаза ее вдруг стали печальными и нежными.

– Что ж, он действительно любил вас!.. – сказал Луганович с трогательностью воспоминания о молодости, вспомнив баранообразного студента в узкой путевой тужурке.

– Да... он любил!.. – тихо ответила Нина Сергеевна и потупилась.

Они помолчали. Нина машинально смотрела на группу в

другом конце стола, но, казалось, не видела ничего. Глаза ее были серьезны и глубоки.

Луганович опять украдкой посмотрел на плечи и грудь Нины, и что-то острое шевельнулось в нем.

– Да, – сказал он, – вот вы и замужем, а я женат!.. Сколько воды утекло!.. Ну и что же... счастливы вы?.. Есть у вас дети?..

Нина повернулась к нему, точно очнувшись.

– Маленькая, маленькая девочка... вот такая!.. – сказала она, показав кончик мизинца, и нежно засмеялась.

– Кто же ваш муж?..

– Муж?.. Офицер... полковой командир... Я теперь полковая дама!.. – прибавила она и снова засмеялась уже другим смехом, точно над собою.

– И вы любите мужа?..

– А вам какое дело?.. – вдруг резко-насмешливо спросила Нина Сергеевна, но сейчас же опять улыбнулась.

Луганович игриво усмехнулся и чуть заметно снова оглядел ее пышное обнаженное тело.

– Как какое? Это надо знать!.. Ведь вы моя, можно сказать, первая любовь!..

– Хороша любовь!.. – возразила Нина Сергеевна и покачала головой, видимо не только чувствуя его взгляд на своём теле, но даже нарочно выставляя перед ним свою торжествующую наготу. – А Раису Владимировну помните?.. Где она?..

– А кто ее знает!.. – пожал плечами Луганович. – И на-

прасно вы так говорите: я в самом деле был влюблен в вас и долго не мог забыть...

– А Раиса?

– Ну что ж – Раиса!.. Я был тогда молод, она опытная развратная женщина... Дело известное!.. Все это было достаточно глупо и гадко!

– Да, гадко! – тихо сказала Нина Сергеевна и задумалась.

– А все-таки вы мне много горя причинили тогда... – сказала она и вздохнула.

– Готов искупить чем угодно!.. – ответил Луганович и, уже не скрываясь, окинул взглядом ее фигуру.

Она видела этот взгляд, но не переменила позы и ответила:

– Теперь уже, может быть, поздно!..

– Может быть?.. – переспросил Луганович, и какие-то мысли и надежды мелькнули у него в голове.

– Может быть!.. – повторила она, встала и пошла к группе других.

Луганович смотрел ей вслед и чувствовал, что готов на все, лишь бы она хоть на час принадлежала ему. Нина Сергеевна казалась ему обольстительной, но еще больше разжигало именно то, что это – та самая Нина, которая любила его и которую он тогда так глупо упустил из рук. Было что-то особенно острое, чтобы взять женщину, которую знал чуть ли не девочкой.

Было столь шумно и весело, все дурачились, остряли и от-

кровенно, довольно цинично ухаживали за женщинами. Но Нина каждый раз возвращалась к Лугановичу, и у него уже начинала кружиться голова. Над ними подтрунивали. Горбатенький литератор ревновал и говорил Лугановичу колкости.

В самом разгаре вечера Нина Сергеевна обратилась к Лугановичу, протягивая свою маленькую записную книжечку, на золотой тоненькой цепочке прикрепленную к поясу.

– Напишите мне что-нибудь на память...

Луганович взял книжечку, и вдруг мгновенная дерзкая мысль ослепила его. Он вытащил карандашик и написал:

«Я готов отдать все что угодно, чтобы вы хоть на час принадлежали мне!..»

Было немного страшно, когда он отдавал ей книжечку, и он прилагал огромные усилия, чтобы смотреть нагло и прямо. Нина Сергеевна, закрывая книжечку от любопытных глаз горбатенького литератора, низко нагнулась и долго читала. У Лугановича замирало сердце. Он видел, как слегка, а потом все больше и больше краснело ее маленькое розовое ухо и край щеки.

– Что он вам написал?.. – любопытно сверкнул глазками горбатенький литератор.

– А вам какое дело?.. – вырывая книжечку, ответила Нина, взглянула мельком на Лугановича и отвернулась.

Луганович ждал ответа, но она обратилась к актрисе и стала говорить и смеяться, как бы совсем не замечая его. Серд-

це Лугановича екнуло, и ему стало стыдно, точно он сделал большую глупость.

Правда, в течение вечера он несколько раз ловил мимо-летные, пытливые взгляды больших блестящих глаз, но Нина Сергеевна, видимо, избегала его и все внимание снова пере-несла на горбатенького литератора, который стал смотреть на Лугановича с видом победителя.

Мужчины все были уже пьяны, и даже у Лугановича шу-мело в голове. Маленькая актриса совсем побледнела и, ви-димо, изнемогала от усталости. Одна Нина Сергеевна была свежа, весела и блестяща как ни в чем не бывало. Только щеки и уши у нее горели.

Наконец собрались разъезжаться. Когда все встали, Луга-нович успел шепнуть Нине:

– Так вы мне ничего не ответили?..

– Что же мне ответить? – холодно спросила Нина, на мгно-вение окидывая его высокомерным взглядом. – Что вы че-ресчур смелы, что ли?

Луганович хотел что-то сказать, но Нина Сергеевна уже отвернулась.

Толпой они вышли в коридор. Горбатенький литератор за-бегал сбоку Нины, Луганович шел сзади всех. Он был со-вершенно уничтожен и почти возненавидел эту прелестную женщину.

На подъезде тихо толковали, кому и с кем ехать.

Толстый Воронов убеждал прокатиться еще в «Яр», но

усталая актриса отказалась. Нина Сергеевна уже сидела на лихаче, когда вдруг Луганович услышал ее зов.

– Идите сюда!.. Проводите меня!.. – повелительно сказала она.

Мужчины лезли целовать ей руки, она смеялась, пока Луганович, ощущая, как от смутного предчувствия дрожат у него ноги, усаживался в пролетку, забежав со стороны улицы.

– Изменница!.. – трагически завопил Вержбилович, совершенно пьяный. – Вы же обещали мне...

Нина Сергеевна смеялась.

– Мы ведь старые друзья!.. – ядовито вставил горбатенький литератор и так посмотрел на Лугановича, точно хотел вонзить ему в сердце отравленный кинжал.

Когда лихач тронулся и вороная лошадь, упруго забирая землю, пошла мерить странно широкую ночную улицу, Нина Сергеевна вдруг обернулась к Лугановичу, и он вздрогнул от выражения ее лица: оно было бледно, только на щеках горели темные пятна, губы были полураскрыты, веки приспущены. Он не смел верить себе и ждал.

– Ну!.. – сквозь зубы сказала она нетерпеливо.

Луганович наклонился к ней, прижал ее голову к углу пролетки на упругую подушку и замер в страстном ненасытном поцелуе.

Пролетка летела, встряхивая на ухабах, мимо мелькали фонари, темные окна и какие-то одинокие люди. Губы сры-

вались, но они не прекращали поцелуя, в котором он чувствовал ее холодноватые твердые зубы. Наконец Нина Сергеевна откинулась назад, бледная, истомленная.

– Куда мы поедем?.. – почти злобно спросила она, и Луганович почувствовал, как ее острые ногти больно вонзаются ему в руку.

Он растерялся. Неожиданная близость того, чего он так желал, почти испугала. Все это было так внезапно. К тому же Луганович совсем не знал Москвы.

– Не знаю... я первый раз в Москве... – сказал он.

Нина Сергеевна просидела минуты две молча, странно глядя прямо перед собою. Потом повернулась к кучеру и спокойно, повелительно сказала:

– Прямо... Я скажу куда...

XXIII

Под воротами странного здания оказалось так темно, что не видно было ни кучера, ни лошади. Низенькая дверь с матовым, изнутри освещенным окном смутно желтела в темноте.

Нина Сергеевна вышла первая, и, стоя на ступеньке крылечка, терпеливо ждала, пока Луганович, торопясь и путаясь, рассчитывался с извозчиком. Ему было неловко перед этим бородатым, наглым мужиком.

Когда же Луганович, пряча кошелек в карман, подошел к ней, Нина Сергеевна уверенно толкнула дверь, и они вошли в полутемный широкий коридор, по обеим сторонам которого шел ряд дверей. Совершенно лысый лакей в зеленом фартуке медленно поднялся навстречу.

– Номер!.. – резко сказала Нина Сергеевна и быстро пошла вперед по коридору.

Лакей обогнал ее, пытливо оглядел Лугановича и отворил дверь в темную, душную комнату. Лугановича не оставляло смешанное чувство неловкости, гадливости и нетерпения. Было что-то скверное в этом пригашенном свете, темных запертых дверях, мягком ковре, совершенно скрадывающем шаги, в блестящей лысине привычного лакея.

«Неужели она уже была здесь?..» – думал Луганович, глядя на уверенные движения Нины Сергеевны, и его пугала эта

мысль.

Номер был маленький, с мебелью в стиле модерн, тяжелыми портьерами на окнах, гравюрами голых женщин на стенах, с большим мутным зеркалом. Негнущиеся темно-зеленые драпри отделяли маленькую спальню с чересчур большим умывальником и широкой, на ночь постланной кроватью.

Нина Сергеевна, стоя посреди комнаты, спокойно огляделась кругом и, как будто удовлетворившись осмотром, сказала лакею:

– Хорошо... Можете идти.

Лакей вышел, плотно затворив дверь.

Нина Сергеевна подождала, пока стихли его шаги в коридоре, потом повернулась к Лугановичу и подставила плечи, чтобы он снял ее широкое манто. Луганович схватил ее в объятия и, всем телом прижавшись друг к другу, они долго и жадно целовались, точно влюбленные, наконец оставшиеся вдвоем.

Потом он помог снять манто, и, пока вешал его в крошечной передней, Нина Сергеевна подошла к зеркалу и сняла шляпу. Глядя, как она привычным жестом вынимает длинные шпильки и аккуратно складывает их на подзеркальник, слегка прищуренными глазами пытливо разглядывая себя в зеркало, Луганович опять, с прежним неприятным испугом, подумал, что она здесь не в первый раз.

Наконец Нина Сергеевна села на диван и жестом указала

ему место возле себя.

Что-то странное делалось с Лугановичем: он дрожал от нетерпения скорее обладать этой красивой женщиной, но чувство неопределенной гадливости росло в нем. Только теперь Луганович вспомнил жену, и это было больно и стыдно, точно он совершал предательство.

«Что, если бы она знала, где я?..» – мелькнуло у него в голове вместе с облегчающей мыслью, что жена никогда не узнает об этом.

Но желание было сильнее всего и заглушало и раскаяние, и стыд.

Нина Сергеевна сидела, положив обнаженные руки на стол, и ее поза была так равнодушна и спокойна, что казалось как-то даже неловко прикоснуться к ней, как к женщине. Можно было подумать, будто она пришла в гости и ждет, чтобы хозяин начал занимать ее.

– Ну, расскажите же что-нибудь!.. – сказала Нина капризно.

Никакие слова не шли Лугановичу на язык. Ему хотелось только одного и казалось, что совершенно не о чем и незачем говорить. Тогда она начала сама:

- Как все-таки странно, что мы встретились с вами... так.
- Судьба!.. – стараясь быть игривым, возразил Луганович.
- И именно с вами!.. – повторила Нина Сергеевна, не обратив никакого внимания на его тон.
- Почему же – именно со мною?..

– Так... – ответила она неопределенно и этим словом на-помнила ему прежнюю Нину.

Наступило молчание. Ничего не выходило, и Луганович чувствовал себя неловким и робким. Точно в первый раз он оставался с женщиной вдвоем. Нина опять пришла к нему на помощь.

– Здесь страшно жарко!.. – точно подталкивая его, сказала она.

– А вы разденьтесь!.. – ответил Луганович и сам услышал, как фальшиво и трусливо звучит его намеренно наглый го-лос.

Нина Сергеевна, прищурившись, взглянула на него.

– Зачем?.. – равнодушно спросила она.

– Вы же говорите, что вам жарко! – тем же тоном повторил Луганович.

Она минуту подумала, потом чуть заметно пожала плеча-ми и спокойно, с таким видом, точно все это надоело ей до смерти, но надо подчиниться неизбежному, стала снимать лиф. Он помог ей стянуть узкие рукава с округлых прекрас-ных рук. Красота и обильная пышность ее тела ослепили Лу-гановича. У него вдруг пересохло во рту, и, не владея собой, он набросился на нее, до головокружения упиваясь этой све-жей, нежной волной наготы.

Она принимала поцелуи равнодушно, предоставляя ему делать все что угодно, как будто это вовсе не касалось ее. Луганович чувствовал, что порыв его остается без ответа и

оттого гадок и смешон. Но он уже не мог владеть собою. И когда она потянулась, точно смертельно усталая, он пересохшими губами шепнул тем же неверным фальшивым тоном:

– Вы устали?.. Вам надо лечь... отдохнуть!.. Нина Сергеевна насмешливо взглянула на него.

– Вы очень заботливы... Благодарю вас!..

Лугановича покорило, но желание было сильнее самолюбия, и он был положительно жалок, когда стал умолять ее.

– А может быть, лучше не надо?.. – устало, точно колеблясь и надеясь обойтись без этого, спросила она.

Он настаивал, стараясь быть наглым. Тогда Нина Сергеевна вздохнула, медленно, лениво поднялась и, опять потянувшись всем телом, точно приступая к исполнению надоевшей тяжелой обязанности, которой нельзя избежать, ушла за перегородку.

Луганович встал и прошелся по номеру. Ухо его напряженно ловило каждый шорох, глаза невольно шмыгали в щель, образовавшуюся между неплотно задернутыми драпри.

Слышно было, как свистнул шнурок ее корсета, потом длительно зашелестело и опустилось на пол платье. Мелькнула голая рука, отбросившая на другой конец комнаты ворох чего-то белого. Мягко стукнул ботинок, оброненный на ковер.

Потом слегка заскрипела кровать, и все стихло. Лугановичу казалось, что он плавает в каком-то жарковатом тумане.

– Идите сюда!.. – внезапно раздался ее изменившийся голос:

Она лежала, укрывшись до плеч тяжелым одеялом, и на белой подушке резко-красиво выделялись ее распустившиеся волосы и темно-розовые плечи. Она улыбнулась навстречу Лугановичу, глядя на него блестящими глазами, и улыбка была неожиданно застенчивая и как будто виноватая.

XXIV

Был только миг острого, все закружившего наслаждения, и то, что произошло потом, было странно и дико.

Луганович сидел на краю кровати и не чувствовал ничего, кроме усталости и разочарования. Ему хотелось закурить папиросу, встать, уйти, и он боялся взглянуть на нее, чтобы она не прочла в его глазах отвращения. Нина Сергеевна лежала неподвижно, заложив руки под голову, и пристально глядела на него, точно стараясь понять, что он теперь думает и чувствует.

Было трудно заговорить, а между тем невозможно становилось молчать.

– Ну что же... вы довольны?... – вдруг цинично спросила она, и в голосе ее послышалась насмешка.

– О, да... очень! – ответил Луганович, стараясь защититься тоже наглостью и цинизмом.

– Да?... Очень рада!.. Вы так этого хотели!.. – язвительно протянула Нина. – Вы же писали, что готовы на все что угодно, лишь бы я вам принадлежала... Ваше желание исполнилось. Теперь вы, надеюсь, успокоились? Можно разговаривать с вами?..

– Пожалуйста!.. – в тон ей ответил Луганович.

– Расскажите мне о своей жене... – сказала Нина.

Луганович дрогнул. Эта настойчивость, с которой она воз-

вращалась к его жене, кольнула его. Нина явно издевалась над ним. Образ милой, чистой женщины, обманутой так гадко и бессмысленно, пронесся перед ним, и тяжкий стыд, мучительное угрызение совести смешались с отвращением и злобой.

– Знаете что... – медленно и мстительно ответил он, – я попросил бы вас не касаться моей жены!..

Нина Сергеевна быстро приподнялась на локте. Ее волосы растрепались, плечи были обнажены, но она не обращала на это внимания, в темных глазах вспыхнуло выражение такой острой ненависти, что Луганович испугался.

– А, вот как?! – процедила она сквозь зубы. – Вы, кажется, хотите сказать, что я недостойна упоминать о вашей жене?..

– Может быть!.. – грубо ответил он, чувствуя, как холодеет кожа на голове под волосами.

– Почему же?..

– Вы сами должны знать это!..

– А сказать вы не смеете?.. Жалкий трус!.. – с невероятным презрением сказала Нина Сергеевна и откинулась на подушки.

В глазах Лугановича потемнело.

– А вы этого хотите?.. – спросил он. – Извольте! Потому, что моя жена не таскается по домам свиданий с первым встречным.

С жутким чувством, готовый к защите, он ожидал взрыва, но Нина Сергеевна не шевельнулась, только побледнела.

– Да?.. А вы, примерный муж, рыцарски защищающий честь своей жены, почему же здесь... с первой встречной?..

Луганович запнулся на полуслове. Глаза Нины блеснули злорадством. Она опять закинула руки под голову и захохотала. Потом вдруг стихла и хитро прищурилась.

– Бедненький!.. А почему вы знаете, что ваша святая жена, которую вы так обожаете, не делает того же, что и я?.. – медленно и зло проговорила она.

Луганович сделал быстрое движение, но остановился перед ее пристальным взглядом.

– А я так уверена, что она такая же потаскушка, как и все!.. И может быть, как раз теперь, когда вы... когда вы не знаете, что могли бы отдать, лишь бы вам принадлежала эта первая встречная, она так же...

– Как вы смеете!.. – крикнул Луганович, с силой хватая ее за обнаженный локоть.

По легкой судороге было видно, что ей больно, но Нина Сергеевна не двинулась, даже не вынула руки из-под головы и смотрела на него, улыбаясь презрительно и вызывающе, видимо упиваясь выражением его искаженного побледневшего лица.

– Ага, задело... Неприятно?.. А я уверена в этом!.. И чего вы так всполошились?.. Ведь вы же сами думаете, что каждая женщина потаскушка!.. Почему же именно ваша жена будет исключением? Странно!.. Я думала, вы умнее!.. Она, должно быть, дура, ваша жена, если не изменяет вам с первым

встречным?.. Неужели она не догадывается о ваших похождениях?.. Хотите, я напишу ей о нашей встрече?..

Лугановичу стало холодно. В голосе Нины была прямая и наглая угроза. Он почувствовал, что она может это сделать, и испугался. Безумно ярко представилось ему милое, бледненькое личико жены, когда она получит это письмо. И вдруг он почувствовал странную, гадкую слабость. Мгновенная мысль о том, что если разговор продолжится в таком тоне, то Нина исполнит свою подлую угрозу, пронеслась у него в голове. Луганович вдруг осклабился и сказал:

– Однако что за разговор!.. Мы с вами, кажется, оба с ума сошли!..

Усиливаясь вызвать нежную улыбку, он попытался взять ее за руку, но Нина грубо вырвала руку.

– А, испугались?.. – беспощадно сказала она и засмеялась прямо в лицо. – Хотите умиловать меня, чтобы я не написала и в самом деле?.. Фу, какая гадость, какая мерзость!..

– Ну, зачем же так... – пробормотал Луганович. – Полно!.. Перестаньте!..

Несмотря на явное отвращение и сопротивление Нины, он все-таки овладел ее руками. Она притихла, но смотрела все так же злобно и презрительно.

– Ну, Нина!.. – сладенько прошептал Луганович, целуя ее холодное, твердое плечо.

– Какой вы жалкий, гадкий трус!.. – с омерзением произнесла она, даже не отстраняясь от его поцелуев, точно он стал

для нее таким ничтожеством, что уже не может ни тронуть, ни оскорбить ее.

Луганович невольно отодвинулся. Это было уже слишком.

– Ну, ну... успокойтесь, жалкий трусишка! Я пошутила!.. – презрительно сказала Нина.

Но Луганович еще не верил, и, хотя это было новое оскорбление и вся кровь прилила ему к голове, он все-таки придвинулся к ней.

– Я и не беспокоюсь!.. Я слишком уверен, что вы никогда бы не сделали такого некрасивого...

Она перебила, показывая, что прекрасно понимает его тайные мысли.

– Некрасивого для женщины, которая таскается по домам свиданий с каждым встречным?..

– Ну, зачем же так!.. – примирительно лаская, старался успокоить Луганович. – Я и сам не знаю, как это сорвалось. Вы сами виноваты... Мы просто сошли с ума оба...

Он не знал, что говорить, а Нина, не слушая и не замечая его фальшивых ласк, смотрела прямо перед собою и о чем-то напряженно думала. Острая складочка легла у нее между бровями. Луганович, все с той же искательной улыбочкой, робко следил за нею.

– Первый встречный!.. – вдруг тихо проговорила она.

– Ну, будет... полно... Ниночка!.. – почти с отчаянием попросил он.

Но Нина не слушала. Она, очевидно, вся была охвачена

какой-то новой неожиданной мыслью.

– Первый встречный!.. – повторила она и горько засмеялась.

– Ниночка!..

Она вдруг оттолкнула его.

– Как вы смели сказать мне это?.. Именно вы!.. Ну, да... я дрянная, развратная, подлая женщина... но кто же сделал меня такую?..

– Нина!.. – опять повторил Луганович, не зная, что делать.

– Да знаете ли вы, что вы значили в моей жизни?.. – продолжала Нина, не обращая внимания на его попытки овладеть вновь ее руками и зажать поцелуями рот, отталкивая его совершенно машинально. – Ведь вы были первым, кого я полюбила!.. Знаете ли вы, что я готова была идти за вами куда угодно... что, если бы вы захотели, я на всю жизнь была бы вам преданной и нежной женой!.. А вы!..

Голос Нины горько сорвался.

– Нина... я был молод тогда!.. Я не знал, что делал... – пробормотал Луганович, бессильно оставляя свои попытки заставить ее замолчать.

– Вы?.. Молоды?.. Да разве вы были когда-нибудь молоды?.. Вы еще мальчишкой развратились с какой-нибудь горничной или старой развратной бабой, а потом смели подойти ко мне и заставить меня полюбить вас!.. Ах, да разве вы один!.. – с внезапной тоской оборвала Нина и, отвернув лицо в профиль к нему, коротко махнула обнаженной рукой. –

Вы только первый плюнули в мою душу, – продолжала она, опять повернувшись к нему, – первый познакомили меня с грязью и пошлостью... с вашей подлой и грязной мужской душой!.. Что я была для вас?.. Я любила и готова была любить больше жизни, а для вас я была только красивым куском женского мяса!.. А потом пришли другие... такие же, как и вы!.. А знаете вы, сколько раз я после падения поднималась, стараясь забыть прошлое, забыть все унижения и страдания, стать прежней Ниной, любить кого-нибудь на всю жизнь, всей душой... Сколько раз я выбиралась из грязи, и сколько раз меня снова сталкивали туда именно те, за которых я цеплялась, которым хотела верить, как Богу!.. Я еще не понимала, в чем дело, а мне все плевали и плевали в душу, пока не заплевали всю!.. А когда я стала тем, чего все от меня хотели, чего вы первый добивались, когда внушали мне, что страсть свободна, что надо пользоваться жизнью, то есть принадлежать вам, когда всю меня опоганили, истоптали, изуродовали, вы же мне бросаете в лицо название потаскушки, недостойной произнести имени вашей жены!..

– Нина, я не хотел!.. – робко пробормотал Луганович, не в силах будучи прямо взглянуть на нее.

– Не хотел!.. – злобно повторила Нина и засмеялась.

Луганович снова взял ее за руки.

– Нина, видит Бог, – с искренней болью сказал он, чувствуя, что сердце сжимается и слезы жалости выступают на глаза, – я не хотел оскорбить вас!.. Мне показалось, что вы

нарочно издеваетесь надо мною...

– Да, я и издевалась!.. – беспощадно ответила Нина.

– Ну да... – запнувшись, согласился Луганович. – Вы имели на это право!.. Мы все негодяи и преступники... Мы все относимся к женщине ужасно... Самый честный из нас считает своим правом быть подлецом по отношению к женщине как к женщине... Но, клянусь вам честью, если бы я мог искупить свою вину перед вами, я не знаю, что бы я сделал...

– Я это сегодня слышала!.. – насмешливо вставила Нина.

– Нина, это не то... клянусь вам!.. Это было безумие, в котором я сам сейчас раскаиваюсь... Я просто обрадовался вам...

Нина превесело захохотала.

– Вот это прелестно!.. Обрадовались и потащили меня на постель?.. Какая трогательная встреча старых, обрадовавшихся друг другу друзей!..

Луганович беспомощно развел руками.

– Я знаю, Нина, что мои оправдания, может быть, смешны, но если бы вы могли забыть старое и взглянуть мне в душу, вы бы поняли, что я переживаю сейчас!.. Что мне искренно жаль прошлого, и если бы это можно было вернуть, я никогда бы...

Голос у него задрожал искренней, глубокой болью.

Нина пристально посмотрела на него, и Лугановичу показалось, что ему удалось заставить ее понять, как велики его раскаяние и жалость к ней. Но лицо ее вдруг хитро и стран-

но изменилось.

– Я понимаю, – сказала она притворным-сочувствующим голосом и вдруг прибавила жестко и грубо: – А если я сейчас протяну вам руки и скажу «возьми меня!»... Вы откажетесь? Да?..

Луганович почти с испугом взглянул на нее.

– Нина! Зачем! – сказал он. – Этим не надо шутить!

– Я не шучу... я этого хочу... возьми меня!.. – повторила она.

Луганович вздрогнул. Выражение ее голоса было так странно, что он не мог понять, продолжает ли она свою фразу или в самом деле...

– Ну, что же ты?.. – страстно и нетерпеливо повторила она.

Холодный пот выступил на лбу Лугановича. Он не верил своим глазам: да, она действительно звала его, тянулась к нему, вся дрожала и горела, щеки ее пылали, губы раскрылись в неутолимой жажде поцелуя. Это была уже не Нина и не Нина Сергеевна, а какая-то новая, странная, дикая женщина, гетера. Какая страшная, невыносимая красота!..

– Я шутила... не надо больше... возьми меня!..

Ему показалось, что все закружилось кругом и исчезло куда-то, осталось одно это требующее, зовущее, грозное от страсти лицо, с пылающими щеками и воспаленными ненасытными губами. Не помня себя, он, как зверь, кинулся к ней.

Резкий хохот и грубый толчок в грудь отшвырнули его.

Как пьяный, он шатался и бессознательно еще тянулся к ней. Она лежала, откинувшись на подушку, и глаза ее горели мрачным торжеством.

– Красиво!.. – отчетливо проговорила она. – Боже мой, какое вы грязное и подлое животное!..

– Ты сумасшедшая!.. – крикнул он, почти в бреду.

– Может быть!.. А вы подлец, грязное, подлое животное!.. Вот вам!.. – повторила она, захлебываясь от мести, грубо и вульгарно, как последняя уличная девка. – Если бы вы знали, как мне хочется плюнуть вам в лицо!.. Вот так, взять и плюнуть!..

Все помутилось перед Лугановичем. С минуту они дико и страшно смотрели друг на друга, как два разъяренных зверя.

– Попробуйте!.. – хрипло сказал он.

– И плюну!.. – торжествующе повторила Нина.

Лугановичу показалось, что все это какой-то страшный бред. Неужели это она?.. Он попытался стряхнуть с себя этот ужасный кошмар, но лицо Нины вдруг исказилось животной злобой, губы вытянулись, и, инстинктивно предупреждая плевков, Луганович стремительно схватил женщину за горло.

Она хрипела и билась, стараясь оторвать его руки, хотела что-то крикнуть, но он все крепче и крепче сжимал ее полную, мягкую шею.

Волосы ее спутались диким комком, лицо посинело, меж синих губ показались синевато-белые зубы, слюна, которую

она все-таки хотела выплюнуть, текла по подбородку, на голую грудь.

– Пустит... те!.. – наконец удалось выговорить ей уже в то время, когда ее судорожно скорченные пальцы ослабевали и бессильно скользили с его рук.

Последний проблеск сознания молнией осветил перед Лугановичем ужасный смысл происходящего. С внезапным безумным отвращением он выпустил ее шею, всю покрытую темными красными пятнами, и сидел, вытаращив глаза, ничего не понимая и не видя перед собою.

Она судорожно двигала головой, глядя на него дикими непонятными глазами.

– Больно!.. – хрипло и слабо наконец проговорила она.

Страшная жалость, омерзение к себе, мучительная нежность потрясли Лугановича. Он ахнул, бросился перед кроватью на колени и стал целовать руки, плечи, бедную изуродованную шею.

– Нина, Нина!.. – бормотал он сквозь слезы, чувствуя, что это точно она – прежняя Нина, бедная, опозоренная, несчастная.

И в эту минуту ему казалось, что всей жизнью своей он искупит прошлое. Жена, дети – все полетело куда-то и исчезло, как не бывшее. Он любил только ее, эту несчастную, измученную, жалкую женщину.

– Нина! Ниночка!.. Прости!..

– Уйди!.. – услышал он над собою слабый страдающий го-

лос.

Он взглянул и увидел, что она плачет. Плачет, с широко открытыми глазами, глядя прямо вверх перед собою. Все тело ее содрогалось, и судорожно скорченные пальцы мяли и рвали простыни и скомканное одеяло. И эти плачущие открытые глаза были так страшны, что вся душа его содрогнулась.

Он хотел что-то сказать, схватить ее в объятия, спрятать в самое сердце свое, заставить забыть все, отдать ей всю жизнь свою.

– Уйди!.. – повторила Нина.

Он посмотрел на нее как безумный.

– Уйди... Уйди же!.. – крикнула она с такой мукой, с таким отчаянием, что волосы шевельнулись у него на голове.